

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1

2022

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

2022

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№1 (28)

E-journal «Perspectives and prospects»
№1 (28)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2022

Содержание:

Россия в мировой истории: прошлое, настоящее, будущее

Антон КРУТИКОВ. Философ Н.О. Лосский: размышления о русской нации, украинском и белорусском национализме..... 7

Ладислав ЗЕМАНЕК. Российский всеобъемлющий суверенитет: Консервативная государственная парадигма..... 21

Европейские страны в региональных и глобальных процессах

Вадим ТРУХАЧЁВ. Россия, Орбан и другие хитросплетения венгерской политики..... 27

Ладислав ЗЕМАНЕК. Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом..... 46

История и современность

Виктор НАДЕИН-РАЕВСКИЙ. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории..... 62

Антон КРУТИКОВ. Польско-украинский договор 1920 г..... 74

Цивилизационные исследования

Яков ШЕМЯКИН. Формы диалога в процессе межкультурного взаимодействия. Россия, Латинская Америка и Запад в сравнительно-историческом ракурсе..... 95

Алла ВЕРЧЕНКО. Изменения в традиционных стереотипах поведения современных китайцев (на примере китайских народных праздников)..... 110

Authors 120

Abstracts and Keywords 121

Contents:

RUSSIA IN WORLD HISTORY: PAST, PRESENT, FUTURE

Anton KRUTIKOV. Philosopher N.O. Lossky and his Reflections on the Russian Nation, Ukrainian and Belarusian Nationalism 7

Ladislav ZEMÁNEK. Russia's Comprehensive Sovereignty: A Conservative State Paradigm 21

EUROPEAN COUNTRIES IN REGIONAL AND GLOBAL PROCESSES

Vadim TRUKHACHEV. Russia, Orban and other Intricacies of Hungarian Politics 27

Ladislav ZEMÁNEK. Russophobia and the Transformation of the Czech Liberal Democracy in Relation to the Ukrainian Crisis 46

HISTORY AND MODERNITY

Viktor NADEIN-RAEVSKIY. History of pan-Turkism and its Contemporary Supporters. Part 1. Key Milestones in the History of Pan-Turkism 62

Anton KRUTIKOV. The 1920 Polish-Ukrainian Treaty 74

CIVILIZATION STUDIES

Yakov SHEMYAKIN. Forms of Dialogue in the Process of Inter-Civilization Interaction: Russia, Latin America, and the West in Comparative and Historical Perspective 95

Alla VERCHENKO. Changes in Traditional Behavior Patterns of the Modern Chinese (Based on the Case of Chinese National Holidays) 110

Authors 120

Abstracts and Keywords 121

**РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-7-20

УДК 1(470) (091); 929; 94(47)

Антон Крутиков

Философ Н.О. Лосский: размышления о русской нации, украинском и белорусском национализме

Аннотация. Отмечая способность русского народа к высшим формам духовного опыта, универсальность и всемирность русской культуры, высланный из России в 1922 г. философ Н.О. Лосский сделал вывод о глубоких духовных корнях «большой русской нации». Ученый обосновал идею исторического единства русских, украинцев и белорусов, противопоставляя ее практике культурного и политического сепаратизма. Три ветви русского народа, согласно Лосскому, создали «великую державу с мировой культурой». Рассматривая нацию с позиций философии персонализма как «личность высшего порядка», Н.О. Лосский доказывал неделимость русской культурной и исторической традиции.

Ключевые слова: Н.О. Лосский, Русская революция, национализм, русская философия, русская нация, СССР, украинский национализм, белорусский национализм.

В 1922 г. председатель Реввоенсовета Лев Троцкий в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг дал свое объяснение высылке из Советской России представителей интеллигенции, более известной под символическим названием «философский пароход»: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [Осоргин, с. 180]. Несмотря на апокрифичность высказывания, многие современники склонны были увидеть в нем отражение нового подхода советской власти к наиболее ярким представителям интеллектуальных и творческих сил русского общества. А именно к тем из них, кто, сохранив свое христианское мировоззрение, несмотря ни на какие «обстоятельства времени», так и не принял марксизм.

В начале 1920-х годов вопросы соотношения нации и государства, которые в разрушенной и опаленной Гражданской войной стране были жгучими и болезненными, власть стремилась решать самостоятельно, без опоры на столь ценимых Л.Д. Троцким «старых специалистов». А в условиях мобилизации партийных сил, запрета на фракционную деятельность в РКП(б), процессов против меньшевиков и левых эсеров, оформления идеологической диктатуры партии любая конкуренция оказалась как минимум неуместной. Изменилась сама тематика дискуссии о будущем советского государства. В публичном пространстве прежний русский имперский дискурс был замещен «про-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzel1000@gmail.com.

летарским интернационализмом», а те, кто не принял этого, бросая вызов партийной догме, подлежали изъятию из общества.

Оценить «гуманизм по-большевистски» пришлось в эти осенние дни 1922 г. и пассажиру покидавшего Петроград парохода «Preussen» философу Николаю Онуфриевичу Лосскому. Выдающийся русский мыслитель, профессор Санкт-Петербургского университета, преподаватель женских Бестужевских курсов, был в одночасье лишен родины, однако не выказал по этому поводу никакого раздражения или протеста. «В доме Отца Моего обителей много», — так начиналась вышедшая почти четыре десятилетия спустя книга его воспоминаний. Внутренняя свобода всегда оставалась тем качеством Н.О. Лосского, которое он пронес через всю свою долгую жизнь, невзирая на крушения политических режимов, революции, мировые войны и несколько вынужденных эмиграций. При всей тяжести выпавших на его долю испытаний ученый никогда не расставался со своими принципами; даже в 1919 г. в умирающем от голода Петрограде он вел семинар «Проблема свободы воли» и, по его собственному признанию, «мог продолжать свою работу вполне в том духе, как и до революции» [Лосский, Воспоминания...].

Его новая теория «интуитивизма» в философии, ставшая альтернативой распространенному среди современников позитивизму, оказалась очень действенным средством сопротивления разрушительным вызовам времени. Признавая в интуиции наиболее достоверное средство познания, Н.О. Лосский противопоставлял ее позитивистскому пониманию науки, указывая на чувства и интеллект как на равнозначные и равно полезные для исследователя инструменты. Выступая против торжества материализма, опиравшегося на позитивистскую мораль, бесстрашно отражая нападки политических и научных оппонентов, Лосский оставался верен принципам христианства, русской культуры и православной русской традиции.

«В наше время, — утверждал он, — христианский идеал абсолютного добра можно защищать не иначе, как с помощью глубокой философии, опровергающей материализм, позитивизм и всевозможные виды натурализма» [Там же].

Его публичные выступления в 1919–1920 гг., в том числе в Вольной Философской Академии, основанной поэтом Андреем Белым, собирали сотни слушателей. Социолог Питирим Сорокин, однажды в 1921 г. выступавший вместе с Лосским в Петрограде, в своей лекции провозгласил: «задача русского народа состоит в том, чтобы осуществить идеал, начертанный святым Нилом Сорским, Достоевским, Львом Толстым» [Лосский, Воспоминания...]. Можно сказать, что это было жизненным кредо и для Лосского, определившим судьбу обоих русских мыслителей и заставившим их помимо воли покинуть родину.

Впрочем, ни одного слова упрека ее новым властям философ не высказал. Его добродушная ирония наряду с глубоким пониманием поразившей страну катастрофы лишь однажды проявилась в рассказе о беседе со следователем ВЧК Козловским накануне высылки из Советской России. Именно тогда Н.О. Лосскому пришлось лично

столкнуться с нетерпимостью и классовой ненавистью новой власти. «“Наши старшие решили выслать вас за границу, а по-моему вас надо просто к стенке поставить”, то есть расстрелять», — безапелляционно заявил следователь петроградского ВЧК. Парадоксально, что бывший кузнец и профессор университета увидели тогда друг в друге не просто классового врага, но отражение своей собственной картины мира, часто жестокой и несправедливой. Никакой личной неприязни при этом не возникало, ведь даже забывшие о человечности большевики для Лосского оставались обманутыми и впадшими в заблуждение русскими людьми: «Он сказал это без всякой злости, таким добродушным тоном, что нельзя было возмутиться его простодушной, бессознательной жестокостью и несправедливостью» [Лосский, Воспоминания...].

Чувственное восприятие мира всегда помогало ему переживать трудности. Несмотря на трагизм положения его родины, последний брошенный взгляд на исчезающий в ноябрьском тумане Петроград был исполнен надежды, грусти и христианского смирения: «Последнее впечатление от любимого мною Петербурга была картина красивого силуэта Исаакиевского собора и зданий набережной на фоне неба» [Там же]. 16 ноября 1922 г. философ навсегда покинул Россию.

Работа в эмиграции принесла Лосскому славу одного из крупнейших русских мыслителей XX столетия. Живя в Праге, Братиславе, Париже и Нью-Йорке, посещая с лекциями Лондон, Белград и Варшаву, он затрагивал в своих выступлениях множество актуальных общественных и философских вопросов. Библиография его работ насчитывает почти 300 наименований [Лосский, История русской философии, с. 4]. В их числе — книги, статьи, брошюры, монографии и другие труды, изданные на русском, немецком, английском, французском, чешском и словацком языках. Энциклопедизм знаний, широчайшая эрудиция, тонкое чувство эпохи и знакомство со знаменитыми современниками сделали личность Лосского легендарной еще при жизни.

В одной из своих работ философ подчеркивал, что «национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием человечества» [Там же, с. 19]. Эту закономерность, несомненно, отразил и его собственный жизненный путь. Защищая высокие ценности русской культуры, Лосский открыл миру богатство русской религиозной философии, познакомив западного читателя с творчеством В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и многих других знаменитых мыслителей.

В связи с этим часто звучит мнение современных исследователей о том, что «Лосский-философ нередко отодвигает на задний план Лосского-историка» [Там же, с. 9]. Такая оценка отражает, однако, лишь одну из сторон его многогранных научных достижений. Во многих трудах ученого легко обнаружить прямо противоположную тенденцию. В первую очередь она характерна для таких его произведений, как «Характер русского народа», «История русской философии» и, конечно же, «Воспоминания».

Особый интерес представляют взгляды Н.О. Лосского по национальному вопросу, сформулированные ученым в эмиграции: размышления о России и русском народе, его

социокультурных особенностях, психологическом типе и историческом пути. Так сложилось, что творчество Лосского при жизни не было востребовано на родине, ведь советский «инкубатор наций» в 1920–1930-е годы работал автономно, не нуждаясь в мнении представителей академической науки и лучших творческих сил российской интеллигенции.

Построение нового советского государства в форме СССР, совпавшее по времени с высылкой философа за границу, проходило на фоне отказа от многих ценностных ориентиров и принципов, выработанных на протяжении столетий. Идею исторического единства России заменили лозунги «пролетарского интернационализма», религиозную духовность русского народа активно разрушали воинствующие атеисты, а на смену самодержавию пришло коллективное руководство в лице Политбюро ЦК. Новое советское государство создавалось в форме федерации национальных советских республик, причем существовавшее в Российской Империи многообразие форм самоуправления на национальных окраинах было заменено единым большевистским политическим стандартом, в котором ключевую роль играла партия — РКП(б), позднее ВКП(б). Существовавшее на тот момент региональное своеобразие парадоксальным образом оказалось под угрозой, что происходило на фоне упрощения и «сглаживания» социальной структуры общества ради туманных перспектив воспитания в СССР «нового человека».

На фоне этих процессов «глубинный» русский народ практически утратил субъектность и сам оказался объектом многочисленных социальных экспериментов. Теоретические разработки Лосского в сложнейших вопросах нации и национализма могли бы в тот момент сослужить хорошую службу родине, где активно проводилась политика «коренизации» в национальных республиках, сопровождаемая разрушением традиционных институтов, в частности религиозных и семейных. Однако, как отметил позднее сам ученый, «материалисты-революционеры, занимающиеся философией не из любви к истине, а ради узко практической цели, именно для выработки орудия, разлагающего старую общественную жизнь, не занимаются такими вопросами, требующими углубленного анализа» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 37].

Лишь в наши дни оказалось возможным оценить масштаб научных достижений Лосского как философа и историка. Возвращение на родину в начале 1990-х годов его имени (в числе ряда других) открыло соотечественникам ранее неизвестные богатства русской философской мысли.

Жизненный путь мыслителя, в чем-то сходный с путем героя «Очарованного странника» Н.С. Лескова — воплощения собирательного образа русской души, отразил судьбу его народа. Ранние годы жизни Н.О. Лосского, родившегося в 1870 г. в местечке Креславка Двинского уезда Витебской губернии, прошли на белорусско-латышском пограничье, на берегах Западной Двины. Именно здесь сформировались его начальные представления об огромной многонациональной России. Заметное влияние на мировоззрение ученого оказало его увлечение природой и любовь к своей малой родине — Белоруссии, которую он всегда считал органичной частью единого русского

культурного и исторического пространства. Уже в детстве закладывалось мировоззрение будущего мыслителя, о чем сам Лосский откровенно рассказывал в своих мемуарах. «Вероятно, мне был девятый год, когда я прочитал статью Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости». Статья попала на подготовленную почву. Перед тем во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. я нередко читал своей двоюродной бабушке сообщения с театра войны в «Правительственном Вестнике». Моя любовь к России, гордость ею, вера в ее великие достоинства прочно сложилась в моей душе уже тогда» [Лосский, Воспоминания...].

Путь Лосского к осознанию глубоких духовных корней русского народа оказался далеко не простым — в юности будущий философ был исключен из Витебской мужской гимназии за пропаганду социалистических идей. Как и его знаменитый современник Петр Струве, Лосский пережил увлечение модными тогда теориями социализма и впоследствии разочаровался в них, сделав выбор в пользу универсальной этики христианства.

Жизнь на пересечении нескольких культур, католицизм матери, польские корни семьи и при этом глубокий русский патриотизм сформировали в Н.О. Лосском ученого с имперским самосознанием, в котором узкий национализм окраин отвергался в пользу «универсализма» целого. Универсальность империи, веками создаваемой общими усилиями трех ветвей «большого» русского народа (наряду со многими другими народами России) оказывалась в его системе взглядов важным фактором исторического процесса.

Даже находясь за границей, философ последовательно защищал русскую национальную идею от несправедливых нападок и исторических фальсификаций, указывая на важный вклад российской государственной традиции в мировую культуру. В частности, Лосский критиковал «крайний национализм» правительства приютившей его Чехословакии, где эмигранты из России оказались в качестве «граждан второго сорта». Общественная среда, сформировавшая политический климат в этой стране, состояла, по его словам, «главным образом, из чехов, относившихся с недоверием к русской духовной культуре, выработанной при царской власти. Эти чехи, как и вся Западная Европа, имели ложное представление о царской власти, несправедливо считая ее варварской и некультурной. Точно так же дореволюционную русскую духовную культуру они считали грубо реакционной, а сами стремились во что бы то ни стало к прогрессивности» [Там же]. В этом нарочито пренебрежительном отношении к русской культурной традиции проявился, по мнению Лосского, «крайний национализм чехов, непонятный нам, русским, привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его» [Там же]. Националистическая среда послевоенной Европы, пропитанная стремлением построить демократию «без религиозных основ» на почве позитивистского миропонимания, противопоставлялась философом традициям русской культуры и государственности.

Прообразом Царства правды и «абсолютного добра», которое имело не только духовное, но и земное измерение, для Н.О. Лосского выступала дореволюционная Рос-

сия. Причем защищаемые философом традиции русской дореволюционной жизни имели, по его убеждению, глубокие духовные основания. Речь шла в первую очередь о попытке приблизиться к христианскому идеалу «абсолютных ценностей», т.е. приобрести «нравственное добро, красоту, познание истины, блага неделимые и неистребимые, служащие всему миру» [Лосский, Характер русского народа, с. 9]. Открытость российской культуры, ее универсальность, всемирность и «всечеловечность» (о которой упоминал Ф.М. Достоевский в знаменитой речи об А.С. Пушкине) выступали базовыми маркерами при описании Лосским российской действительности.

Неоспоримым фактом была для него и неделимость российского «целого», доказанная многовековой историей. Несмотря на периоды длительного разделения и обособленного развития, части исторической России к концу ее имперской эпохи были объединены в рамках единого государства. Не в последнюю очередь это единство было связано с духовной сферой, с ценностями и ориентирами, выработанными народом России на протяжении столетий. Кроме того, согласно взглядам философа, созданная в России империя выполняла важную цивилизационную функцию благодаря своей географии (расположению на стыке Востока и Запада) и размерам, подобно крупному небесному телу, словно силой гравитации притягивая малые «политические тела» и народы.

В детских воспоминаниях Лосского есть любопытный эпизод: «В длинные зимние вечера, сидя рядом с матерью, я брал иногда свою грифельную доску и чертил на ней фантастические границы России, а рядом с нею какие-то воображаемые государства. Потом в моем воображении разыгрывалась история войн и добровольных присоединений, Российская империя все разрасталась и, наконец, поглощала все» [Лосский, Воспоминания...].

Дискурс «целого» представляется ключевым для понимания научных подходов Н.О. Лосского к решению важнейших общественных и философских проблем современной ему России. Уже в юности у будущего ученого возникло ощущение, переросшее затем в твердое убеждение, о единстве «трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой». Проводя параллели с современными ему европейскими государствами, Лосский указывал на схожесть проблем, с которыми столкнулись в начале XX в. все «большие нации» Европы, в том числе и русская.

В каждом из этих крупных национальных государств, считал ученый, «выработалось единое национальное сознание, ценимое большинством граждан государства сознательно или, по крайней мере, подсознательно. Но в то же время в каждом из них имеются лица, отталкивающиеся от великого национального целого и предпочитающие ему особенности своей провинции. Они хотели бы возвести свою провинцию на степень нации, образующей самостоятельное государство» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 188]. Этот вид национализма Лосский именуется «провинциализмом», указывая на положительное значение национализма «подлинного», заключающегося в любви к Отечеству и своей большой нации.

Конфликт двух различных типов национализма, исходя из их во многом противоположной природы, по его мнению, практически неизбежен. Разрушение высокой культуры, выработанной в России и Европе, «ценной для всего человечества», Лосский считал потенциальной угрозой будущего, связывая ее с поощрением сепаратистских устремлений национальных окраин. Высокая культура, по его мнению, могла сложиться и плодотворно развиваться только в рамках единого национального целого. Разрушение целого неизбежно привело бы к кризису культуры, ослабляя исторический потенциал нации.

В то же время Лосский призывает различать философские понятия «единства» и «тождества», так как различные социальные составляющие «большой нации», пребывая в единстве, по-прежнему способны сохранять культурное, языковое и религиозное своеобразие. Невозможно, по его мнению, игнорировать и вклад каждой отдельной творческой личности в развитие национальной культуры, ибо он по-своему уникален и неповторим. «Все три ветви русского народа, — отмечал Лосский, — совместными усилиями выработали великую культуру, которая в конце XIX и начале XX века была на уровне западноевропейской культуры. Чтобы согласиться с этим, достаточно вспомнить русскую литературу, музыку, науку, инженерное искусство; после великих реформ Александра II русский суд был выше западноевропейского; высоко развилось земское и городское самоуправление; благолепие русского православного богослужения теперь стало известно всему миру. Русский литературный язык принадлежит к числу особенно высокоразвитых языков. Выработали его совместными усилиями и великороссы, и малороссы, и белорусы. Достаточно вспомнить имена Гоголя и Короленко, чтобы признать участие украинцев в том великом достижении» [Лосский, Воспоминания...].

Большая русская нация для Лосского неделима и органически сочетает в себе достоинства всех ее многочисленных и далеко не тождественных составляющих. Нация представляет собой «симфонию» отдельных творческих элементов — личностей, а любовь к Отечеству невозможна без любви к каждому отдельному человеку. «Русская идея — христианская идея; на первом плане в ней — любовь к страдающим, жалость, внимание к индивидуальной личности» [Лосский, Характер русского народа, с. 23]. В соответствии с этим и «каждое общественное целое, нация, государство и т. п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому, как органы его» [Там же с. 7]. Этот взгляд на нацию как на живой организм, уникальную и сбалансированную живую систему, развивал и дополнял представления русского философа и историка Л.П. Карсавина, впервые в отечественной философии употребившего термин «симфоническая личность» [Там же]. Нация, по Лосскому, подобна симфонии, а ее разрушение означает катастрофу для национальной культуры, традиции и истории.

Оказавшись очевидцем событий двух русских революций и Гражданской войны, ученый смог на практике проверить актуальность своих теоретических размышлений. Разрушение исторического единства России большевиками Н.О. Лосский считал центральным актом трагедии революционных потрясений 1917–1922 гг. Философ неодно-

кратно характеризовал его как тягчайшее преступление новой власти против своего народа. Вопреки распространенным оценкам, признающим положительное значение большевизма в деле собирания распавшегося за годы Гражданской войны политического пространства России (с некоторыми исключениями восстановленного к 1922 г.), Лосский придерживался противоположной точки зрения. Большевистские подходы к государственному строительству и, в частности, их национальная политика, превратившая Советский Союз в «фабрику наций» и разделившая его искусственными границами, не вызвала у философа никакого сочувствия. Впрочем, он уделил немало внимания и предпосылкам зарождения такой политики, опиравшейся на накопленный годами проблемный потенциал российских национальных окраин.

В вышедшей в 1934 г. статье «Диалектический материализм в СССР» Лосский детально разбирал противоречия советской марксистско-ленинской идеологии и практики, пророчески указывая на потенциально опасные долгосрочные последствия подобных экспериментов. Несмотря на существенные расхождения политики лидеров большевизма с их собственными идеалами, писал ученый, «стоит назвать противоречие «жизненным», и деятельность их оказывается оправданною. Так, напр., большевики дробят СССР на множество автономных национальных республик, искусственно культивируя язык и литературу у народностей, совершенно не склонных к обособленному от России национальному развитию (по-видимому, в основе этой политики лежит цель: «divide et impera!»). Сталин в одной из своих речей говорит по этому поводу, что национальным культурам необходимо развиваться, чтобы слиться «в одну общую культуру с одним общим языком». О государстве, которое согласно марксизму есть всегда эксплуататорская форма организации общества, подлежащая совершенной отмене, тот же Сталин говорит: «высшее развитие государственной власти в условиях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула... противоречие это жизненно и оно целиком отражает марксову диалектику» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 47].

Верным представляется утверждение Лосского о том, что сильная русская нация была чужда большевизму, тем более что сама идея «единой и неделимой России» прочно ассоциировалась с политическими лозунгами Белого движения. Однако верно и то, что упомянутый ученым древний принцип «разделяй и властвуй» открывал широкие возможности для экспорта революционных идей, проводниками которых служили новые «социалистические» нации, возникшие на обломках русского имперского пространства. Революция выступила катализатором процессов, долгие годы вызревавших в недрах «большой нации» России, когда на смену «провинциализму», описанному Н.О. Лосским, пришел национализм интегрального толка. Для будущего России, ее культуры и государственной традиции огромное значение имело развитие украинского и белорусского национализма. Оба эти движения, как известно, зародились задолго до 1917 г., еще в конце XIX — начале XX в. Однако именно революция предоставила широкие возможности лидерам украинской и белорусской национальной идеи реализовать свои политические амбиции.

Н.О. Лосский уделял особое внимание характеристике украинской и белорусской проблемы, посвятив ей немало страниц своих «Воспоминаний» и отдельную публикацию — статью «Украинский и белорусский сепаратизм», вышедшую в журнале «Грани» в 1958 г.

Говоря о культурном «провинциализме» как об источнике украинского сепаратизма, ученый отмечал его роль в качестве своеобразного инструмента, направленного на раскол русского исторического пространства. Большевики лишь использовали стремление местных интеллектуальных элит «возвести свою провинцию на степень нации, образующей самостоятельное государство». Широкие возможности для этого открывала постреволюционная реальность, когда в условиях кризиса нравственных ценностей «симфонический» человек уступил место человеку эгоистическому, ничем не ограниченному в достижении своих целей. Человеческий эгоизм Н.О. Лосский называл главной причиной, препятствующей торжеству этики «абсолютного добра» и ведущей к расколу национального «целого».

В «состав» подлинного национализма, писал философ, «входит любовь к значительным событиям исторического прошлого народа» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 195]. И потому в первую очередь история оказывается тем полем, на котором сталкиваются интересы «больших» и «малых» национализмов. Говоря об истории Украины, Лосский предупреждал об опасности попыток ее фальсификации, модернизации исторического знания, присвоения прошлого. Огромное значение, по словам ученого, имело то, что именно в Киеве, на землях будущей Малороссии было положено начало русскому государству. Киев и в начале XX столетия оставался духовным и сакральным центром русского народа, по сути, третьей российской столицей. По мнению Лосского, именно здесь, в Малороссии, и есть «основная Россия». Недаром, напоминает ученый, в летописи Нестора говорится: «Се повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть» [Там же]. Колыбель русской государственности, культуры и христианской традиции, Киев приобрел универсальное и непреходящее значение для русской национальной идеи. Борьба за его историческое наследие, начавшись при жизни философа, и в наше время продолжает оставаться важным фактором, определяющим будущее Украины и России.

«Встреча с украинскими сепаратистами, — пишет Лосский, — ненавидящими Россию, изумляет русского человека и глубоко ранит сердце его. Представляется непонятным их искаженное понимание начала русской истории; чувствуется как нечто нравственно предосудительное **предпочтение ими провинциальных обособленных ценностей совместному творчеству всех трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой**» (выделено мною. — А.К.) [Лосский, Воспоминания...].

Попытки современной украинской политики опереться на историю в «противостоянии» с Россией и, в частности, недавно прозвучавшие из офиса президента В.А. Зе-

ленского предложения переименовать страну в «Русь-Украину» подтверждают правоту Лосского [Арестович]. Остается лишь поражаться прозорливости взглядов русского ученого (уроженца Белой Руси), высказанных почти столетие назад. Ведь даже в своей радикальной форме современный украинский национализм никак не может разорвать связь с той исторической базой и культурной основой, которая его воспитала. А четко выраженный регионализм в развитии украинской национальной идеи, для которой Галиция (Червонная Русь) долгие годы выполняла роль политического и культурного «Пьемонта», является лучшей иллюстрацией представлений философа о «провинциализме» как неизбежной и потому крайне опасной для больших наций болезни.

Н.О. Лосский призывал сосредоточиться на положительных примерах культурного и исторического взаимодействия России и Украины, на протяжении столетий взаимно дополнявших и обогащавших друг друга. «Думая о России, — утверждал Лосский, — украинцам следовало бы руководиться примером такого гения, как Гоголь. [...] Он страстно любил свою родину, но вместе с тем он любил весь русский народ, русский язык и Россию, как государство. Национальное сознание его было великодержавное русское. Интеллигентные малороссы творили в XIX веке великую культуру в неразрывной связи со всем русским народом, не отделяя себя от великороссов» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 193].

Будущее, по мнению Лосского, могло быть только за федеративной формой организации политического пространства российского государства, в котором следовало обеспечить свободное развитие всех его национальных окраин при сохранении политического единства, без ущерба для «великой русской культуры». «Когда Россия освободится от коммунистической диктатуры, писал философ, — и нелепого марксизма-ленинизма, она создаст высокую культуру, в которой будет осуществлён синтез высоких ценностей дореволюционного прошлого с ценностями, достигнутыми во время революции. Если сепаратистам-украинцам удалось бы отделить Украину от России и образовать самостоятельное государство, культура Украины весьма пострадала бы. Отрекшись от великой прошлой культуры, выработанной путем органичной связи всех трех ветвей русского народа, шовинисты-украинцы достигли бы только ускоренного развития провинциальных особенностей своего языка и своего быта. Любовь к своему быту и наречию может и должна быть удовлетворена в форме федерации с остальными областями России, федерации такой, при которой единство культуры и великие задачи ее были бы сохранены» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 196]. Федерация, предложенная Лосским, мыслилась им как союз, основанный на универсализме духовных ценностей, общих для всех русских, а не на «праве наций на самоопределение» и партийном диктате, прикрытом лозунгами «дружбы народов» и «пролетарской солидарности».

Стоит заметить, что еще при жизни философа предпринимались попытки причислить его к тому или иному национальному/политическому лагерю. В частности, довольно распространены оценки, выводящие на первый план происхождение Н.О. Лосского, его польские корни и белорусскую «малую родину». Однако все они были заранее об-

речены на неудачу. Никто лучше самого философа не мог определить его национальную идентичность. Жизнь в эмиграции, в новой культурно-языковой среде была лишь дополнительным катализатором формирования у него однозначной и не подлежащей сомнению самоидентификации.

Белоруссия в системе взглядов Н.О. Лосского — самобытная и при этом органичная и неотъемлемая часть исторической России. Говоря о зарождении в начале XX в. белорусского национализма, Лосский подчеркивал его связь с украинским национальным проектом, сходство методов, которыми руководствовались сторонники этих двух политических течений. Никаких объективных исторических предпосылок для обособленного развития данных народов не существовало, ибо, как и украинцы, белорусы столетиями боролись за свою русскую и православную идентичность, против ополячивания и окатоличивания. И потому естественным было объединение их усилий для освобождения Белой и Малой Руси от чуждого господства и строительства единого государства. Тем более странными выглядят современные попытки представить Лосского сторонником белорусской национальной идеи, смещающие акцент в сторону происхождения философа [Лянькевич, с. 90].

«Сознание того, что белорус есть русский, — отмечал Лосский, — мне хорошо знакомо, потому что я сам белорус, родившийся в Двинском уезде Витебской губернии в местечке Креславка на берегу западной Двины. Учась в Витебской гимназии, я, в возрасте двенадцати лет, читал только что появившуюся книгу “Витебская старина” (1883 г.). Из нее я узнал о нескольких веках борьбы белорусов за свою русскость и Православие. С тех пор мне стало ясно, что называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно сознавать себя русским, гражданином России» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 197].

Но не только «малую родину» ученого пытались вывести на первый план его политические оппоненты. Рассказывая о своей поездке из Праги в Варшаву в 1925 г., Лосский вспоминал: «Особенно тяжело было для меня то, что польское общество, имея в виду наличие во мне польской крови, выдавало меня за поляка. Несмотря на мою симпатию к польскому народу и признание его высоких духовных достоинств, все это шло вразрез с моим русским национальным сознанием» [Лосский, Воспоминания...]. Важным представляется и упоминание о встрече философа с митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским) — участником церковных реформ, которые проводило в этот период польское правительство с целью создания отдельной от Московского патриархата автокефальной Православной церкви. Не соглашаясь с политикой церковного раскола, Лосский подверг критике усилия Варшавского владыки по публикации периодических изданий на «белорусском диалекте, ужасающе неэстетичном и некультурном» [Там же]. В этих фрагментах воспоминаний переплетаются два мотива, которыми руководствовался Н.О. Лосский, живя в эмиграции: противостояние узкому национализму народов, бывших некогда частью единого «целого», и публичная манифестация своего русского национального самосознания.

Вслед за Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком и Л.П. Карсавиным, Лосский подчеркивал глубокие духовные основы русского единства, говорил о «высоких свойствах, присущих совместно всем трем ветвям русского народа, о религиозности русских, об искании абсолютного добра, смысла жизни, способности к высшим формам опыта» [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 197]. Различие великороссов и малороссов состояло, по его мнению, лишь в том, что они — «северное и южное племя», которые по своему характеру дополняют друг друга. По его словам, «величие русской нации уже доказано прошлой историей России. Будем надеяться, что разум украинского народа победит сепаратистов» [Там же]. Несмотря на реализм в оценках последствий советской национальной политики, Лосский выражал надежду на благоприятный исход конфликта «больших» и «малых» национализмов на территории русского культурного пространства.

Раскол исторического тела России в XX в. и сегодня остается одной из самых болезненных национальных травм ее истории. Лишь спустя десятилетия к тем, кто прежде не задумывался о «подводных камнях» политики советского нациестроительства, приходит осознание ценности былого единства и негативных последствий пренебрежения к философии «другого пути», предложенного яркими представителями российской интеллектуальной элиты из вынужденной эмиграции.

Вскрывая противоречия советского строя и философии диалектического материализма (при ближайшем рассмотрении эта философия оказывается совсем не материалистичной, что позднее прекрасно доказал Н.А. Бердяев), Лосский предупреждал об опасностях национальной политики в СССР. Ведь ее результаты могли оказаться прямо противоположными тем, что были задуманы «отцами-основателями» советской политической системы. Новые «социалистические» нации, родившиеся в 1920–1930-е годы, по сути представляли собой готовые государства, элиты которых ждали лишь удобного момента, чтобы, воспользовавшись ослаблением партийной догмы, разорвать связи с союзным центром.

За много десятилетий до 1991 г. Лосский предвидел распад СССР, что со всей очевидностью выводило на первый план самый сложный и болезненный национальный вопрос. «В наше время среди украинцев-эмигрантов сильно развился украинский национализм, пропитанный ненавистью к России, доходящий до утверждения, что враг номер первый — не коммунизм, а русский народ. После падения советской диктатуры такие украинцы хотят отделения Украины от России и образования из нее самостоятельного государства», — пророчески писал Лосский в 1958 г. [Лосский, Украинский и белорусский сепаратизм, с. 189].

Характерно, что размышлениями об украинском национализме заканчиваются воспоминания ученого, сумевшего еще в межвоенные годы разглядеть в туманных контурах будущего и образование наднациональных структур Европейского союза, и построение западной модели социализма «шведского типа», и крушение СССР с формированием на его обломках новых независимых государств. По его убеждению,

советское руководство было лишено реальных инструментов, чтобы в будущем удержать страну от распада, ведь «пролетарский интернационализм» за десятилетия так и не стал надежной спайкой для созданных в СССР «социалистических» наций.

Разрушая старое, никто не позаботился о творческом синтезе для построения будущего, т.к. сам творческий «человек-деятель» исчез, уступив место послушному элементу государственно-партийной машины. Партийность советской системы отвергала все ей чуждое, в том числе, оригинальные философские идеи, не укладывающиеся в марксистский канон, почти с религиозным упорством защищаемый его последователями. Лосский особо подчеркивал, что «не истины ищут большевики в философии, а только удобного оружия для достижения своих революционных целей» [Лосский, Диалектический материализм в СССР, с. 64]. Именно поэтому, отмечал он, при В.И. Ленине критиковались любые «отступления от материализма и поправки идеализму» [Там же, с. 64–65]. А при И.В. Сталине в послевоенные годы борьба с инакомыслием затронула многие перспективные направления в советской науке и искусстве, когда атаке подверглись основанные на «западной» («буржуазной») традиции подходы к интерпретации исторического прошлого.

Пренебрежение живыми интересами нации во имя оторванной от реальности партийной догмы, согласно Лосскому, и стало главным содержанием российской трагедии XX в. «В СССР диалектический материализм есть философия партийная, служащая не целям искания истины, а практическим надобностям революции. Пока в СССР господствует власть, подавляющая всякое свободное исследование, диалектический материализм не способен ни к какому плодотворному философскому развитию», — выносил свой вердикт ученый [Там же, с. 66].

Предчувствие конца советского периода российской истории, неизбежность рождения вслед за ним нового мира и новой России со всей очевидностью прослеживается во многих высказываниях философа. Присущая его этике идея нравственного прогресса охватывала не только развитие отдельной личности, но и мира в целом, вселяя надежду на позитивные перемены на родине. И хотя о возможных сроках этих изменений спорили тогда буквально все представители российского политического зарубежья, Лосский смог заглянуть в будущее гораздо дальше многих своих современников. Впрочем, с нетерпением ждали перемен не только в эмиграции. Спутник Н.О. Лосского по «философскому пароходу» М.А. Осоргин осенью 1922 г. получил удивительное напутствие от советских чекистов, ответственных за высылку ученых: «Да не переживайте вы так, Михаил Андреевич. Скоро наша власть кончится, и вы вернетесь» [Лосский, Воспоминания...].

Вопреки этому наивному оптимизму, философ Н.О. Лосский, как и М.А. Осоргин, никогда не вернулся в Россию. Вернулись его идеи, обогащая русскую мысль открытием новых «обитателей» и миров, которых на свете великое множество. Оригинальная и целостная философская система Лосского, его глубокий патриотизм как отражение всемирности и всечеловечности русской национальной традиции стали достоянием отечественной духовной культуры.

Литература

- Арестович выдвинул предложение переименовать Украину // Слово і Діло. 01.09.2021. — URL: ru.slovoidilo.ua/2021/09/01/novost/obshhestvo/arestovich-vydvynul-predlozhenie-pereimenovat-ukrainu (дата обращения: 08.10.2021).
- Бердяев Н.А. Русская идея. М. 2008.
- Будрайтскис И.Б. Страшная сила очевидности. Читая Ивана Ильина. // Colta. 26.12.2016. — URL: m.colta.ru/articles/raznoglasiya/13503-strashnaya-sila-ochevidnosti-chitaya-ivana-ilina (дата обращения: 08.10.2021).
- Веселова Н.А. Основания духовно-нравственной философии Н.О. Лосского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург. 2011.
- Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; Комментарий. В.Г. Макарова. М. Русский путь. 2005.
- Известия. 1922. 30 августа.
- Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь / Предисл. и примеч. Б.Н. Лосского; Вступ. ст. О.Т. Ермишина. М. 2008. — URL: rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=0&ELEMENT_ID=4261 (дата обращения: 08.10.2021).
- Лосский Н.О. Диалектический материализм в СССР. Р. 1934.
- Лосский Н.О. История русской философии. М. 1991.
- Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Грани. Frankfurt (Main). 1958. № 39. С. 188–197.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М. 1991.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт. Посев. 1957.
- Лянькевич Г.Ч. Всечеловечность как продолжение патриотизма. О судьбе и философском пути Николая Лосского // Беларуская думка. 2013. № 1. С. 88–91.
- Осоргин М.А. Как нас уехали (фрагмент воспоминаний) // Времена. Париж. 1955. С. 180–185.
- Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / Сост., предисл. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; комментарий. В.Г. Макарова. М. Русский путь. 2010.
- «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65–96.

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-21-25

УДК 94(47); 323/324; 327

Ладислав ЗЕМАНЕК

Российский всеобъемлющий суверенитет: Консервативная государственная парадигма

Аннотация. В статье анализируется современное понятие суверенитета, как оно закреплено в базовых нормативных документах Российской Федерации. Суверенитет как ключевая категория российской государственной парадигмы рассматривается в исторической перспективе с учетом своеобразного развития русской цивилизации и актуального международного контекста. Принцип суверенитета распространяется на все новые области, не ограничиваясь сферой международных отношений и приобретая всеобъемлющий характер. Анализ показывает, что современные реинтерпретации суверенитета в рамках доминирующей российской парадигмы имеют консервативные черты в плане модели внутренней организации государства и одновременно являются прогрессивными в плане внешнеполитической модели, которая направлена на демократизацию глобального порядка.

Ключевые слова: Россия, суверенитет, национальная безопасность, государство, модернизация, Запад, либерализм, консерватизм, Владимир Путин.

«Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия — нет», — эти слова были произнесены президентом Владимиром Путиным в его послании Федеральному собранию в 2019 г. [Послание Президента...]. Суверенитет — важнейшее понятие российской государственной парадигмы. Оно носит всеобъемлющий характер, не ограничиваясь сферой международной политики. Это понятие является аналогом феномена китайской «двойной циркуляции», «стратегической автономии» Евросоюза или политики «America First» Дональда Трампа. Все эти явления — симптомы трансформации глобального порядка в направлении к полицентрической, инклюзивной модели, воплощающей в себе сложную диалектику глобализации и деглобализации, интеграции и регионализации. Понятие всеобъемлющего суверенитета одновременно консервативно и прогрессивно, проникнуто традиционными ценностями, но направлено к демократизации мирового порядка.

Суверенитет и модернизация

Существующая система международных отношений и безопасности неравноправна и дискриминационна по отношению к альтернативным центрам власти [Указ Президента

Сведения об авторе: ЗЕМАНЕК Ладислав — доктор философии, Карлов Университет (Чехия), аналитик China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР; zemanek.ml@gmail.com.

№ 640]. Принцип суверенитета закреплён в стратегических документах в самых разных сферах. Это относится не только к национальной безопасности, внешним отношениям или экономике, но также к энергетическому сектору, информационной безопасности или культурной политике. Поэтому его значение нельзя переоценить — суверенитет является квинтэссенцией современного российского государства и его парадигмы.

Концепцию суверенитета России можно интерпретировать как основанную на тройном принципе: стратегической автономии/независимости, стратегической стабильности и стратегического партнёрства. Эти категории определяют как внутреннюю, так и внешнюю модель существования государства. *Стратегия национальной безопасности*, которая является краеугольным камнем официальной государственной парадигмы, отражает традиции патримониализма и этатизма [см. Pipes, p. 24], обосновывая необходимость усиления власти государства целями социального развития и обеспечения. Такой подход предполагает решающую роль вертикали власти и её ответственность за удовлетворение интересов людей. Другая важная роль вертикали заключается в обеспечении защиты от внешнего вмешательства, что рассматривается в различных контекстах. Упор делается на угрозе со стороны иностранных разведок и других иностранных организаций, террористических, экстремистских и радикальных сил, подрывающих суверенитет, территориальную целостность, политическую и социальную стабильность или традиционные религиозные и моральные ценности России.

Стратегия национальной безопасности наглядно демонстрирует, что элиты считают сильное государство, его аппарат и институты решающими для поддержания суверенитета страны. Если внешнеэкономические санкции идентифицируются как риски, то качественное развитие национальной экономики квалифицируется как стратегический приоритет [Указ Президента № 683]. Этот факт ещё больше усиливает императивы независимости и самостоятельности.

Сильная роль государства в экономических процессах — лейтмотив российской истории [Tsygankov, p. 7]. Ни свободный рынок, ни веберовская протестантская этика не были характерны для российского общества. Напротив, в дореволюционную эпоху экономика воспринималась как вторичный социальный институт, всегда подчинённый либо религиозным принципам, либо политическим и социальным целям. Даже история российского социалистического и коммунистического движения полна примерами преклонения перед государством и его ролью, несмотря на марксистскую теорию экономического базиса и общественной надстройки. Коммунистическая партия победила не благодаря экономическим условиям — она победила благодаря своей политической воле, кредо и квазирелигиозному рвению. А советская эпоха ещё больше углубила укоренившееся недоверие к западной, либеральной интерпретации рыночных механизмов. Цивилизационная траектория России подтверждает наблюдения социального антрополога Криса Ханна, по мнению которого для евразийских обществ характерна «инклюзивная укорененность» (*inclusive embeddedness*), то есть подчиненность экономики более широким социальным целям и потребностям [Hann, p. 4].

Принципы государственного контроля над экономической деятельностью, приоритета политических целей, а также доминирующая роль государства в модернизации и реформах существовали в различных формах как в дореволюционной России, так и в Советском Союзе. Можно сделать вывод, что советский эксперимент радикализировал давние тенденции, переосмысливая их в модернистском стиле. Но существовала и другая точка зрения. Реформисты начала XX столетия Сергей Витте и Петр Столыпин начали путь к модели с более широким пространством для индивидуальных действий и рыночных механизмов. В постсоветской России этой линии придерживался Дмитрий Медведев. В период экономического кризиса в 2009 г. президент России сформулировал программу модернизации, в которой резко критиковал экономическую ситуацию, зависимость от экспорта сырья, низкую производительность труда и хрупкость демократических институтов, говоря о полусоветском обществе и все еще существующем принижении индивидуальных потребностей и интересов. Медведев дистанцировался от патернализма и исторических форм российской модернизации, связанных с Петром Великим и большевизмом. Новая программа заключалась в развитии российской демократии и создании новой постиндустриальной экономики [Россия, вперед!].

Программы трех упомянутых реформистов (Витте, Столыпин, Медведев) не отрекались от русских культурных особенностей или консервативных моральных ценностей, вытекающих из Православия и других традиционных религий России, но представляли собой более открытую, более либеральную модель модернизации, а также внешне-го поведения.

Нелиберальная парадигма

Стоит отметить, что и в начале XX в., и во втором десятилетии XXI в. этот реформистский поворот был прерван из-за внешних факторов — Первой мировой войны, к которой Российская империя присоединилась с крайней неохотой, и «цветной революции» на Украине в 2014 г., за которой последовали антироссийская кампания со стороны западных стран и разрушение взаимных отношений.

Владимир Путин акцентировал другие элементы, но его политика была совместима с реформистской программой модернизации. Ведь программа президента Путина также была направлена на интеграцию в мировую экономику, ускорение экономического роста, поступательное развитие национальной экономики, поддержку предпринимательства, совершенствование политической системы. Однако повестка дня постепенно все более смещалась в плоскость безопасности, и главной целью стала уже не некая «мягкая» вестернизация и построение Большой Европы, а защита суверенитета и российской своеобразности, углубление автономии во всех необходимых областях и евразийская интеграция, где это возможно. Модернизация, региональная и межрегиональная интеграция и суверенная открытость были не отброшены, но переработаны в связи с неблагоприятными внешними условиями и растущими раздорами во всем мире [Sakwa, p. 5–6].

После 2014 г. защита суверенитета сопровождалась акцентом на самостоятельности и развитии собственных систем, независимых от глобальных. Это касается платежной системы, межбанковской финансовой телекоммуникационной системы, спутниковой системы навигации, системы пятого поколения или Интернета. Стратегия национальной безопасности предусматривает необходимость продовольственного, энергетического и технологического суверенитета (посредством рационального импортозамещения или снижения зависимости от импорта, иностранных технологий и рынков), финансового суверенитета (включая деофшоризацию), информационного суверенитета, культурного суверенитета. В отличие от других стратегических документов (например, Военной доктрины, Концепции внешней политики, Стратегии экономической безопасности, Доктрины энергетической безопасности, Доктрины информационной безопасности или Основ государственной культурной политики), Стратегия национальной безопасности затрагивает и объединяет все эти области. Некоторые социологи считают Стратегию национальной безопасности 2021 г. «манифестом новой эпохи», характеризующейся глубокой конфронтацией с западным миром [Trenin].

Действительно, две последние версии документа были сформулированы в разных контекстах. *Стратегия* 2015 г. была издана в ответ на украинский кризис, внезапное ухудшение отношений с Западом, поворот на Восток и сильную нестабильность, связанную с внешним давлением и новыми санкциями. Последние годы показали, что страна способна противостоять этим вызовам, трансформируя экономические процессы, диверсифицируя внешние связи и углубляя интеграцию в рамках Большой Евразии [Lukin, Novikov, pp. 52–53]. *Стратегия* 2021 г. отразила дальнейшее ухудшение отношений с Европой и США, полностью их игнорируя. Точно так же она умалчивала о перспективах сотрудничества с НАТО, что указывало на маловероятность существенного прогресса в отношениях с Западом в ближайшие годы.

В этом отношении Стратегия национальной безопасности 2021 г. отражает скептическую позицию и недвусмысленно упоминает о враждебных действиях США, их союзников, а также транснациональных корпораций. Нелиберальная концепция документа проявляется в том, что вестернизация рассматривается в качестве угрозы для России, а современное западное понимание свободы и морали — как доказательство упадка Запада. В то же время подчеркивается значение традиционных ценностей и норм, а также религиозных основ общества [Указ Президента № 400]. Такая интерпретация соответствует подходу Владимира Путина к сегодняшнему западному либерализму. В интервью, которое он дал журналу *Financial Times* в 2019 г., президент России отверг гегемонистские амбиции либеральных элит, критикуя их за презрение к правам большинства, ослабление традиционных ценностей и подавление оппонентов и в то же время выражая уверенность в том, что христианские ценности более универсальны, чем либеральные [Путин]. Таким образом, *Стратегия* 2021 г. воплощает консервативное мировоззрение российского руководства, формулируя и формируя доминирующий, официальный дискурс, который в предстоящие месяцы и годы будет проявляться в изменении различных конкретных доктрин.

Заключение

Создание и укрепление суверенитета в различных сферах жизни государства и общества связано с целым рядом рисков, особенно с точки зрения индивидуальных прав и свобод — в их современном западном толковании. Однако доминирующая при Владимире Путине консервативная парадигма отличается умеренностью. Возможная радикализация — или, так сказать, движение по более авторитарному пути — зависит главным образом от объективного внешнего давления и субъективного ощущения угрозы. Такое сочетание рискованно, если учесть российские традиции патримониализма, сильного государства и коллективизма. Это могло бы привести к закрытию страны и изоляционизму, что рассматривалось бы странами Запада и его сателлитами в качестве угрозы, которой в настоящее время Россия *абсолютно не является*. Напротив, именно антироссийский нарратив вместе с реальными политическими шагами, направленными против России, вынуждают руководство занимать оборонительную позицию (см. Cohen, p. 167). Но она может в какой-то момент превратиться в наступательную, в ущерб всем сторонам. Ведь не стоит забывать, что защита и укрепление суверенитета — если переформулировать цитату, приведенную в начале, — это судьба России.

Литература

- Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт президента России. 20.02.2019. — URL: kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 23.10.2021).
- Путин В. Интервью газете The Financial Times // Сайт президента России. 27.06.2019. — URL: kremlin.ru/events/president/news/60836 (дата обращения: 10.11.2021).
- Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева // Сайт президента России. 10.09.2009. — URL: kremlin.ru/events/president/news/5413 (дата обращения: 28.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Сайт президента России. 31.12.2015. — URL: kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 27.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Сайт президента России. 30.11.2016. — URL: kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 23.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Сайт президента России. 02.07.2021. — URL: kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.11.2021).
- Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives. N.Y. 2011.
- Hann C. A Concept of Eurasia // Current Anthropology. 2016. No. 1. P. 1–27.
- Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? // Diesen G., Lukin A. (Eds.). The Return of Eurasia. Continuity and Change. London. 2021. P. 33–78.
- Pipes R. Russia under the Old Regime. N.Y. 1974.
- Sakwa R. Sad delusions: The decline and rise of Greater Europe // Journal of Eurasian Studies. 2021. No. 12(1). P. 5–18.
- Trenin D. Russia's National Security Strategy: A Manifesto for a New Era // Carnegie Moscow Center. 06.07.2021. — URL: carnegiemoscow.org/commentary/84893 (дата обращения: 01.11.2021).
- Tsygankov A. P. The Strong State in Russia: Development and Crisis. Oxford. 2014.

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-27-45

УДК 327; 323/324

Вадим Трухачёв

Россия, Орбан и другие хитросплетения венгерской политики

Аннотация. Для венгерской политики характерна особая концентрация внимания на личности главы правительства. В преддверии парламентских выборов 2022 г. против Виктора Орбана и правящей коалиции выступила разношерстная коалиция из шести оппозиционных партий. Одним из главных вопросов, по которым венгерские партии занимают различные позиции, уже не одно десятилетие является отношение к России. Среди других тем, вызывающих серьезные разногласия, — демократия, традиционные и нетрадиционные ценности, проблема цыган и миграционная политика, отношения с Евросоюзом и НАТО, а также положение венгров в соседних странах, особенно на Украине.

Ключевые слова: Венгрия, В. Орбан, выборы 2022 г., Евросоюз, Россия, Украина, ЛГБТ.

З апреля 2022 г. Венгрию ждут парламентские выборы. Многолетний премьер-министр страны Виктор Орбан в очередной раз возглавил коалицию консервативных «Фидес» (Союз молодых демократов) и Христианско-демократической народной партии (ХДНП). Против них выступает прежде всего блок из шести партий «Единство за Венгрию» во главе с Петером Марки-Заем. Объединение включает в себя левую Социалистическую партию, левоцентристские «Диалог за Венгрию» и «Демократическую коалицию», леволиберальные «Политика может быть другой» и «Моментум», а также национально-консервативную партию «Йоббик». Шансы попасть в парламент имеют также леволиберальная «Партия двухвостой собаки» и национальное движение «Наша родина» [Hírek-Aktuális... Stabil...].

Основной вопрос — удастся ли оппозиции сместить Орбана, или же он сможет сохранить пост главы правительства. А среди ключевых тем предвыборной кампании (наряду с коронавирусом) стал и ряд вопросов внешней политики. Это касалось отношений с Россией, места Венгрии в системе Евросоюза и НАТО. Во многом смыкаются с внешнеполитическими и некоторые внутренние темы, такие как общее состояние демократических свобод в Венгрии, прием или неприем мигрантов по квоте ЕС, права сексуальных и иных меньшинств.

Сведения об авторе: ТРУХАЧЁВ Вадим Вадимович — доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ, кандидат исторических наук, vadimvts@mail.ru.

Орбан: крупный раздражитель Евросоюза

Особенностью партии «Союз молодых демократов» (по-венгерски — FIDESZ) в последнее время стал отказ от пространных предвыборных программ. Их роль фактически исполняли заявления и действия деятелей партии, в особенности ее лидера, многолетнего главы правительства страны Виктора Орбана. Первый раз он руководил правительством в 1998–2002 гг., затем в течение восьми лет вместе со своей партией находился в оппозиции. Уже в те времена он придерживался консервативных взглядов, был поборником традиционных ценностей и защитником прав венгров за рубежом, хотя в целом можно было говорить о вполне типичном политике из бывшей социалистической страны. Орбан и его партия ратовали за евро-атлантическую интеграцию. При нем в 1999 г. Венгрия вошла в НАТО и начала переговоры о членстве в Евросоюзе [Трухачев Виктор Орбан...].

Однако со временем отношения Орбана с Евросоюзом (да и Западом в целом) начали портиться. Отправной точкой здесь можно считать принятие в 2011 г. новой конституции Венгрии. В ней, в частности, были такие формулировки: «Мы признаем роль христианства в сохранении нации»; «Венгрия, с учетом единства всей венгерской нации, несет ответственность за судьбу венгров, которые живут за ее пределами»; «Венгрия защищает институт брака как добровольно установленные супружеские отношения между мужчиной и женщиной»; «Жизнь зародыша защищается с момента зачатия» [Основной Закон Венгрии]. Естественно, ряд установок шел вразрез с такими нормами современного Запада, как отделение религии от государства, однополые браки, свободное право на аборт. К тому же норма о единстве нации была намеком на территориальные претензии к Украине, Сербии, Румынии и Словакии, где живет значительное венгерское меньшинство.

Несмотря на требования коллективного Запада внести поправки в основной закон, власти Венгрии этого не сделали. Постепенно возникали и новые противоречия. Едва ли не главное среди них — категорический отказ венгров принимать беженцев после миграционного кризиса 2015–2016 гг. Причем высказывания Орбана по этому вопросу были весьма далеки от политкорректных. «Мы не считаем этих людей мусульманскими беженцами. Мы считаем их мусульманскими захватчиками... Мы считаем, что большое количество мусульман неизбежно ведет к появлению параллельных обществ. Мы этого не хотим. И мы не хотим, чтобы нас к этому принуждали» [Ihrwolltet...]. В итоге Суд Евросоюза признал Венгрию (а также Польшу и Чехию) виновной в нарушении европейских миграционных законов [Суд ЕС признал факт...]. Что никак не изменило венгерскую политику в данном вопросе.

Отчасти следствием жесткой миграционной политики Венгрии стало противостояние Орбана и структур родившегося в Будапеште американского миллиардера Джорджа Сороса (признанных в РФ нежелательными). Последний является сторонником массовой миграции, вмешательства во внутренние дела государств и «цветных революций». Он критиковал венгерские власти за отступление от норм демократии. В 2017–

2018 г. парламент Венгрии принял целый ряд законов, ограничивающих деятельность Фонда Сороса и его структур. В частности, их обязали постоянно отчитываться о своей деятельности на предмет вмешательства во внутренние дела страны, платить дополнительный налог, ограничили возможности вести образовательную деятельность. Призывы к содействию миграции объявлялись противозаконными [Magyarország...]. В итоге структуры Сороса покинули Венгрию и перебрались в Берлин и Вену.

Крупнейший отечественный специалист по современной Венгрии Л.Н. Шишелина в этой связи отмечала, что первые ростки недовольства политикой страны возникли на Западе в 2011 г., когда Венгрия председательствовала в ЕС. И в дальнейшем они только накапливались. По наблюдениям Шишелиной, наибольшее недовольство Евросоюза вызвало как раз открытое нежелание Венгрии принимать беженцев, изгнание из страны структур Фонда Сороса и попытка венгерских властей отстаивать традиционные ценности [Шишелина Виктор Орбан...]. Сюда можно добавить также установление госконтроля за Центробанком, создание совета при телевидении и радио, участие правительства в назначении судей Конституционного суда. Это сочли нарушением принципов разделения властей и свободы СМИ [Трухачев ЕС против Венгрии...].

Евродепутат из Нидерландов Юдит Саргентини в 2018 г. подготовила доклад, в котором призвала лишить Венгрию права голоса в Совете ЕС из-за вышеперечисленных нарушений европейских норм. На столь радикальный шаг Евросоюз не пошел, но определенный сигнал Венгрия получила [Motion...]. Однако свой подход Орбан не изменил. В ходе кампании по выборам в Европарламент 2019 г. он призвал прекратить дискриминацию верующих христиан, существенно ограничить миграцию и не выделять деньги структурам Сороса из-за того, что они способствуют увеличению численности мигрантов в Европе [Orbán Viktor...]. Суд ЕС в итоге признал законы из пакета «Стоп Сорос» противоречащими нормам Евросоюза [Суд ЕС признал незаконным...]. Однако их отмены не последовало.

А в 2021 г. Венгрия приняла закон об ограничении ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних. В частности, в СМИ и на уличных плакатах запрещалось восхваление однополых отношений. Несмотря на недовольство Еврокомиссии, Орбан дал понять, что отменять закон не будет, и даже пригрозил провести общенациональный референдум об ограничении гей-пропаганды [Венгры раскалывают...]. У венгерских граждан собираются спросить, поддерживают ли они школьные уроки на тему сексуальной ориентации без согласия родителей, считают ли нормой пропаганду смены пола среди детей, согласны ли с ограничениями на показ детям соответствующих материалов. «На кону — будущее наших детей, и мы не вправе отступить» [Венгерский лидер...], — заявил по этому поводу глава правительства.

К России Орбан первоначально относился прохладно. В частности, в 2009 г., когда обсуждался вопрос о присоединении Венгрии к газопроводу «Южный поток», Орбан выступил против превращения своей страны в «казарму Газпрома». Мало того — одними из первых решений венгерских властей после возвращения «Фидес» к власти стали

приравнивание «преступлений коммунизма» к Холокосту и запрет коммунистической символики [Венгрия запретила...]. Но после осложнения отношений с ЕС Орбан существенно изменил свой подход к России, которая (наряду с Китаем и Турцией) вошла в число ключевых партнеров Венгрии на международной арене.

Венгерские власти выступили за реализацию сначала «Южного потока», а затем «Турецкого потока», всецело поддержали строительство с помощью Росатома новых блоков АЭС в Пакше. Кроме того, премьер-министр выступал резко против антироссийских санкций ЕС: «Мы хотим сохранить все, как есть. Было бы правильным избежать санкций, потому что это не в интересах Европы, особенно Венгрии» [Трухачев Вишеград...]. (Хотя в результате каждый раз вынужден был голосовать за продление ограничений.) А во время начавшейся пандемии коронавируса Венгрия стала первой страной Евросоюза, начавшей закупать российскую вакцину «Спутник V» для вакцинации собственных граждан [Венгрия первой...].

Отношение Венгрии к Украине тоже выделяется на общеевропейском фоне. И оно во многом определяется положением конституции, предписывающим стране пристально следить за соблюдением прав этнических мадьяр за рубежом. Более 100 тысяч жителей Закарпатья получили венгерское гражданство и смогли голосовать на выборах в Венгрии. Требования к обеспечению прав мадьяр Орбан выдвинул жесткие: «Венгры, проживающие в Карпатском регионе, имеют право на двойное гражданство, на права национального сообщества и на автономию. Положение 200 тысяч венгров, живущих в Украине, придает этому вопросу особую остроту» [Триумф Orbana...]. А в ответ на принятие украинского закона «Об образовании», резко сузившего возможность обучения на языках меньшинств, Венгрия заблокировала переговоры о сближении Украины с НАТО [Венгрия заблокирует...].

Несмотря на явные противоречия с Евросоюзом и НАТО по ключевым вопросам, Орбан и его партия никогда не говорили о желании покинуть ряды ни одной из организаций. Тем не менее разлад в отношениях зашел настолько далеко, что в марте 2021 г. партия «Фидес» вышла из состава Европейской народной партии (ЕНП). Это произошло после того, как европейские консерваторы обвинили сторонников венгерского премьера в отходе от демократических принципов [Из Европейской...]. В целом можно говорить о том, что на сегодняшний день Орбан превратился в крупный раздражитель Евросоюза, наиболее остро критикуя политику ЕС едва ли не по всем значимым направлениям — от отношения к России до миграции и однополых союзов.

Постоянным партнером «Фидес» выступает консервативная Христианско-демократическая народная партия (ХДНП), чей лидер Жолт Шемьен занимает пост первого вице-премьера Венгрии. Основой ее программы служит социальный консерватизм: «Партия выступает против пропаганды абортов и эвтаназии, возведения однополых партнерских отношений в ранг брака... Мы отвергаем усилия, основанные на теории открытого общества, такие как ограничение национального самоопределения, массовое переселение и ослабление национальных культур» [Kereszténydemokrata...]. В то

же время евродепутат от ХДНП не последовал примеру коллег из «Фидес» и не вышел из ЕНП [Hölvényi György...]. Но на союзе с партией Орбана это пока никак не сказалось, поскольку христианские демократы поддерживают все основные заявления и действия правительства.

На последних трех парламентских выборах венгерские избиратели неизменно выражали поддержку коалиции «Фидес» и ХДНП, которые уже 12 лет располагают в Национальном собрании конституционным большинством. В 2010 г. коалиция набрала 52,73% голосов, спустя четыре года — 44,87%, а в 2018 г. ее результат составил 49,27%. В начале 2022 г. социологи из центров IDEA, ORIGO и Nézőpont давали ей примерно 48–50% поддержки [Hírek-Aktuális... Stabil előny... Kincses], что вполне сопоставимо с итогами предыдущих голосований. Тем самым можно говорить о стабильной поддержке нынешнего премьера и правящей коалиции примерно половиной венгерских избирателей, их явном первенстве в большинстве регионов страны.

Левые: постоянство в неприязни к Орбану и колебания по поводу России

Крупнейшей левой партией Венгрии на протяжении многих лет остается Венгерская социалистическая партия. Она находилась у власти в 1994–1998 и 2002–2010 гг. Именно в годы ее правления страна вошла в Евросоюз. В целом ее общие установки традиционны для социалистических и социал-демократических партий Европы: социальная справедливость, доступность образования и здравоохранения, демократические свободы. Членство в Евросоюзе и НАТО признаются основой международного положения Венгрии [MSZP-program...]. Другое дело, что на практике выполнять свои установки социалистам удавалось не всегда. Как отмечала Л.Н. Шишелина, итогом их правления стали падение ВВП на 7% и самая высокая в Евросоюзе инфляция [Шишелина Венгры...]. Неудивительно, что партия с треском проиграла выборы 2009–2010 гг. и с тех пор находится в оппозиции.

Бывший лидер партии, премьер-министр Венгрии в 2004–2009 гг. Ференц Дюрчань немало сделал для развития российско-венгерских отношений. В частности, при нем страна присоединилась к проекту газопровода «Южный поток». С его подачи венгерский парламент выступал в 2009 г. за постройку с помощью Росатома новых энергоблоков АЭС в Пакше [В Минфине считают...]. В то время он ни разу не выступил с публичной критикой России по поводу войны в Южной Осетии, отрицал намерение разместить в Венгрии элементы системы ПРО США (когда обсуждалось их размещение в Польше и Чехии). В то время Дюрчань говорил: «Я решительно убежден, что Европейский союз и Венгрия нуждаются в союзнических и партнерских отношениях с Россией» [Дюрчань...].

Перейдя в оппозицию, социалисты стали критиковать Орбана за отход от европейских норм. «Членство Венгрии в ЕС отмечены упущенными возможностями... «Восточный» характер общества укрепляется, а до введения евро еще далеко» [Vételkényszerek 2014]. В 2014 г. премьеру доставалось в том числе и за расширение совместного с Рос-

сией проекта, который ранее запустили сами социалисты: «Орбан... продал будущее наших внуков той России, которая показала, что не является Европой и демократией. В ней царят насилие и произвол» [Hol vannaк...]. Их тогдашний лидер Аттила Мештерхази поддержал решение о введении санкций в отношении России из-за событий на Украине. Вопрос же с закарпатскими венграми, в отличие от «Фидес», социалисты хотели решить через развитие отношений с соседним государством [Трухачев Вишеград...].

После 2014 г. социалисты неоднократно меняли руководителей, но в целом их основные установки больше не менялись. Так, на выборах 2018 г. они сосредоточились на критике Орбана и «Фидес»: «Венгрия сегодня несправедлива. Правительство «Фидес» разорвало нашу страну на части. Сегодня каждый шестой венгерский ребенок рождается за границей. Их родители покинули страну, потому что не хотели жить в мире несправедливости и коррупции... Орбан слишком много внимания уделял борьбе с Джорджем Соросом, вместо того чтобы решать реальные проблемы людей...» [Tegyünk...]. В то же время основной упор был сделан на недостаточном внимании к социальным вопросам. Отстаивание традиционных ценностей и миграционную политику социалисты в своей программе жесткой критике не подвергали.

Основой внешней политики венгерские социалисты считали следование в фарватере общей политики Евросоюза и НАТО. По их мнению, это должно помочь защите соплеменников за границей. К России партия относилась критически. «При Орбана Венгрия все чаще исключала себя из европейской интеграции и, следовательно, из процесса мирового развития... Венгрия должна сближаться с основными странами ЕС, участвовать в углублении интеграции... в том числе и для того, чтобы улучшить положение венгров за границей... Наше членство в НАТО является надежной гарантией нашей безопасности... Путинская Россия... начала движение назад и делает все возможное, чтобы ослабить европейскую интеграцию» [Ibidem].

На выборы 2022 г. партия пошла в составе оппозиционной коалиции «Единство для Венгрии», однако подготовила свою собственную программу. От предыдущей она отличалась усиленным акцентом на вопросах климата и борьбы с глобальным потеплением, которым отвели два больших раздела. Правящей партии досталось за упущения в этой сфере. Основное внимание социалисты сосредоточили на необходимости принять новую конституцию: «В новой конституции консервативные ценности должны отступить на второй план в пользу левых, либеральных, зеленых и других ценностей... Партия предлагает включить в преамбулу ссылку на принадлежность к европейскому сообществу» [A Magyar...].

Орбану и его партии снова досталось за существенный отход от общей внешнеполитической линии Евросоюза и НАТО, а также жесткую риторику по поводу положения венгров в соседних странах — в том числе и на Украине. «Правительство «Фидес»–ХДНП разжигает недоверие к венграм в соседних государствах своей националистической риторикой и венгерским культурным превосходством... Мы должны вернуться

к традиционной внешней политике — укреплению евро-атлантической интеграции... Мы предлагаем активное участие в деятельности НАТО и Евросоюза... Мы будем решать проблемы венгров за рубежом, учитывая интересы соседних стран» [Ibidem].

Отношения с иными (не евро-атлантическими) силами венгерские социалисты хотели бы пересмотреть и достаточно прозрачно намекнули на поддержку антироссийских санкций. «Партия предлагает пересмотреть наши двусторонние отношения с учетом согласованных принципов внешней политики ЕС и НАТО, где приоритет отдается общим ценностям... Трюк с сидением на нескольких стульях во внешней политике лишь снизил доверие наших евро-атлантических союзников и усилил экономическую зависимость Венгрии от Китая и России» [Ibidem]. Впрочем, необходимость поддержания отношений с Россией и Китаем они не оспаривают, называя их важными центрами за пределами евро-атлантической системы, с которыми надо решать глобальные проблемы.

С 2011 г. на левом фланге, помимо социалистов, действует также «Демократическая коалиция», которую скорее можно считать социал-либеральной партией, или правыми социалистами. Ее основал Дюрчань, покинувший ряды Социалистической партии после поражения на выборах. В 2014 г. она выступала на выборах в едином блоке с социалистами, а уже в 2018-м выдвинула самостоятельный список. В ходе нынешней кампании она тоже влилась в оппозиционный Орбану альянс «Единство для Венгрии». В целом ее установки созвучны тому, о чем говорят социалисты, однако с большим упором на политические и гражданские свободы, права сексуальных, национальных и религиозных меньшинств.

Основополагающие принципы партии формулируются, в частности, так: «Европа — наш дом, Венгрия — наш дом. Мы хотим создать свободную, счастливую западную страну, где граждане Венгрии смогут жить на европейском уровне и в соответствии с европейскими ценностями... Демократическая коалиция требует равного обращения со всеми людьми, независимо от происхождения, религии, пола или гендерной идентичности... Мы являемся наиболее решительной оппозицией режиму Орбана как внутри парламента, так и за его пределами. Мы не позволим отбросить страну в средневековье, относиться к женщинам, детям, представителям ЛГБТ-группы, людям других религий как к гражданам второго сорта» [Céljaink].

Помимо членства в ЕС с опорой на европейские ценности, основой внешней политики Венгрии партия считает сотрудничество с США и укрепление Североатлантического альянса. «Безопасность Венгрии основана на ее членстве в НАТО и ее отношениях с США. Необходимо уточнить, что в новых геополитических условиях наша страна является твердым членом НАТО и сделает все возможное для поддержки усилий своих союзников по самообороне» [Sokak...]. «Коалиция» затронула и тему положения венгров в соседних странах — в частности, на Украине. По ее мнению, вопрос необходимо решать с помощью двойного гражданства, но в то же время с учетом интересов государств проживания. «Коалиция отвергает националистическую интерпретацию венгров. Основой нашей венгерской идентичности является европейская идентичность» [Ibidem].

Отношение к России у этой партии подчеркнуто жесткое. «Фальсифицированные выборы в Госдуму, вооруженная аннексия Крыма, конфликт на востоке Украины... Россия стала противником Европы и, следовательно, Венгрии. Мы поддерживаем и желаем укреплять общую европейскую политику, направленную на сокращение российской экспансии... Мы проверим отношения между «Фидес» и Россией, откажемся от проекта Пакш-2» [Ibidem]. Эти заявления полностью противоречат предыдущей линии Дюрчания на сотрудничество с РФ. Сам он объяснил изменение своего мнения так: «Президент России стал нашим другом. Потому что мы думали, что Россия медленно демократизируется... Но он повернул назад... Он стал тираном. Тиран должен потерпеть неудачу» [Gyurcsány...].

Последний раз венгерские левые партии получали большой процент голосов в 2006 г. (43,21%). С тех пор результаты существенно снизились, и конкуренту Орбана левые составить не могли. В 2010 г. они набрали 19,3%. Спустя четыре года блок социалистов и либералов, куда входили и старая, и новая партия Дюрчания, получил 25,57%. Наконец, в 2018 г. сумма голосов за социалистов (шедших на выборы в блоке с лево-зеленой партией «Диалог за Венгрию») и «Демократическую коалицию» составила 17,29% (11,91% — за социалистов и лево-зеленых, 5,38% — за новую партию Дюрчания).

Последовательные леволиберальные «роевропейцы»

В Венгрии существуют политические силы, выступающие с позиций радикального «европеизма», следования веяниям, исходящим из Западной Европы. Они сочетают экономический либерализм, экологическую повестку и правозащитную риторику с безоговорочным стремлением углубить европейскую интеграцию и следовать в фарватере политики Евросоюза и НАТО. Этому курсу в полной мере следовала основанная в 2009 г. зелено-либеральная партия «Политика может быть другой — венгерская партия зеленых». Слово «другой», если исходить из программных установок, означало отказ от олигархии, углубление европейской интеграции и подход к решению проблем миграции на основе «глобальной солидарности и ответственности» [A Lehet...].

Данная партия резче других раскритиковала введение в конституцию Венгрии понятия брака как союза мужчины и женщины. Бывшие сопредседатели партии Андраш Шиффер и Бернадетт Сель указывали, что образование, здравоохранение и семейная политика должны строиться с учетом мнения ЛГБТ-сообщества [Az LMBT...]. А в последние годы одним из лиц партии стал представитель секс-меньшинства Петер Унгар. Он требует обеспечить присутствие лиц нетрадиционной ориентации в государственных СМИ, усилить половое воспитание в школах, проповедовать терпимость к геям и лесбиянкам, настаивает на их праве усыновлять детей. «Если кто-то гомосексуалист, его не следует ненавидеть... Надо создать возможность нормальной жизни для значительного процента общества» [Ungár Péter...].

На выборах 2018 г. эта политическая сила прямо заявила о желании совмещать либеральную и зеленую повестки. «Мы являемся сторонниками экосоциальной и социаль-

ной рыночной экономики. Мы считаем, что свободная конкуренция частных инициатив, самоопределение сообществ... дополняют друг друга». Она требовала существенно увеличить внимание к экологическим вопросам, отказаться от атомной энергетики, восстановить демократию, больше заниматься интеграцией цыган в общество. Но особо выделялось на фоне других партий желание следовать политике «открытых дверей» в области иммиграции: «Моральный долг Запада... помочь миллионам людей, спасающихся от различных форм нищеты, получить возможность спокойно жить на новой родине» [Céljaink– Hogy...].

Внешнюю политику венгерские зеленые видят подчеркнута евро-атлантической. «Главная задача ЕС — способствовать совместным действиям входящих в него государств... Для того, чтобы Венгрия выполнила свои обязательства как член НАТО и Евросоюза... доля расходов на оборону будет постепенно увеличена до 2% ВВП». К России относятся подчеркнута плохо, желая снизить зависимость от нее и остановить расширение АЭС в Пакше. «Место Венгрии не на стороне российской и турецкой диктатур, а между демократическими государствами при верховенстве закона. Вместо антиевропейской риторики в будущем мы должны объединиться с теми, кто призывает к реформированию системы европейской интеграции» [Ibidem].

В своей программе 2021 г. зеленые сохранили акцент на приверженность ЕС. «Мы призываем к надежному сотрудничеству с Евросоюзом... Мы убеждены, что только вместе мы сможем решить трансграничные проблемы, в частности экологический кризис, экономический кризис, проблемы международной миграции и коррупции. Только вместе мы сможем сделать глобализацию приемлемой для отдельного человека и национального сообщества». Партия также сделала упор на желание разорвать с Россией контракт по АЭС в Пакше. «Инвестиции в Пакш — худший бизнес века... Это может загнать Венгрию в зависимость от России на многие десятилетия... Новое правительство должно расторгнуть контракт и прекратить инвестиции как можно скорее!» [Zöld Garancia...]

Партия поддерживает Украину и настаивает на сохранении антироссийских санкций ЕС: «Отмена санкций против России и... оставление российской агрессии без ответа было бы национальной трагедией и признаком слабости ЕС» [LMP: Ukrajna...]. «Мы убеждены, что территориальная целостность Украины является фундаментальным национальным интересом» [LMP: az Oroszország...]. В то же время зеленые считают недопустимым ограничение прав венгров на Украине — в частности, ограничение права на обучение на родном языке, а также решение 2021 г. о запрете на занятие государственных должностей в Закарпатье лицам с двойным гражданством. «Это является дискриминацией и наносит серьезный ущерб закарпатским венграм... Мы призываем ЕС и США, которые особенно внимательно относятся к демократии, осудить дискриминацию в отношении венгров!» [Ukrajna magyarok...]

В 2013 г. от зеленых откололась партия «Диалог за Венгрию» во главе с нынешним мэром Будапешта Гергеем Карачоном. Она отличалась более левой повесткой, и по-

тому вполне естественным стал поход на выборы 2014 и 2018 г. в блоке с социалистами. Эта партия говорила о широкой программе строительства жилья, введения более высокого налога на богатых и крупные корпорации. Но прочие лозунги были вполне созвучны «материнской» партии: «Мы должны оставить пригодную для жизни планету, чистую землю, воду и воздух для будущих поколений... Мы будем снабжать Венгрию возобновляемой энергией вместо АЭС... Мы вводим гендерную квоту на выборах и в управлении акционерными компаниями... Мы предоставляем одинаковые права однополым парам» [A Párbeszéd...].

Основой внешней политики Венгрии партия видит членство в Евросоюзе, однако признает наличие в нем немалых проблем. «За последние десятилетие или полтора Европа... стала гораздо более негостеприимным и несправедливым местом для всех. К этому добавляется широко обсуждаемый дефицит демократии... Эти процессы были значительно ускорены кризисом беженцев, который, безусловно, влияет на чувство безопасности граждан союза, тем самым стимулируя мельницу националистического популизма... Потому нынешняя политика должна быть заменена институциональной системой солидарности между государствами — членами ЕС, которая действительно служит для того, чтобы подтянуть страны периферии... Нужны европейский базовый доход и общеевропейская минимальная зарплата» [Ibidem].

Вопросы внешней политики более широко освещались в предвыборной программе 2021 г. В частности, правительству Орбана сильно досталось за развитие отношений с Россией. «Правительство начало строить полуазиатскую диктатуру вместо сильного европейского государства... Псевдопатриотические речи Орбана маскировали сближение с Россией.... Мы поворачиваем руль Венгрии на Запад!» Решение проблемы венгров в соседних странах виделось следующим: «Членство Венгрии и ее соседей в ЕС позволило подавляющему большинству венгров, проживающих за границей, свободно путешествовать, учиться, заниматься бизнесом и устанавливать тесные отношения с родиной... Мы поддерживаем вступление Сербии в ЕС... Мы поддерживаем усилия Украины по европейской интеграции» [Európai Kialtvány!].

К этому же направлению венгерской политики принадлежит партия «Моментум». Она пока не имеет депутатов в Национальном собрании, но располагает двумя местами в Европарламенте. В отличие от партий «Политика может быть другой» и «Диалог за Венгрию», входящих во фракцию «Зеленых — Европейского свободного альянса», «Моментум» является частью либеральной группы «Обновляя Европу». Однако ее программные установки в большей степени сосредоточены не на свободе предпринимательства и низких налогах, а на гражданских правах и свободах, зеленой повестке и общей жесткой критике Орбана и его правительства.

«Наша цель состоит в том, чтобы избавить Венгрию от роли белой вороны ЕС и восстановить свое положение среди хорошо функционирующих государств, управляемых верховенством закона в международном сравнении... Все венгры имеют право на пригодную для жизни окружающую среду... Прямые президентские выборы и ограниче-

ние полномочий премьер-министра двумя сроками... Восстановление независимости государственных средств массовой информации... Новая европейская Венгрия должна смотреть не на восточные диктатуры в качестве примера, а на западные демократии. Западные стандарты жизни, западная свобода и западная демократия» [A Momentum...].

Данная партия больше других говорила о правах ЛГБТ-сообщества. Причем принятый в Венгрии закон об ограничении пропаганды однополых связей объявлен «списанным с России». «Дискриминация в отношении ЛГБТ-сообщества вызывает проблемы в повседневной жизни у полумиллиона наших соотечественников... Где цель «Фидес» ясна: разделить и натравить венгров друг на друга ради политической выгоды» [LMBTQ-program]. Особое внимание также уделялось интеграции цыган в венгерское общество — правда, вместо конкретных шагов «Моментум» ограничился лозунгами: «Только вместе мы сможем успешно строить нашу страну и наше будущее... Это самое важное послание сегодня для цыган и всех граждан Венгрии... Мы верим в страну, где есть любовь вместо ненависти и интеграция вместо исключения» [A roma...].

Частью радикально-проевропейского лагеря является «Партия двуххвостой собаки», которая избрала сатиру способом ведения политической борьбы. Хотя у нее нет четкой заявленной программы, устраиваемые акции не оставляют сомнений в их направленности. Так, в 2015 г. партия высмеивала жесткую миграционную политику Орбана [Zsolt]. Спустя два года под аккомпанемент «Катюши» сторонники партии вышли на улицу с плакатами «Нам не нужны выборы», «Долой свободу прессы», «Северная Корея», «Чернобыль» и «Сибирь» [В Будапеште прошла...]. Наконец, в 2020 г. «Партия двуххвостой собаки» устроила акцию против расширения АЭС в Пакше, демонстративно установив табличку по-русски «Это не Пакш» [Nem Paks-Lezárult...].

Электоральная ниша подобного рода партий пока ограничена. Так, на выборах 2010 г. «Политика может быть другой» набрала 7,48% (и 3,56% еще две партии либерального толка, уже сошедшие с большой политической арены). В 2014 г. «Политика может быть другой» получила 5,34%. (Правда, «Диалог за Венгрию» и либеральный «Демократический форум» шли в блоке с социалистами). Наконец, в 2018 г. радикально-проевропейские партии набрали в сумме 12,5% голосов — чуть выше результата 8-летней давности.

Переменчивая «Йоббик»

На крайне правом фланге венгерской политики долгие годы находится партия «За лучшую Венгрию», или «Йоббик», существующая с 2003 г. Под своим венгерским именем она и стала известна за пределами страны. Поначалу у нее сложилась неоднозначная репутация — ее символика содержала отсылки к партии салашистов (венгерских нацистов) 1940-х годов. При партии существовало военизированное крыло «Венгерская гвардия», запрещенное в 2009 г. [Felozslatták...] Лидер партии Габор Вона любил щеголять в форме салашистов. Он прославился призывом ограничить рождаемость у цыган, считая этот народ особо склонным к преступности: «Вероятно, есть нецыгане, которые

совершают преступления, но когда старушку убивают за несколько форинтов, в подавляющем большинстве случаев преступниками являются цыгане» [Jobbik: Csak...].

На выборы 2010 г. партия вышла с радикальной патриотической программой. Наиболее тяжелой внутренней проблемой «Йоббик» считала цыганскую, называя представителей этого народа главным источником преступности в стране. В то же время партия ратовала за защиту отечественного производителя: «В результате глобалистской экономической политики местная экономика, местная торговля пережили резкий спад. Значительная их часть попала в руки ТНК... Мы защитим местных производителей, мы откроем рынки, где они могут продавать напрямую потребителям, минуя торговые сети». Партия выступала за традиционные ценности. «Христианские корни Венгрии надо закрепить в основном законе... Нации нужны программа в области семьи и народонаселения, стимулирование демографической политики» [A Jobbik Országgyűlési...].

Партия больше других уделяла внимание положению венгров за рубежом, подчеркнуто называя районы их проживания в Словакии, Румынии, Сербии и на Украине «аннексированными территориями», в чем можно было усмотреть территориальные претензии к соседям. «Используя наше полноправное членство в ЕС, мы сделаем все для обеспечения соблюдения коллективных и индивидуальных прав венгров, проживающих на отделенных территориях... Многие люди, проживающие в соседних государствах, подвергаются насилию и дискриминации из-за своего венгерского происхождения. Список нарушений прав и жалоб очень длинный... Мы предоставим венгерское гражданство венграм, проживающим в Закарпатье» [ibidem].

Партия прямо не требовала выхода из ЕС и НАТО, но весьма критически относилась к членству в них: «Венгерские правительства — независимо от оставшихся или вновь открывающихся возможностей — ориентированы исключительно на Запад... Евросоюз... двинулся в федеративном направлении, которое не только чуждо органическому историческому развитию континента, но и является дисфункциональным в краткосрочной перспективе... Нужна концепция Европы наций... сотрудничества между европейскими странами путем сохранения национального самоопределения в большей степени, чем сейчас... Наше участие в международных конфликтах под давлением США не принесло нашей стране никаких преимуществ» [ibidem].

Партия выступила за многовекторную внешнюю политику. «Вместо односторонней евро-атлантической ориентации внешняя политика Венгрии будет больше смотреть на Восток... В отличие от других европейских стран, мы не использовали потенциал динамично развивающихся рынков Китая и Индии». Кроме них, среди важных партнеров значится также Турция. Россия тоже видится в числе государств, отношениям с которыми надо уделять особое внимание. «Из-за исторических конфликтов Венгрия отказалась от возможности выстраивать перспективные отношения с Россией... Статус РФ как великой державы является очевидным фактом, который нельзя игнорировать, поэтому важно, чтобы мы могли установить хорошие партнерские отношения с Россией» [ibidem].

Во время драматических событий на Украине в 2014 г. «Йоббик» прямо высказалась за передачу Венгрии ряда районов Закарпатья, населенных мадьярами. Партия признала вхождение Крыма в состав России и даже называла Украину «искусственным государством». Габор Вона крайне резко охарактеризовал национальную политику украинских властей: «Руководство Украины уже много лет выступает против закарпатского венгерского меньшинства... Сейчас мы наблюдаем, как в части Восточной Европы идет этническая чистка русских... Я огорчен тем, что там происходит. То, что там делают против русских, они могут делать... и против любой другой национальности в этой стране» [Трухачев Вишеград...].

В следующие три года «Йоббик» озаботилась сменой своего образа. И хотя партия заняла предельно жесткую позицию по поводу миграционного кризиса и даже критиковала Орбана за «мягкость», в целом она эволюционировала в сторону традиционного консерватизма. Вона в 2017 г. дал интервью британской *Financial Times*, в котором обвинил венгерского премьера в том, что он «перехватил» программные установки его партии. В то же время он заявил о необходимости менять партию: «Меня самого иногда изображают... агрессивным персонажем... Но я считаю себя чувствительным человеком... Мы не можем оставаться нишевой партией... Я поставил свою политическую карьеру на это изменение» [Hungary's far-right...].

На выборы 2018 г. «Йоббик» вышла как критик политики «Фидес» во всем. Ее представители упрекали премьер-министра в отходе от демократии. Но к резким формулировкам партия прибегла только при оценке европейского миграционного кризиса 2015–2016 гг.: «Иммиграция резко возросла. Это привело к террористическим угрозам и массовым человеческим жертвам, а также к серьезному экономическому бремени для принимающих государств и угрозе европейской идентичности». Вона и его сторонники по-прежнему ратовали за традиционные ценности, выступали против излишней централизации ЕС и даже требовали пересмотра условий членства Венгрии в нем, но при этом заявляли: «Мы верны основным ценностям Евросоюза» [A Jobbik 2018-as...].

Положение о поисках новых рынков в Китае и странах Юго-Восточной Азии осталось, однако отношение к США и НАТО изменилось к лучшему: «США по-прежнему являются мировой державой, и отношения с ней являются основой нашей внешней политики... Мы проведем ревизию всей системы национальной обороны и приведем ее в соответствие со стандартами НАТО и ЕС». Упор на защите мадьяр в соседних странах также сохранился: «Поддержка венгров за рубежом — наш моральный долг... Мы поддерживаем евро-атлантическую интеграцию Сербии и Украины только в том случае, если проживающие там венгры получают широкую автономию... Мы требуем от Украины отмены закона об образовании... создания венгерского административного района» [ibidem].

Тем временем отношение к России менялось к худшему. В предвыборной программе еще признавалась важность связей с ней, но «теневой» министр иностранных дел Янош Бенчик выражался иначе: «Восемь лет назад Венгрии угрожали Вашингтон

и Брюссель, а сегодня ей в основном угрожают Москва и Пекин... Нашу страну нужно защищать не только от Сороса, но и от Путина и Орбана» [Bencsik János...]. Сменивший Вону на посту лидера партии Петер Якаб в 2019 г. выразился еще яснее: «Если Орбан останется у власти еще на 15 лет, то Венгрия перестанет быть членом ЕС, а станет колонией России» [“Ha Orbán marad...”]. А его заместитель Лайош Кепли подчеркнул, что, хотя «Йоббик» поддерживает развитие атомной энергетики, от расширения АЭС в Пакше с помощью Росатома надо отказаться [Paks 2...].

Постепенно «Йоббик» стала сближаться с другими оппозиционными Орбану силами и в итоге пополнила альянс «Единство за Венгрию». Это не устроило часть активистов партии во главе с бывшим заместителем Воны, Ласло Тороцкаи. В итоге они в 2019 г. основали движение «Наша родина», которое в целом наследовало принципам прежней партии «Йоббик». Так, оно прямо требует выхода из ЕС и НАТО: «ЕС колонизирует, эксплуатирует нас и все больше и больше вмешивается в наши внутренние дела, уничтожая наше национальное самоопределение... Жизнь есть и за пределами ЕС... Наше членство в НАТО означало отказ от нашей независимости, главным образом в интересах США» [Vitaindító...].

Движение «Наша родина» заботит цыганская проблема, ему присущи сугубо отрицательное отношение к иммигрантам-мусульманам и противодействие однополым бракам и гей-парадам [A Mi Hazánk Eurórája...]. Отношение к Украине и санкциям против России также отрицательное. «Наша страна настаивает, что границы Украины могут быть перекрыты... Сохранение или введение новых санкций против России не в интересах Венгрии, и у нас нет от этого никакой экономической или политической выгоды. У нашей страны есть только один интерес: когда границы Украины будут перекрыты, то международное сообщество должно принять во внимание потребности Венгрии» [Ukrajna határainak...].

В течение последних 12 лет партия «Йоббик» превратилась во вторую по величине политическую силу Венгрии. В 2010 г. она получила 16,67%, в 2014-м — 20,22%. В 2018 г. начавшая меняться партия заручилась поддержкой 19,06% избирателей. «Наша родина» пока успела принять участие в выборах в Европарламент, где показала результат 3,29% («Йоббик» — 6,34%). Опросы предсказывают ей в 2022 г. 3–4% [Hírek-Aktuális... Stabil...]. Исходя из прежних результатов крайне правых, шансы преодолеть пятипроцентный барьер у нее есть.

* * *

Таким образом, между основными участниками политической жизни Венгрии проходит несколько разделительных линий. Если сравнить Венгрию с другими странами Центральной Европы, то ее отличает повышенная концентрация внимания на личности премьер-министра Виктора Орбана. Оппозиционные силы во многом противостоят лично ему, а не политике «Фидес». Именно на этой основе прежде всего и появился шестипартийный альянс «Единство за Венгрию». Несмотря на это, между партиями

остаются традиционные идеологические расхождения на левых и правых, еврооптимистов и евроскептиков, либералов и традиционалистов. И здесь Венгрия выглядит типичной средневропейской страной.

Особенностью венгерской политической жизни является отсутствие сильной либеральной партии, отстаивающей принципы свободного рынка. Ближе других к этой идеологии стоят «Политика может быть другой» и «Моментум», но у них ярко выражена правозащитная и экологическая составляющая, что в большей степени характерно для западноевропейских зеленых. «Демократическая коалиция» и «Диалог для Венгрии» сочетают в себе принципы зеленых и социал-демократов. Социалисты выглядят как вполне обычная для Европы левая партия. Венгерские правые партии («Фидес», ХДНП, «Йоббик» и «Наша родина») — жесткие консерваторы по европейским меркам, причем с ярко выраженной национальной составляющей.

Водоразделы между партиями проходят по нескольким линиям. Первая из них — демократические свободы, реализации которых, по мнению оппозиции, мешает Орбан. Вторая — отношение к традиционным ценностям и ЛГБТ. Приверженцами консервативной линии в этом вопросе являются все правые партии, леволиберальные и левоцентристские выступают с «прогрессивной» точки зрения, а у левых эта тема находится несколько в тени повестки, связанной с социальной справедливостью. Положение цыган в большей степени волнует крайне правых из партий «Йоббик», «Наша родина» и леволибералов. «Фидес» и социалисты особого внимания ей не уделяют.

Отношение к Евросоюзу и НАТО — тоже одна из важнейших проблем, разделяющих венгерские партии. Однако жесткими евроскептиками можно считать только партию «Наша родина». «Фидес» и «Йоббик» — скорее мягкие евроскептики, не ставящие под сомнение членство в ЕС и НАТО, но выступающие против сокращения полномочий государств в пользу наднациональных структур, а также против навязывания новых ценностей. Социалисты смотрятся как умеренные еврооптимисты, а левоцентристские и леволиберальные партии — как истинные сторонники полного следования общеевропейской и евро-атлантической повестке. «Зеленые либералы» в лице партий «Политика может быть другой» и «Моментум» даже готовы отказаться от жесткой миграционной политики. В свою очередь, все правые партии делают упор на том, что мигранты представляют серьезную угрозу, и притоку их нужно ставить максимальный заслон. И это еще один явный водораздел.

Что касается положения этнических венгров в соседних странах, оно волнует почти всех (разве что относительно молодые «Моментум» и «Партия двуххвостой собаки» по этой теме не высказывались). Все считают, что соседние государства (особенно Украина) в той или иной степени ущемляют права венгров. Однако решение проблемы видится по-разному. Левые, левоцентристы и леволибералы настаивают на сотрудничестве с соседними странами и (в случае с Украиной и Сербией) их евроинтеграции. Напротив, правые считают необходимым добиваться для венгров в этих странах территориальной автономии, а старая партия «Йоббик» и «Наша родина» настаивали на желательности присоединения к Венгрии части Закарпатья.

Наконец, заметным сюжетом стало отношение к России. Примечательно, что именно по этому вопросу позиция многих венгерских партий со временем менялась — как у левых, так и у правых. Только леволиберальные партии, настроенные к России наиболее непримиримо, были последовательными в своем курсе. Их, а также левоцентристов, стоит причислить к жестким критикам нашей страны, а социалистов и нынешнюю «Йоббик» — к относительно умеренным критикам, следующим в фарватере общей линии Евросоюза. Напротив, партии правящей коалиции и «Наша родина» — ярые противники санкций, настроенные на всестороннее развитие сотрудничества с Россией. Хотя бросается в глаза, что явных русофильских партий, в отличие от Словакии, Чехии и даже Словении, в Венгрии нет.

Литература

- В Будапеште прошла акция-насмешка над премьером Виктором Орбаном // Настоящее время. 22.04.2017. — URL: currenttime.tv/a/28446253.html (date of access: 02.02.2022).
- В Минфине считают, что строительству АЭС в Венгрии могут помешать политические препятствия // ТАСС. 29.11.2021. — URL: tass.ru/ekonomika/13053845 (date of access: 02.02.2022).
- Венгерский лидер Орбан объявил референдум о «защите детей от ЛГБТ» // BBC. 21.07.2021. — URL: bbc.com/russian/news-57894442 (date of access: 02.02.2022).
- Венгрия заблокирует встречи НАТО с Украиной из-за закона о языке // Lenta.ru. 10.03.2020. — URL: lenta.ru/news/2020/03/10/hungary_stays_for_its_people/ (date of access: 02.02.2022).
- Венгрия запретила коммунизм // Газета.Ру. 09.06.2010. — URL: gazeta.ru/politics/2010/06/09_kz_3382683.shtml (date of access: 02.02.2022).
- Венгрия первой в ЕС одобрила применение вакцины «Спутник V» // Sputnik V. 21.01.2021. — URL: sputnikvaccine.com/rus/newsroom/pressreleases/vengriya-pervoy-v-es-odobrila-primenenie-vaktsiny-sputnik-v/ (date of access: 02.02.2022).
- Венгры раскалывают Евросоюз нетолерантностью к геем // Взгляд. 21.07.2021. — URL: vz.ru/world/2021/7/21/1110098.html (date of access: 02.02.2022).
- Дюрчань: Евросоюз нуждается в союзнических отношениях с Россией // РИА Новости. 28.02.2008. — URL: ria.ru/20080228/100271391.html (date of access: 02.02.2022).
- Из Европейской народной партии вышла венгерская «Фидес» // Euronews. 03.03.2021. — URL: ru.euronews.com/2021/03/03/eu-parliament-orban-leaves-epp (date of access: 02.02.2022).
- Основной Закон Венгрии (25 апреля 2011 года) // Nemzeti Könyvtár. — URL: nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/oroszyomda_jav%C3%ADtott.pdf (date of access: 02.02.2022).
- Суд ЕС признал незаконным давление Венгрии на «университет Сороса» // Коммерсант. 06.10.2020. — URL: kommersant.ru/doc/4520549 (date of access: 02.02.2022).
- Суд ЕС признал факт нарушения Венгрией нормы Евросоюза по отношению к мигрантам // ТАСС. 17.12.2020. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10281217 (date of access: 02.02.2022).
- Триумф Орбана в Венгрии: что он говорил об Украине // BBC. 09.04.2018. — URL: bbc.com/ukrainian/features-russian-43696973 (date of access: 02.02.2022).
- Трухачев В. Виктор Орбан — белая ворона Евросоюза // Правда.Ру. 01.06.2013. — URL: pravda.ru/world/1159291-orban/ (date of access: 02.02.2022).

- Трухачев В.* ЕС против Венгрии: конфликт эпох и мировоззрений // EADaily. 13.09.2018. — URL: eadaily.com/ru/news/2018/09/13/es-protiv-vengrii-konflikt-epoch-i-mirovozzreniy (date of access: 02.02.2022).
- Трухачев В.В.* Вишеград: раскол вокруг России и Украины // Перспективы. 31.08.2014. — URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vishegrad_raskol_vokrug_rossii_i_ukrainy_2014-08-31.htm (date of access: 02.02.2022).
- Шишелина Л.* Венгры дождались выборов // Столетие. 02.04.2010. — URL: stoletie.ru/politika/venгры_dozhdalis_vyborov_2010-04-02.htm (date of access: 02.02.2022).
- Шишелина Л.Н.* Виктор Орбан и общеевропейский спор о ценностях // РСМД. 17.09.2018. — URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/viktor-orban-i-obshcheevropeyskiy-spor-o-tsennostyakh-/ (date of access: 02.02.2022).
- “Ha Orbán marad, 15 év múlva Magyarország nem az Európai Unió része lesz, hanem orosz gyarmat” // Alfahír. 27.07.2019. — URL: alfahir.hu/2019/07/27/jakab_peter_jobbik_orban_viktor_tusvanyos (date of access: 02.02.2022).
- Az LMBT Szövetséggel tárgyalt az LMP // Mandiner. 14.05.2013. — URL: mandiner.hu/cikk/20130514_az_lmbt_szovetseggel_targyalt_az_lmp (date of access: 02.02.2022).
- Bencsik János. Személyes oldal. 27.04.2018. — URL: facebook.com/931186216990824/photos/a.933089410133838/1485463928229714/?type=3 (date of access: 02.02.2022).
- Céljaink — Hogy a Politika Valóban Más Legyen 2018 // Választási Program 2018. LMP. — URL: lehetmas.hu/wp-content/uploads/2018/02/Va%CC%81laszta%CC%81si_program_2018.pdf (date of access: 02.02.2022).
- Céljaink // Demokratikus Koalíció. — URL: dkp.hu/celjaink (date of access: 02.02.2022).
- Európai Kiáltvány! // Karácsony Gergely. A Párbeszéd. — URL: parbeszedmagyarorszagert.hu/europai-kialtvany-0 (date of access: 02.02.2022).
- Felozlatták a Magyar Gárdát // 24.hu. 15.12.2009. — URL: 24.hu/belfold/2009/12/15/felozlattak_magyar_gardat/ (date of access: 02.02.2022).
- Gyurcsány Ferenc csalódott Putyinban: „Zsarnok lett” // Blikk.hu. 20.11.2021. — URL: blikk.hu/aktualis/politika/gyurcsany-ferenc-putyin-politika-baratsag/r9v8382 (date of access: 02.02.2022).
- Hírek-Aktuális // IDEA. 2022. január. — URL: ideaintezet.hu/hu/hirek-aktualis/77/kismerteku--de-fontos-valtozasok-a-preferenciakban-----2022--januar (date of access: 02.02.2022).
- Hol vannak a Paksi tanulmányok? // MSZP. 25.04.2014. — URL: mszp.hu/hir/hol_vannak_a_paksi_tanulmanyok (date of access: 02.02.2022).
- Hölvényi György: A KDNP folytatja munkáját az Európai Néppártban // KDNP. 03.03.2021. — URL: kdnp.hu/hirek/holvenyi-gyorgy-kdnp-folytatja-munkajat-az-europai-neppartban (date of access: 02.02.2022).
- Hungary's far-right Jobbik party tries to soften image // Financial Times. 05.03.2017. — URL: ft.com/content/43137b62-ff25-11e6-96f8-3700c5664d30 (date of access: 02.02.2022).
- Ihr wolltet die Migranten, wir nicht! // Bild. 07.01.2018. — URL: bild.de/politik/ausland/viktor-orban/orban-interview-54403736,view=conversionToLogin.bild.html (date of access: 02.02.2022).
- A Jobbik 2018-as választási programja // Jobbik. — URL: blob.jobbik.hu/programs/magyar_szivvel_jozan_esszel_tiszta_kezzel.pdf (date of access: 02.02.2022).
- A Jobbik Országgyűlési Választási Programja a Nemzeti Önrendelkezésért És a Társadalmi Igazságosságért. 2010. — URL: adoc.pub/radikalas-valtozas-a-jobbik-orszaggyulesi-valasztasi-programj.html (date of access: 02.02.2022).

- Jobbik: Csak az féljen, aki nem tartja be a törvényeinket // Index.hu.17.11.2009. — URL: index.hu/belfold/2009/11/17/jobbik_csak_az_feljen_aki_nem_tartja_be_a_torvenyeinket/ (date of access: 02.02.2022).
- Kereszténydemokrata Néppárt (KDNP) // KDNP. — URL: kdn.hu/kdn/part (date of access: 02.02.2022).
- Kincses K. A Fidesz az esélyes a kampánystart előtt // Magyar Nemzet. 01.10.2022. — URL: magyarnemzet.hu/belfold/2022/01/a-fidesz-az-eselyes-a-kampanystart-elott (date of access: 02.02.2022).
- A Lehet Más a Politika választási programja 2010. — URL: web.archive.org/web/20100330233926/lehetmas.hu/upload/9/9/201003/LMP_Program_2010_1.pdf (date of access: 02.02.2022).
- LMBTQ-program// Momentum. — URL: ujmagyarorszag.momentum.hu/lmbtq-program/ (date of access: 02.02.2022).
- LMP: az Oroszország elleni szankcióknak maradnia kell // LMP. 17.07.2018. — URL: lmp.hu/sajto/lmp-az-oroszorszag-elleni-szankcioknak-maradnia-kell/ (date of access: 02.02.2022).
- LMP: Ukrajna területi integritása nemzeti érdek // LMP. 25.04.2021. — URL: lmp.hu/uncategorized/lmp-ukrajna-teruleti-integritasa-nemzeti-erdek/ (date of access: 02.02.2022).
- A Magyar Szocialista Párt javaslata a korszakváltás programjára 2021 // MSZP. — URL: mszp.hu/dokumentumok (date of access: 02.02.2022).
- Magyarország kormánya a Stop Soros törvénycsomag. — URL: 2015-2019.kormany.hu/download/c/9a/41000/STOP%20SOROS%20T%C3%96RV%C3%89NYCSOMAG.pdf#!DocumentBrowse (date of access: 02.02.2022).
- A Mi Hazánk Európája EP-választási program, 2019 // Mi Hazánk Mozgalom. — URL: mihazank.hu/wp-content/uploads/2019/01/ep_fuzet_WEB-1.pdf (date of access: 02.02.2022).
- A Momentum a garancia a változásra! // Momentum. — URL: momentum.hu/garancia (date of access: 02.02.2022).
- Motion for a European Parliament Resolution // European parliament. 04.07.2018. — URL: europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0250_EN.html?redirect (date of access: 02.02.2022).
- MSZP-program: «se megállni, se lassítani» // Infostart. 20.03.2006. — URL: infostart.hu/belfold/2006/03/20/mszp-program-se-megallni-se-lassitani (date of access: 02.02.2022).
- Nem Paks-Lezárult a Paks Álcázási Projekt Miatt Feljelentett Passzivista Ügye // MKKP. 23.06.2020. — URL: ketfarkukutya.mkkp.party/2020/06/23/nem-paks-lezarult-a-paks-alcazasi-projekt-miatt-feljelentett-passzivista-ugye/ (date of access: 02.02.2022).
- Orbán Viktor programot hirdetett a bevándorlás megállításáért // FIDESZ. 2019.04.05. — URL: fidesz.hu/hirek/orban-viktor-programot-hirdetett-a-bevandorlas-megallitasaert (date of access: 02.02.2022).
- Paks 2: módosítanak az engedélyezési határidőket // MTI. 21.03.2019. — URL: portfolio.hu/uzlet/20190321/paks-2-modositanak-az-engedelyezesi-hataridoket-318163 (date of access: 02.02.2022).
- A Párbeszéd Magyarországért „Mindenké számára!” // Karácsony Gergely. A Párbeszéd. — URL: mindenkiszamit.hu/ (date of access: 02.02.2022).
- A roma emancipáció programja // Momentum. — URL: ujmagyarorszag.momentum.hu/a-roma-emancipacio-programja/ (date of access: 02.02.2022).
- Sokak Magyarországa. A Demokratikus Koalíció Programja. — URL: dkp.hu/uploads/docs/10/13/soma.pdf (date of access: 02.02.2022).

- Stabil előny a kormánypartoknál // ORIGO. 2022.01.25. — URL: origo.hu/itthon/20220125-mersekelt-de-stabil-elony-a-kormanypartoknal.html (date of access: 02.02.2022).
- Tegyünk Igazságot! Választási program 2018 // MSZP. — URL: mszp.hu/dokumentumok (date of access: 02.02.2022).
- Ukrajna határainak újrarajzolása esetén érvényesítsék az 1991-es kárpátaljai népszavazás eredményét! // Mi Hazánk Mozgalom. 16.12.2021. — URL: mihazank.hu/ukrajna-hatarainak-ujrarajzolasa-eseten-ervenyesitsek-az-1991-es-karpataljai-nepszavazas-eredmenyet/ (date of access: 02.02.2022).
- Ukrajna magyarok elleni jogfosztása, listázása minden normán túlmegy // LMP. 06.03.2021. — URL: lmp.hu/sajto/ukrajna-magyarok-elleni-jogfosztasa-listazasa-minden-norman-tulmegy/ (date of access: 02.02.2022).
- Ungár Péter: Több irgalmat a homofóbnak // Index.hu. 2019.04.27. — URL: index.hu/belfold/2019/04/27/ungar_peter_tobb_irgalmat_a_homofoboknak/ (date of access: 02.02.2022).
- Vétélkényszerek 2014 // MSZP. 24.04.2014. — URL: mszp.hu/hir/vetelkenyszerek (date of access: 02.02.2022).
- Vitaindító a Mi Hazánk Mozgalom alapító nyilatkozatához és programjához // Mi Hazánk Mozgalom. — URL: mihazank.hu/vitaindito/ (date of access: 02.02.2022).
- Zöld Garancia. LMP. Magyarország Zöld Pártja. — URL: zoldgarancia.hu (date of access: 02.02.2022).
- Zsolt S. Újabb plakátokat készít a Kétfarkú Kutypárt és a Vastagbőr // 444.hu. 14.07.2015. — URL: 444.hu/2015/07/14/ujabb-plakatokat-keszit-a-ketfarku-kutyapart-es-a-vastagbor/ (date of access: 02.02.2022).

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-46-60

УДК 327; 323/324; 94(437)

Ладислав ЗЕМАНЕК

Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом

Аннотация. В статье рассматривается трансформация чешской внутренней политики в связи с военной операцией на Украине и сопутствующей антироссийской кампанией западных либеральных демократий. Исследование затрагивает проблематику ограничения основных прав и свобод, введения цензурных мер, криминализации инакомыслящих, активной государственной «контрпропаганды», а также дискриминации российских и белорусских граждан и структур в самых разных сферах общественной жизни Чехии. Анализ выявляет противоречивый характер чешской государственной политики, подрывающей основы верховенства права, при содействии групп интересов, поддерживаемых из-за рубежа. Трансформация существующей модели в сторону «либерального авторитаризма» рассматривается в рамках процесса секьюритизации, составной частью которого является коренная дерусификация чешского общества.

Ключевые слова: Чехия, либеральная демократия, либеральный авторитаризм, секьюритизация, русофобия, военная операция, цензура, дискриминация, дезинформации.

Военная операция России на Украине стала настоящим переломным моментом в политике Чехии в сфере внутренней безопасности и ситуации с гражданскими правами и свободами. Прокуратура предупредила о возможных уголовных последствиях свободного выражения мнений по украинскому вопросу, в то время как министерство внутренних дел развернуло «контрпропагандистскую» кампанию. Органы безопасности, в свою очередь, инициировали беспрецедентную блокировку чешских средств массовой «дезинформации». Все эти действия вступают в противоречие с ключевыми основами либеральной демократии, создавая серьезную проблему для будущего развития этой политической модели.

Хотя все больше общественных деятелей выступает против репрессивных действий государства, антироссийская кампания набирает обороты, подстегиваемая в том числе финансируемыми из-за рубежа неправительственными организациями. Проникнув в государственный аппарат, они оказывают влияние на процесс принятия решений в соот-

Сведения об авторе: ЗЕМАНЕК Ладислав — доктор философии, Карлов Университет (Чехия), аналитик China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР; zemanek.ml@gmail.com.

ветствии с иностранными интересами. Правящий кабинет по идеологическим причинам поддерживает такое положение дел. На практике антироссийская повестка совпадает с антикитайской, что далеко не случайно. Необходимо сделать достоянием гласности соответствующие зарубежные связи и финансовые потоки, выявляющие источники иностранного влияния на Чешскую Республику и другие европейские страны.

Криминализация оппозиции

Уже 26 февраля 2022 г. генеральный прокурор Чехии Игорь Стржиж предупредил общественность о том, что свобода слова может быть ограничена в связи с конфликтом на Украине и призвал граждан не терпеть действия России и не поддерживать ни их, ни политическое руководство РФ как таковое. При этом генеральный прокурор не уточнил конкретных условий, при которых люди могут подвергнуться преследованиям, создав тем самым высокую степень правовой неопределенности, в то время как именно правовая определенность является одной из фундаментальных основ верховенства закона [Leawood]. Таким образом, высокопоставленный представитель государства заложил мину под сам принцип либеральной демократии.

Единственный факт, который генеральный прокурор донес до общественности совершенно четко, заключался в том, что соответствующим гражданам будет предъявлено обвинение в одобрении преступного деяния либо в отрицании, постановке под сомнение, одобрении или оправдании геноцида в соответствии с Уголовным кодексом [Stříž]. Это заявление трудно истолковать иначе как угрозу для тех, кто осмелится поставить под вопрос официальную позицию государства в отношении конфликта на Украине. В одном из своих следующих интервью И. Стржиж признал, что в Чешской Республике есть множество людей, которые могли бы поддержать военную операцию России, что нежелательно. Также генеральная прокуратура разработала методологию оценки и преследования предполагаемых вербальных нарушений закона, которой должны руководствоваться органы прокуратуры, министерства внутренних дел и полиции, поскольку законодательство в этой области весьма неоднозначно [Machová].

Тенденция выдвижения обвинений и осуждения за публичное выражение мнений и без того усиливалась в последний период. Но до сих пор подавление свободы слова на государственном уровне ограничивалось сферами критики в адрес Израиля, открытой поддержки коммунизма и нацизма или явных призывов к свержению либеральной демократической системы. Тем не менее область тем и интерпретаций, которые будут подвергаться преследованиям и исключаться из легального общественного обсуждения, какими бы легитимными они ни были, будет расширяться. Эта тенденция связана с происходящей «секьюритизацией» отдельных доменов и с дискурсом гибридных угроз и войн, который делает все большее число социальных явлений предметом национальной безопасности [Zemánek Securitisation]. И последнее, но не менее важное: процесс «секьюритизации» и склонность к подавлению переплетаются с субъективным ощущением опасности с точки зрения стабильности и существования либеральной демократии, испытывающей давление альтернативных моделей. Усилившиеся кри-

тические настроения по отношению к существующей системе, институтам и внешней ориентации Чешской Республики особенно характерны для общественного дискурса в цифровом пространстве. Не случайно верховный государственный прокурор Праги и бывший председатель Союза прокуроров Чехии Ленка Брадачова подчеркивает роль цифровых СМИ в том, что она называет «пропагандой против либеральной демократии». В 2020 г. Л. Брадачова критиковала полицию за предполагаемую пассивность в расследовании словесных действий, совершенных в интернете, а также отсутствие профилактики распространения «дезинформации» через цифровые СМИ. [Ludwig]

Верховный государственный прокурор, тем не менее, имела основания быть довольной динамичным развитием событий, ускоренным победой либералов на выборах в октябре 2021 г. Коалиционное правительство занялось предполагаемыми «гибридными операциями», направленными на подрыв чешской либеральной демократии. Эта политика подразумевает акцент на противодействии «дезинформации» и другие формы ограничения свободы слова или научных исследований. В феврале 2022 г. кабинет министров начал продвигать законопроект, внедряющий в чешское право постановление Евросоюза о борьбе с распространением террористического контента в интернете, принятое в мае 2021 г. Этот законодательный акт позволит государственным органам (полиции и министерству внутренних дел) требовать от провайдеров услуг веб-хостинга удаления определенного контента в течение часа. Некоторые эксперты и политики опасаются, что под видом борьбы с терроризмом новый закон может быть использован для удаления контента, содержащего критику официальной государственной политики [Slížek Smazat...]. В настоящее время полиция в сотрудничестве с прокуратурой завершает разработку стратегии действий против «сцены дезинформации» — с явным антироссийским оттенком. Верховный прокурор Л. Брадачова поддержала обращение генерального прокурора к гражданам, подчеркнув, что любая поддержка или оправдание «военных преступлений», совершаемых Россией на Украине, неприемлемы и преступны [Koutník Nelze].

Проблема в том, что в нынешних условиях любая альтернативная интерпретация, расходящаяся с официальной позицией, становится наказуемой, а ее авторы могут быть лишены свободы на срок до трех лет. В течение первых двух месяцев с начала военной операции на Украине чешская полиция стала расследовать сотни словесных актов, совершенных публично [Za schvalování...]. Бывший депутат-коммунист Зденек Ондрачек еще до начала военной операции положительно отзывался о президенте России Владимире Путине — что стало предлогом к расследованию органами государственной безопасности [Komunista Ondráček...]. То же самое касалось члена Сената Чехии Ярослава Доубравы, который написал, что Владимир Путин «спас тысячи жизней» в Донецкой и Луганской Народных Республиках и что военная операция была «спровоцирована поджигателями войны из Америки и НАТО». По данным полиции, большинство дел касается лиц, близких к Коммунистической партии, а также к движению «Свобода и прямая демократия» [Putin zachránil...]. 26 февраля 2022 г. были арестованы два участника пророссийской демонстрации, в то время как аналогичные действия их оппонентов, клеймивших Российскую Федерацию, были сочтены приемлемыми [Policie

zatkla...]. Число обвиняемых и судимых, вне всякого сомнения, будет расти. Следует подчеркнуть, что полицейское разбирательство проводится крайне быстро, хотя обычно подобное расследование занимает многие недели или даже месяцы.

С февраля 2022 г. государственные органы значительно активизировали свою деятельность в области «дезинформации» [Havlík]. Одним из самых активных игроков в связи с нынешним кризисом на Украине стал Центр по борьбе с терроризмом и гибридными угрозами (ЦТГУ), созданный в 2017 г. в рамках министерства внутренних дел как подразделение, нацеленное на противодействие дезинформации, экстремизму и иностранному влиянию. Эта структура стала именовать определенный круг лиц «агентами влияния Кремля», пытаясь таким образом их дискредитировать в глазах общественности. К числу таких лиц относятся председатель одной из парламентских партий Томио Окамура, сенатор Ярослав Доубрава, бывшие депутаты парламента Иржи Вывадил, Зденек Ондрачек и Любомир Вольный, близкий соратник бывшего президента Вацлава Клауса Петр Гаек. ЦТГУ рассматривает предполагаемые «манипуляции российской пропаганды», предостерегает от сотрудничества с академическими и научными кругами России или Китая, призывает граждан активно сообщать государственным органам о «вредном контенте» в интернете. Центр воспроизводит нарративы ЕС или Украины, распространяя их официальные заявления, а также, что немаловажно, именует некоторых россиян, которых он считает связанными с Кремлем, «приверженцами нацизма» [Centrum proti terorismu...]. Таким образом, подразделение министерства внутренних дел запустило активную контрпропагандистскую кампанию с целью подорвать предполагаемые гибридные операции России против Чешской Республики и маргинализировать чешских граждан, подозреваемых в симпатиях к России или критических оценках либеральной демократии.

И министр внутренних дел Вит Ракушан, и глава ЦТГУ Бенедикт Вангели заявили, что информационная война с Россией ведется уже много лет, что необходимо принять надлежащие контрмеры и провести акции против «пятой колонны». В феврале 2022 г. директор ЦТГУ признал, что позиция государства в сфере национальной безопасности изменилась после прихода к власти в декабре 2021 г. либерального кабинета, который решительно поддерживает «секьюритизацию» и активные действия против тех, кто подозревается в причастности к гибридным операциям и иностранному влиянию [Čiřoková]. Стоит отметить, что ЦТГУ имеет связи с анонимной организацией, именуемой «Чешские эльфы», которая была создана в 2018 г., чтобы бороться с «иностранными дезинформационными кампаниями» и посредством мониторинга и уведомления выявлять «вредный контент», наносящий ущерб либеральной демократии, НАТО и ЕС [Čeští elfové]. Критически настроенные наблюдатели предупреждают, что и «Чешские эльфы», и министерство внутренних дел ведут дело к установлению цензуры.

Дискриминация россиян

В результате украинского кризиса общественная атмосфера в Чехии становилась очень напряженной. Российские граждане все чаще подвергались дискриминации и нападе-

ниям. В политическом, медийном и общественном дискурсе стали доминировать события на Украине, причем отсутствие объективной информации способствовало нервозности, даже истерии, подстегиваемой некоторыми группами интересов.

Российские граждане начали подвергаться дискриминации и нападениям. Словесные нападки на улицах, в школах, университетах, магазинах, ресторанах или в социальных сетях происходят все чаще. Очень много случаев вандализма и повреждения собственности российских граждан. Хотя представители властей предостерегали от антирусских настроений, эти призывы сводились на нет параллельными политическими решениями, направленными против Российской Федерации, российских граждан, а также чехов, которые сотрудничают с российскими партнерами или критикуют официальную политику государства. Требовались бы гораздо более решительные призывы к общественности не впадать в русофобию, чтобы преодолеть вспыхнувшую истерию, которую разжигают главным образом СМИ, журналисты, комментаторы и политические неправительственные организации.

Российские школьники и студенты стали объектами травли [Kramlová]. Инциденты происходили не только в начальных или средних школах, но и в университетах, которые, как ни парадоксально, все более демонстративно апеллируют к ценностям свободы, толерантности и прав человека, одновременно подвергая дискриминации студентов и преподавателей с альтернативными взглядами. В ответ на начало военной операции России на Украине несколько профессоров Пражского университета экономики и бизнеса накинулись на российских студентов. Мартин Длоуги, который является местным политиком правительственной правой партии TOP 09, заявил, что не будет «учить граждан вражеской страны», сотрудничать с российскими учеными и участвовать в каких-либо мероприятиях или проектах, связанных с Россией [Šopfová]. Он просил руководство университета присоединиться к его позиции, но не получил поддержки и был вынужден принести извинения [Vyjádření VŠE ke slovnímu...]. Тем не менее университеты несут свою долю ответственности за такие случаи, поскольку многие из них критикуют «агрессию» и «военные преступления» России и, что не менее важно, вводят мораторий на сотрудничество со своими российскими партнерами. Министр образования Петр Газдик не остановился перед тем, чтобы призвать все образовательные и научно-исследовательские институты пересмотреть как двустороннее сотрудничество с российскими субъектами, так и многосторонние проекты с участием российских учреждений [Gazdík Ministr školství ...].

Университеты между тем начали расторгать контракты с российскими партнерами по собственной инициативе, не дожидаясь заявления политических властей [Vědecké sankce...]. Конференция чешских ректоров — ассоциация, объединяющая ректоров большинства университетов страны, — выступила с крайне резким заявлением, в котором осудила «насильственную и завоевательную политику» России, которая, по их мнению, якобы «вывела Россию из сообщества цивилизованных европейских государств». Более того, чешские ректоры сравнили российскую риторику с нацистской [Bareš]. Ясно, что совместные исследовательские проекты будут как минимум приостановлены,

а взаимные обмены — сведены к минимуму. Академические круги, сотрудничающие с российскими, а также китайскими коллегами, подвергаются нарастающему политическому и идеологическому давлению. В условиях такого прессинга им рано или поздно придется принимать трудное решение о том, каким образом развивать научные связи и продолжать исследовательскую деятельность. Не исключено, что часть студентов, профессоров и ученых предпочтут уехать в те страны, которые могут обеспечить более благоприятные условия для исследований и науки. В итоге чешскую науку ждет провинциализация.

Случаи дискриминации можно было наблюдать в университетах, медицинских учреждениях, гостиницах и ресторанах. Некоторые рестораны обусловили предоставление своих услуг публичным дистанцированием от российского и белорусского президентов и их политики. Член совета директоров Чешской стоматологической палаты М. Ржезач объявил, что стоматологическая клиника не станет лечить «русский сброд» [Hradcová]. Уполномоченный по правам человека Станислав Кржечек, в прошлом не раз избиравшийся в парламент от социал-демократической партии, подтвердил, что уже получил несколько материалов, касающихся возможной дискриминации [Novotná, Fořtová]. Сам омбудсмен подвергался нападкам как журналистов, так и ряда министров за то, что осмелился указать на широко распространенную практику дискредитации и диффамации тех, кто высказывал альтернативные взгляды на украинский кризис, и сам раскритиковал украинского президента за неуместные заявления в адрес Чехии [Lišíte se v názorech...]. Есть комментаторы и даже эксперты и представители академического мира, которые прибегают к ненавистнической риторике, говоря, например, что российские лидеры несут «агрессивный империализм в своих генах» [Gazdík Kreml má agresí...]. Один из самых известных чешских актеров и драматургов Зденек Сверак снял видео, где назвал русских «ворами», которые «крадут чужие земли и изгоняют людей из их домов». Причем это видео было снято при поддержке министерства внутренних дел [Svěrák].

Еще более жестко прозвучали слова председателя Конституционного суда Чехии Павла Рихецкого, который призван защищать либерально-демократическую систему, свободу мнений и фундаментальные права граждан страны. В то время как от высшего представителя судебной власти было бы естественно ожидать умеренности, Рихецкий, говоря о российской военной операции и руководстве РФ употребил такие слова как «олицетворение самого страшного зла за последние десятилетия», «убийцы» и «преступники», угрожающие «всему цивилизованному миру». Конституционный судья Чехии, не собираясь даже вникать в ситуацию, призывал заранее обвинить российскую сторону в военных преступлениях и судить Международным уголовным судом [Pokorný]. И такие заявления — не редкость в публичном дискурсе. На пресс-конференции премьер-министра Петра Фиалы на следующий день после его возвращения из Киева, президент Конфедерации промышленности Чешской Республики Ярослав Ганак, не выбирая выражений, витийствовал о «злом звере» в Москве и призвал правительство к ликвидации «паутины врагов» и строгому контролю над теми, кому разрешено публично излагать мнения [Česko je na hraně...].

Политики и СМИ предостерегали от возможного российского вторжения в Евросоюз, проводя ложную параллель между нынешними событиями и вторжением в Чехословакию в 1968 г., снова и снова подчеркивали, что борьба с Россией является общим делом всей Европы и «свободного мира», и прибегали к таким вводным в заблуждение аргументам, как якобы неминуемая угроза ядерного удара или злонамеренного повреждения украинских АЭС. Все это накаляло атмосферу и порождало истерию, что проявлялось, например, в скупке йода, используемого в случае радиационного заражения [Přádová]. Появлялись призывы к восстановлению в Чехии обязательной военной службы, отмененной в 2004 г., а число претендентов на вступление в добровольный действующий резерв чешской армии увеличилось в десять раз [Zájem o aktivní...]. В течение первых недель после 24 февраля более 600 человек подали заявку на вступление в интернациональный легион на Украине [Tomšů]. Все эти факты свидетельствуют, что массированная антироссийская кампания принесла свои результаты.

Борьба против плюрализма и введение цензуры

Существенной частью этой кампании являются криминализация альтернативных интерпретаций и репрессии против «инакомыслия», включая преследование и блокирование «дезинформационных» СМИ. Интересно, что спецслужбы, а также министерство внутренних дел Чехии объявили, что те, кто станет использовать символ «Z», будут привлечены к ответственности, поскольку государственные органы не делают различий между этим древним славянским символом и нацистской свастикой [Soukeníková].

С 25 февраля 2022 г. Чешская ассоциация ведущих провайдеров интернет-услуг CZ.NIC блокирует несколько «дезинформационных» СМИ, что является беспрецедентным актом, выходящим за рамки существующих правовых норм. Этот акт имеет все признаки цензуры и может расцениваться как серьезное посягательство на свободу предпринимательства и свободу слова. Некоторые из заблокированных каналов уже подали в суд на CZ.NIC и премьер-министра П. Фиалу, который обвинил их в том, что они финансируются Россией и служат «российской пропаганде» [Berganová]. Стоит отметить, что в заблокированных «дезинформационных СМИ» публиковали свои тексты множество различных политиков и экспертов как левого, так и правого толка, в том числе президент Чехии Милош Земан, его предшественник Вацлав Клаус, бывший премьер-министр Иржи Парубек, бывшие министры Ян Каван и Даниэла Коваржова, а также действующие депутаты парламента от партии «Свобода и прямая демократия» [Výborný].

Что касается последней, то это евроскептическое движение единственное осмелилось выступить в парламенте с критикой вводимых мер цензуры, в то время как все другие партии либо поддерживали нарушение основных прав и свобод, либо молча терпели его. Журналисты, НПО, политики, общественные деятели, критикующие «автократии» за предполагаемые нарушения прав человека и цензуру, хранят молчание, когда такие же меры вводятся против внутренней оппозиции и инакомыслия в их собственной стране. Между тем ряд юристов считают блокирование СМИ «радикаль-

ным и необоснованным ограничением демократии и верховенства права» [To se bude oraťovat...]. Особенно настораживает то, что заместителем председателя правления CZ.NIC является Марек Антош, известный юрист, заместитель декана ведущего в Чехии юридического факультета, входивший в административный совет Фонда «Открытое общество Праги» (Open Society Fund Praha), финансируемого Джорджем Соросом. На этом основании бывший премьер-министр Иржи Парубек сделал вывод, что либеральный кабинет осознанно вел цензуру, и выразил сомнение в том, что Чешская Республика остается демократической страной [Paroubek].

Правительство, а также органы государственной безопасности и разведки по-прежнему дистанцируются от фактического решения ввести цензуру, избегая брать на себя ответственность за этот шаг. Все официальные структуры при этом утверждают, что блокировка является свободным решением, принятым частным субъектом. Михал Клима, назначенный в марте специальным представителем правительства по вопросам СМИ и борьбы с дезинформацией, заявил, что правительство располагает доказательствами, однако никаких доказательств обнародовано не было. Абсурдность противоречивой позиции кабинета министров становится очевидной, и сам специальный представитель правительства по СМИ признал, что блокировка в течение более длительного периода несостоятельна [Pika, Cibulka]. Министерство юстиции вместе с тем заявило, что готовится правительственный законопроект, разрешающий легальную блокировку СМИ с «вредным контентом». Другими словами, сами министры осознают неправовой характер мер, которые они сами же, если не навязывают, то поддерживают и поощряют. Министр юстиции Павел Блажек подчеркивает, что либерально-демократическое государство должно иметь правовые инструменты для предотвращения распространения дезинформации среди чешской общественности внешними субъектами [Koutník Vypneme].

Проблема в том, что по крайней мере некоторые заблокированные СМИ не имеют никаких связей с иностранными субъектами, поэтому официальная аргументация явно вводит в заблуждение. Противоречивость проявляется также в том, что действующее законодательство предполагает преследование таких действий в информационном пространстве, как нагнетание страха, публикация недостоверной информации и разжигание ненависти. Очевидно, что понятие «дезинформация» используется для ограничения свободы СМИ и слова, поскольку этот ярлык может быть применен в отношении любой критической или альтернативной точки зрения. Более того, подобные репрессивные меры осуществляются не в условиях военного положения. Три из заблокированных СМИ подали в суд на премьер-министра Петра Фиалу за клевету, поскольку последний заявил, что «дезинформационные» СМИ финансируются Россией. Однако прокуратура просто отказалась дать ход делу.

Приводимые при этом причины возмутительны. Представители прокуратуры утверждали, что некоторые чешские СМИ «преувеличивают недостатки либерально-демократических систем, ставят под вопрос их элиты, институты и процессы». Государственные чиновники выразили обеспокоенность по поводу совпадений между

«дезинформацией» и интерпретациями, излагаемыми Россией. Кроме того, прокуроры ссылались на «обеспокоенность подавляющего большинства чешского общества», которая якобы сделала введение цензуры легитимным. Власти не стали разбираться в оправданности публичной диффамации, которую совершил премьер-министр, используя сугубо односторонний нарратив при освещении международной ситуации и внутренней обстановки в стране. Адвокаты, защищающие «дезинформационные» медиа, установили, что решение о блокировке около 29 СМИ основывалось на предписаниях Национального центра киберопераций, министра промышленности и торговли, министра внутренних дел и постановления правительства. На основании этих документов были введены незаконные ограничения, нарушающие Хартию основных прав и свобод [Žalobu na...].

В ответ на это в публичном пространстве стало появляться все больше критических оценок, несмотря на молчание большинства политиков. Бывший генеральный прокурор (1999–2005) и министр юстиции (2013–2014) Мария Бенешова считает принятые меры ограничением свободы слова, а преувеличенную реакцию на украинский кризис, дискредитацию тех, кто придерживается альтернативных взглядов и общую атмосферу в стране — «истерией». Бывший министр юстиции (2009–2010), уважаемый юрист Даниэла Коваржова критикует вынужденное отсутствие открытой дискуссии. Бывший правый депутат (1998–2006) и ректор одного из чешских университетов Зденек Куделка осуждает «поиск внутреннего врага и охоту на ведьм», сравнивая нынешние репрессивные меры в Чехии с пресловутой эпохой маккартизма в США в 1950-х годах. Этому сравнению созвучно и предостережение подписавшего в свое время антикоммунистическую Хартию 77 Отто Черного, по мнению которого необходимо защитить право на иные мнения, тем более что Чехия не находится в состоянии войны с Россией, даже если антироссийские политики и утверждают обратное [Szaban]. Существующая сегодня цензура — явление до такой степени вопиющее, что вызывает критику даже среди ряда экспертов и комментаторов, известных своей проатлантистской ориентацией. Роман Йох, бывший советник премьер-министра Петра Нечаса, отстаивает право на отличные от официальных взглядов и выступает против введенных ограничительных мер. Он считает, что цензура приемлема и нужна только в случае нападения на страну, являющуюся членом НАТО, и полагает, что чешскому государству придется выплатить компенсацию владельцам заблокированных СМИ [Koulová].

Эти примеры свидетельствуют о противоречивом характере политики правительства и о наличии иных взглядов в различных политических лагерях. Но критика внутренней цензуры еще не означает поддержку российской политики. Нет никаких сомнений, что пророссийскую позицию в чешском обществе занимает меньшинство. Даже те, кто придерживается беспристрастной или умеренной интерпретации событий на Украине, маргинализированы, исключены из публичного дискурса, а при определенных условиях и криминализированы. Тем не менее в публичном пространстве можно услышать все больше и больше голосов, ставящих под сомнение политику чешского государства в отношении России и официальную интерпретацию украинского кризиса. Много трезвых комментариев дают бывшие высокопоставленные государственные чиновни-

ки, отставные военные или сотрудники разведывательных служб. Андор Шандор, Ян Шнайдер, Мартин Коллер, Ярослав Штефец, Иржи Вагнер разделяют негативное отношение к крайне одностороннему официальному нарративу, основанному на тезисах, что российское руководство стремится восстановить Советский Союз, вторгнуться в Чехию, устраивать «террористические акты» против избранных целей (как было якобы продемонстрировано во Врбетице в 2014 г. или в Солсбери в 2018 г.) и установить тоталитарный режим — неважно, фашистского или советского типа. Эти клише опровергаются авторами части подвергнутых цензуре СМИ, и именно поэтому данные СМИ были заблокированы.

Истоки иностранного влияния

Массированной медийной кампанией, сопровождающей политическое наступление, весьма способствовали деятельность НПО и кадровые изменения в государственном аппарате. Министр иностранных дел Ян Липавский приступил к подготовке реорганизации своего ведомства, чтобы ослабить роль чиновников, связанных с бывшими правительствами и президентом Чехии [Šídlová, Soukeníková, Machová]. Это связано с намерением действующего кабинета министров положить конец тенденциям многовекторной, прагматичной внешней политики при углублении связей с западными центрами силы. Такие намерения отражают провозглашенную цель пересмотра отношений с Китаем и Россией. Поворот на Запад стал возможен по причине победы либеральных сил на выборах 2021 г., смерти ведущего чешского бизнесмена Петра Келлнера (который, как считалось, имел влияние на политические элиты, способствуя развитию экономического сотрудничества с Китаем, Россией и некоторыми другими странами), и, наконец, объективного ослабления роли президента Милоша Земана.

Эти изменения поддерживаются конкретными группами интересов и влиятельными аналитическими центрами, такими как Центр европейских ценностей для политики безопасности (EVC). Не случайно один из его экспертов, Мартин Сваровский, как ожидается, будет назначен новым заместителем министра иностранных дел. EVC был создан в 2005 г. для продвижения евроатлантизма и либеральной демократии, а также борьбы с внутренними «авторитарными» тенденциями и внешним влиянием со стороны «автократий». Аналитический центр финансируется широким кругом иностранных субъектов, включая Государственный департамент США, Национальный фонд за демократию, Агентство США по международному развитию, Отдел общественной дипломатии НАТО, Европейскую комиссию, Тайбэйское (Тайваньское) экономическое и культурное представительство, Тайваньский фонд за демократию и Украинский кризисный медиацентр. В последние годы именно Государственный департамент США предоставлял значительное финансирование из-за рубежа совместно с МИД Чехии [Annual Reports]. Финансовые потоки объясняют радикальную, иногда экстремистскую повестку дня EVC, которая даже вызвала критику со стороны ведущего в стране Карлова университета: по их мнению, деятельность аналитического центра основана на чистой идеологии и ей не хватает объективности [Podivné postupy].

Либеральный истеблишмент набирает сотрудников и советников из вышеупомянутых кругов, спонсируемых извне, что может привести к чрезмерной зависимости страны от внешних сил и их интересов, особенно от США. Политические НПО проникают в государственное управление, подрывая прагматичные отношения с незападными партнерами. В январе 2022 г. EVC открыл филиал в Тайбэе для «поддержки суверенитета Тайваня» [European Values]. EVC сотрудничает с Друзьями свободной России — ассоциацией, созданной группой чешских либеральных депутатов и сенаторов с целью поддержки российской оппозиции [Čeští poslanci]. Обе организации, совместно с другими заинтересованными группами и НПО, такими как Ассоциация по международным делам (АМО) или «Чешские эльфы», призывают к политике конфронтации с Россией и распространению нарративов США и НАТО [Veřejné prohlášení].

Заключение

Тенденции к «секьюритизации» выливаются во все более сильное давление на права и свободы чешских граждан. В связи с военной операцией России на Украине власти Чехии решили еще больше ограничить свободу слова путем криминализации мнений, противоречащих официальной политике государства в украинском вопросе, и одновременной блокировки «дезинформационных СМИ», что стало беспрецедентным шагом. Украинский кризис привел к многочисленным последствиям в политической, экономической и социальной жизни чешского общества. Большинство чехов солидаризировалось с официальной государственной политикой, замешанной на сильных антироссийских настроениях, поскольку инициаторам этой политики удалось ассоциировать нынешнюю военную операцию с вводом войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. и создать эмоциональный нарратив, приносящий свои плоды. Более того, нынешняя кампания опирается на фундамент, заложенный прошлогодним скандалом вокруг инцидента во Врбетице, беспрецедентным в плане масштабов и последствий [Zemánek Czech RussiaGate].

Дискриминационные действия в отношении россиян являются неизбежным следствием тех подготовительных шагов. Политические элиты ускорили внутреннюю трансформацию в сторону «либерального авторитаризма», что подразумевает принуждение к идеологическому консенсусу, основанному на понимаемых строго определенным образом «либеральных ценностях», ослабление демократического начала, ограничение основных прав и свобод, а также дерусификацию внутри страны и прочное сближение с Брюсселем и Вашингтоном во внешней политике [Земанек].

Литература

- Земанек, Л. Дерусификация и «либеральный авторитаризм»: выбор Чехии // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 19.04.2022. — URL: ru.valdaiclub.com/a/highlights/derusifikatsiya-i-liberalnyy/ (date of access: 03.05.2022).
- Annual Reports // European Values Center for Security Policy. 2022. — URL: europeanvalues.cz/en/aboutus/annual-reports/ (date of access: 03.05.2022).

- Bareš M.* Statement of the Czech Rectors Conference on the War in Ukraine // Czech Rectors Conference. 24.02.2022. — URL: crc.muni.cz/en/documents/resolutions/crc-statement-on-the-war-in-ukraine (date of access: 22.03.2022).
- Beranová K.* Fiala: Zablokování dezinformačních webů bylo odvážné a možná trochu na hraně // Novinky.cz. 27.02.2022. — URL: novinky.cz/domaci/clanek/fiala-zablokovani-dezinformacnich-webu-byloodvazne-a-mozna-trochu-na-hrane-40388544 (date of access: 22.03.2022).
- Blažek V.* Kdo dal pokyn vypnout dezinformační weby? Stopy míří k tajným službám // Seznam Zprávy. 03.03.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-kauzy-kdo-dal-pokyn-vypnout-dezinformacni-webystopy-miri-k-tajnym-sluzbam-191430 (date of access: 10.03.2022).
- Centrum proti terorismu a hybridním hrozbám // Ministerstvo vnitra ČR. 2022. — URL: mvcr.cz/cthh/ (date of access: 10.03.2022).
- Ciroková K.* Na dezinformační scéně nastal moment šoku, někdo změnil názor, říká expert // Seznam Zprávy. 27.02.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-zivot-v-cesku-na-dezinformacni-scene-nastalmoment-soku-nekdo-zmenil-nazor-rika-expert-190538 (date of access: 10.03.2022).
- Česko je na hraně počtu uprchlíků, který je schopno absorbovat, řekl Fiala // ČT24. 17.03.2022. — URL: ct24.ceskatelevize.cz/domaci/3456124-zive-brifink-po-jednani-triparty-k-valce-a-uprchlikum (date of access: 22.03.2022).
- Čeští elfové. — URL: cesti-elfove.cz (date of access: 10.03.2022).
- Čeští poslanci a senátoři vytvořili platformu Přátelé svobodného Ruska // iDNES.cz. 16.03.2021. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/rusko-pratele-svobodneho-ruska-langsadlova-hilser-poslanciputin.A210316_131012_domaci_klf (date of access: 03.05.2022).
- European Values Center for Security Policy introduces its Taiwan Office with Czech and Taiwan`s Foreign Minister`s endorsement // European Values Center for Security Policy. 21.03.2022. — URL: europeanvalues.cz/en/press-release-european-values-center-for-security-policy-introduces-its-taiwanoffice-with-czech-and-taiwans-foreign-ministers-endorsement/ (date of access: 03.05.2022).
- Gazdík J.* Kreml má agresi v genech. Historik srovnává okupaci v srpnu 1968 s útokem na Ukrajinu // Aktuálně.cz. 03.03.2022. — URL: zpravy.aktualne.cz/zahranici/srovnani-ruska-invaze-do-ceskoslovenska-1968-a-naukrajinu-2/r~6954695a988411ecbdb0ac1f6b220ee8/ (date of access: 22.03.2022).
- Gazdík P.* Ministr školství ke spolupráci ČR s Ruskou federací // MŠMT. 02.03.2022. — URL: msmt.cz/vyjadreni-ministra-skolstvi-ke-spolupraci-cr-s-ruskou (date of access: 22.03.2022).
- Havlík A.* Vnitro zveřejňuje největší dezinformátory // Novinky.cz. 01.03.2022. — URL: novinky.cz/internet-a-pc/clanek/vnitro-zverejnuje-nejvetsi-dezinformatory-40388724 (date of access: 10.03.2022).
- Hradcová O.* Kvůli Ukrajině nechtěl vrtat zuby Rusům. “Byla to blbost, byl jsem plný emocí,” říká zubař // Ohře Media. 09.03.2022. — URL: ohremedia.cz/clanek/13105-kvuli-ukrajine-nechtel-vrtat-zuby-rusum-bylato-blbost-byl-jsem-plny-emoci-rika-zubar (date of access: 22.03.2022).
- Komunista Ondráček na sítích oslavoval Putina, vyšetřuje ho policie // Seznam Zprávy. 28.02.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-politika-komunista-ondracek-na-sitich-oslavoval-putina-vysetrujeho-policie-190945 (date of access: 10.03.2022).
- Koulová Z.* Svoboda slova se má suspendovat za války. Ale v té teď nejsme, vzkazuje vládě Roman Joch. Prosoudí podle něj velké peníze... // Parlamentní Listy.cz. 25.03.2022 — URL:

- parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Svoboda-slova-se-ma-suspendovat-za-valky-Ale-v-te-tednejsme-vzkazuje-vlade-Roman-Joch-Prosoudi-podle-nej-velke-penize-696893 (date of access: 03.05.2022).
- Koutník O.* Nelze tolerovat podporu válečných zločinů, říká Bradáčová. Policie zasáhne // Seznam Zprávy. 28.02.2022. — URL: <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/domaci-politika-nelze-tolerovat-podporu-valecnych-zlocinu-rika-bradacova-policie-zasahne-191089> (date of access: 10.03.2022).
- Koutník O.* Vypneme dezinformační weby, chystáme k tomu zákon, plánuje ministr // Seznam Zprávy. 21.03.2022. — URL: [seznamzpravy.cz/clanek/domaci-kauzy-vypneme-dezinformacni-weby-chystame-k-tomuzakon-planuje-ministr-194370](https://www.seznamzpravy.cz/clanek/domaci-kauzy-vypneme-dezinformacni-weby-chystame-k-tomuzakon-planuje-ministr-194370) (date of access: 03.05.2022).
- Kramlová J.* Mluvíš rusky, takže jsi Putin. Rusové v Česku odnáší zlobu a nenávisť za válku Kremlu // Aktuálně.cz. 03.03.2022. — URL: [zpravy.aktualne.cz/domaci/mluvis-rusky-takze-jsiputin/r~868371069a0f11ecab010cc47ab5f122/](https://www.aktualne.cz/domaci/mluvis-rusky-takze-jsiputin/r~868371069a0f11ecab010cc47ab5f122/) (date of access: 22.03.2022).
- Leawood H.* Gustav Radbruch: An Extraordinary Legal Philosopher // Washington University Journal of Law & Policy. 2000. №2. 489. — URL: openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1516&context=law_journal_law_policy (date of access: 10.03.2022).
- Lišíte se v názorech, tak jste agent Putina. Ministři mě okřikli, míní Křeček // iDNES.cz. 09.03.2022. — URL: [idnes.cz/zpravy/domaci/stanislav-krecek-ombudsman-kritika-zelenskyj-rusko-invaze-ukrajina-putin.A220309_103929_domaci_pmk](https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/stanislav-krecek-ombudsman-kritika-zelenskyj-rusko-invaze-ukrajina-putin.A220309_103929_domaci_pmk) (date of access: 22.03.2022).
- Ludwig P.* Policie má aktivněji vyhledávat trestnou činnost na internetu. „Není to alternativní svět,“ říká Lenka Bradáčová // Hlídací pes. 03.09.2020. — URL: hlidacipes.org/policie-ma-aktivneji-vyhledavat-trestnou-cinnost-na-internetu-neni-to-alternativni-svet-rika-lenka-bradacova/ (date of access: 10.03.2022).
- Machová M.* (2022, February 26). Stříž k podpoře invaze: Dejme si hranice, drakonické tresty nechceme // Seznam Zprávy. 26.02.2022. — URL: [seznamzpravy.cz/clanek/domaci-striz-k-podpore-invaze-dejme-si-hranice-drakonicketresty-nehceme-190632](https://www.seznamzpravy.cz/clanek/domaci-striz-k-podpore-invaze-dejme-si-hranice-drakonicketresty-nehceme-190632) (date of access: 10.03.2022).
- Novotná K., Fořtová K.* Rusové k nám nemohou, hlásí podniky i lékaři. Případy prověřuje inspekce // iDNES.cz. 10.03.2022. — URL: [idnes.cz/zpravy/domaci/diskriminace-rusove-rusko-ukrajina-putin.A220307_114547_domaci_knn](https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/diskriminace-rusove-rusko-ukrajina-putin.A220307_114547_domaci_knn) (date of access: 22.03.2022).
- Paroubek J.* Vraťte nám svobodu slova // Parlamentní listy.cz. 15.03.2022. — URL: [parlamentnilisty.cz/arena/nazory-a-petice/Jiri-Paroubek-Vratte-nam-svobodu-slova-696000](https://www.parlamentnilisty.cz/arena/nazory-a-petice/Jiri-Paroubek-Vratte-nam-svobodu-slova-696000) (date of access: 22.03.2022).
- Pika T., Cibulka J.* Další měsíc. Dezinformační weby zůstanou po dohodě s vládou na české doméně blokovány // iROZHLAS. 30.03.2022. — URL: [irozhlas.cz/zpravy-domov/mesic-dezinformacni-weby-legislativaministerstvo-vnitro_2203300500_pik](https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/mesic-dezinformacni-weby-legislativaministerstvo-vnitro_2203300500_pik) (date of access: 03.05.2022).
- Podivné postupy Evropských hodnot. Mluvme o bezpečnosti, ale bez ideologie // Lidovky.cz. 06.11.2016. — URL: [lidovky.cz/nazory/mluvme-o-bezpecnosti-ale-bez-ideologie.A161105_102245_ln_nazory_sij](https://www.lidovky.cz/nazory/mluvme-o-bezpecnosti-ale-bez-ideologie.A161105_102245_ln_nazory_sij) (date of access: 03.05.2022).
- Pokorný J.* Rychetský: Putin je válečný zločinec. Sankcím se směje, jeho režim vraždí obyvatele suverénní země // iROZHLAS. 25.02.2022. — URL: [irozhlas.cz/zpravy-domov/pavel-rychetsky-rozhovor-ruskoukrajina-putin.A2202250859_ako](https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/pavel-rychetsky-rozhovor-ruskoukrajina-putin.A2202250859_ako) (date of access: 22.03.2022).
- Policie zatkla aktivistu Černoorského, před ambasádou schvaloval ruskou invazi na Ukrajinu //

- iROZHLAS. 26.02.2022. — URL: irozhlas.cz/zpravy-domov/cernohorsky-aktivista-demonstrace-ruskoukrajina_2202261307_jgr (date of access: 10.03.2022).
- Přádová D.* Jódové tablety preventivně neberte. K jejich otevření by v nouzi vyzval stat // Seznam Zprávy. 04.03.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-zivot-v-cesku-jodove-tablety-preventivneneberte-k-jejich-otevreni-by-v-nouzi-vyzval-stat-191882 (date of access: 22.03.2022).
- Putin zachránil tisíce životů, tvrdí senátor. Vyšetřuje ho policie // Neovlivní.cz. 03.03.2022. — URL: neovlivni.cz/putin-zachranil-tisice-zivotu-tvrdi-senator-vysetruje-ho-policie/ (date of access: 10.03.2022).
- Slížek D.* Smazat do hodiny od doručení příkazu. Vnitro předložilo zákon proti šíření teroristického obsahu // Lupa.cz. 18.02.2022. — URL: lupa.cz/aktuality/smazat-do-hodiny-od-doruceni-prikazu-vnitro-predlozilo-zakon-proti-sireni-teroristickeho-obsahu/ (date of access: 10.03.2022).
- Soukeníková E.* Symbol invaze „Z“ jako hákový kříž? Je to důvod ke stíhání, varují úřady // Seznam Zprávy. 08.03.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-symbol-ruske-propagandy-z-je-duvod-ke-stihanivaruji-ceske-urady-192530 (date of access: 22.03.2022).
- Střížl I.* Informace k možným trestněprávním limitům svobody projevu ve vztahu k situaci na Ukrajině // Nejvyšší státní zastupitelství. 26.02.2022. — URL: verejnazaloba.cz/nsz/informace-k-moznym-trestnepravnim-limitum-svobody-projevu-ve-vztahu-k-situaci-na-ukrajine/#:~:text=Brno%2026.,Listiny%20z%C3%A1kladn%C3%ADch%20pr%C3%A1v%20a%20svobod (date of access: 10.03.2022).
- Svěrák Z.* „Rusové kradou kufry a cizí území“, věděl to už malý Kolja // Aktuálně.cz. 02.03.2022. — URL: video.aktualne.cz/rusove-kradou-kufry-a-cizi-uzemi-to-vedel-uz-malykolja/r~3412169899f611eca9b1ac1f6b220ee8/r~7a8f5e5093f711ec8a24ac1f6b220ee8/ (date of access: 22.03.2022).
- Szaban O.* Udává se za názor. Čím dál víc. Křeček zasáhl, nebyl sám // ParlamentníListy.cz. 22.03.2022. — URL: parlamentnilisty.cz/zpravy/kauzy/Udava-se-za-nazor-Cim-dal-vic-Kreckek-zasahl-nebyl-sam696664 (date of access: 03.05.2022).
- Šídllová T., Soukeníková E., Machová M.* Diplomacie bez Zemana: Končí „hradní“ spojka, povýší Lipavského mluvčí // Seznam Zprávy. 30.03.2022. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-diplomacie-bezzemana-konci-hradni-spojka-povysi-lipavskeho-mluvci-195972 (date of access: 03.05.2022).
- Šopfová K.* Profesor VŠE vyzval k bojkotu ruských studentů, pak příspěvek smazal // Novinky.cz. 24.02.2022. — URL: novinky.cz/domaci/clanek/profesor-vse-vyzval-k-bojkotu-ruskych-studentu-pakprispevek-smazal-40388270 (date of access: 22.03.2022).
- To se bude opakovat. Je to nelegální. Právník k blokování webů // Parlamentní listy.cz. 03.03.2022. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/To-se-bude-opakovat-Je-to-nelegalni-Pravnik-k-blokovani-webu694650 (date of access: 22.03.2022).
- Tomšů K.* Na Hrad se obrátilo 600 Čechů, kteří chtějí bojovat na Ukrajině // Novinky.cz. 12.03.2022. — URL: novinky.cz/domaci/clanek/na-hrad-se-obratilo-600-cechu-kteri-chteji-bojovat-na-ukrajine40390157. (date of access: 22.03.2022).
- Vědecké sankce vůči Rusku // Vědavýzkum.cz. 04.03.2022. — URL: vedavyzkum.cz/ze-zahranici/zezahranici/vedecke-sankce-vucirusku?fbclid=IwAR22ovTYRm9Ttgs7EDDKY_9nsh1L9SesTcXG_GHStRIF10lTcriGACEdwf8 (date of access: 22.03.2022).

- Veřejné prohlášení Přátel svobodného Ruska a české občanské společnosti k západním opatřením a sankcím za ruské porušení mezinárodního práva a nelegální vpád na ukrajinské území // European Values Center for Security Policy. 25.02.2022. — URL: europeanvalues.cz/en/verejne-prohlaseni-pratel-svobodneho-ruska-a-ceskeobcanske-spolecnosti/ (date of access: 03.05.2022).
- Výborný K. Vypnuté weby: Tyto všechny umlčeli. Smutná tečka za svobodnou dobou // Parlamentní listy.cz. 03.03.2022. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Vypnute-weby-Tyto-vsechny-umlceliSmutna-tecka-za-svobodnou-dobou-694940 (date of access: 22.03.2022).
- Vyjádření VŠE ke slovním excesům vůči ruským studentům // Vysoká škola ekonomická v Praze. 04.03.2022. — URL: vse.cz/zpravodaj/vyjadreni-vse-ke-slovnim-excesum-vuci-ruskym-studentum/ (date of access: 22.03.2022).
- Zájem o aktivní zálohy se zdesetinásobil, česká armáda posílí kurzy // České noviny. 15.03.2022. — URL: ceskenoviny.cz/zpravy/zajem-o-aktivni-zalohy-se-zdesetinasobil-ceska-armada-posilikurzy/2177601 (date of access: 22.03.2022).
- Za schvalování ruské agrese si vyslechlo obvinění již 18 lidí. Policie eviduje na 700 oznámení // iROZHLAS. 21.04.2022. — URL: irozhlas.cz/zpravy-domov/schvalovani-ruske-agrese-trestne-ciny-valka-na-ukrajine-policie-uprchlici_2204211147_vtk (date of access: 03.05.2022).
- Zemánek L. Czech RussiaGate: Contemporary McCarthyism in Practice // China-CEE Institute. 15.06.2021. — URL: china-cee.eu/2021/06/15/czech-republic-political-briefing-czech-russiagate-contemporary-mccarthyismin-practice/ (date of access: 22.03.2022).
- Zemánek L. Securitisation of the Social Sphere: Synchronic and Diachronic Perspective // China-CEE Institute. 11.01.2022. — URL: china-cee.eu/2022/01/11/czech-republic-social-briefing-securitisation-of-the-socialsphere-synchronic-and-diachronic-perspective/ (date of access: 10.03.2022).
- Žalobu na premiéra Fialu smetlo státní zastupitelství ze stolu. Rovnost před zákonem je pouhou iluzí // Nespokojený. 23.03.2022. — URL: nespokojeny.cz/nulova-vymahatelnost-prava-zalobu-na-premiera-fialustatni-zastupitelstvi-smetlo/ (date of access: 03.05.2022).

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-62-73

УДК 94(560); 327.39

ВИКТОР НАДЕИН-РАЕВСКИЙ

История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории

Аннотация. *События января 2022 г. в Казахстане привлекли внимание не только к исламистам «Казахского Джамаата», но и к пантюркистам в других странах и регионах. Чтобы понять их мотивы, необходимо проследить историю двух пантечений — пантюркизма и пантуранизма, с их давними корнями и современным продолжением. Пантюркизм появился на базе идей пантуранизма, которые были призваны спасти Османскую империю через экспансию на восток — в тюркоязычные страны и регионы. Это привело к вступлению Турции в Первую мировую войну и к распаду Османской империи. В период Второй мировой войны в республиканской Турции попытались вновь воскресить надежды на создание «Великого Турана».*

Ключевые слова: *пантюркизм, пантуранизм, Османская империя, геноцид армян, тюркизм, Турция, тюркские народы, Казахстан, Дикий Арман, Эрдоган, ТЮРКСОЙ, Организация Тюркских государств.*

Январские события в Казахстане несколько отошли на задний план на фоне событий на Украине и российской спецоперации, но, как ни покажется странным, эти события взаимосвязаны.

Для того чтобы понять мотивы казахстанского пантюркиста, руководителя групп Казахского Джамаата Дикого Армана и подобных ему деятелей на всем постсоветском пространстве, а заодно и мотивы, по которым в качестве наблюдателя в работе Тюркского совета принимает участие, например, Венгрия, необходимо вспомнить историю двух пантечений — пантюркизма и пантуранизма, с их давними корнями и современным продолжением в международно-политическом пространстве Евразии.

На фоне развала Османской империи в XIX в. появилось несколько новаций в государственном и идейном строительстве. Пытаясь спасти империю, сторонники движения «новых османов» разработали первую турецкую конституцию 1876 г. Свою роль в этом процессе сыграло и влияние европейских стран. В соответствии с этим документом подданные империи уравнивались в правах, что полностью противоречило

Сведения об авторе: НАДЕИН-РАЕВСКИЙ Виктор Анатольевич — директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона им. В.Б. Арцруни, старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, кандидат философских наук, nrvictor@mail.ru.

сложившейся имперской традиции, ориентированной на превосходство мусульман во всех имперских структурах. Однако мусульмане категорически возражали против предоставления христианским народам империи равных с ними прав. Уже в феврале 1877 г. султан Абдул-Хамид II сместил с поста Великого визиря — председателя правительства Мидхат-пашу, который был лидером «новых османов» и сторонником нового законодательства. Мидхата-пашу, как и других активных сторонников конституционного строя, выслали из столицы, и страна вступила в период, который получил название «зулюм». Выступая в дебатах в палате депутатов в марте 1877 г., султан заявил: «Я убежден... что нация, чья защита была поручена мне самим всевышним, не может быть управляема иначе, как силой»¹.

Вместо равенства подданных империи правящие круги попытались выстроить новую идеологию на основе панисламизма, с опорой исключительно на мусульман. Однако за последующие 30 лет эта идея себя не оправдала. Мусульмане империи, особенно арабы, не стали ее опорой, к тому же постоянно поднимали восстания. (Интересно, что современная идея «нео-османизма», посредством которой турки пытаются объединить территории бывшей империи под своим руководством, также вызывает отторжение у арабов. Они помнят и о жесточайшем подавлении восстаний, и об униженном положении арабов при власти султана.)

Параллельно в тот же исторический период в «идейных» поисках на Западе появились определенные новации, к которым стоит отнести идею пантуранизма — объединения в единое государство так называемых туранских народов. В отличие от принятых в современной науке подходов к формированию языковых семей, в соответствии с которыми финский, венгерский языки относятся к уральской языковой семье, а тюркские языки — к алтайской, сторонники пантуранизма считали, что все эти языки относятся к урало-алтайской языковой семье, или к «туранским языкам», и, соответственно, считали все народы этих языковых семей «туранскими народами». Хотя научной основы этот подход не имел — слишком разнился словарный запас данных языков, а из общих похожих черт можно назвать только агглютинацию² (когда вся грамматика располагается с помощью аффиксов за корнем слова), — политическая идея вполне просматривалась.

Первые клубы туранистов появились в Финляндии (входившей тогда в состав Российской империи) и Венгрии (входившей в состав Австро-Венгрии). В Финляндии исследования родства уральской и алтайской языковых семей проводили несколько ученых. Одним из наиболее известных был исследователь М.А. Кастрен [Зачинатель...], чьи работы сыграли роль в фенноманском движении, которое и опиралось на идеи родства народов двух языковых семей.

1 Османская империя в эпоху Зулюма // Студопедия.нет. — URL: studopedia.net/19_58122_osmanskaya-imperiya-v-epohu-zulyuma.html (дата обращения: 26.03.2022 г.).

2 Виноградов А.А. Агглютинация. // Большая российская энциклопедия. — URL: bigenc.ru/linguistics/text/1850970 (дата обращения: 27.03.2022 г.).

Интересно, что авторы «Британской Энциклопедии» примерно так и объясняют появление пантуранизма: «впервые турецкие исследования были серьезно предприняты мадьярами Венгрии, и это по двум причинам: первая причина была та, что венгерский язык принадлежит к угро-финской ветви агглютинативной группы. Второй мотив был политический — в течение полусотни лет до I мировой войны венгерские государственные деятели искали союзников против панславистского движения и ухватились за тот факт, что турецкий язык также является туранским (хотя и из другой ветви, нежели венгерский), для того чтобы внушить туркам идею венгеро-турецкой Антанты против славян»¹. В этом случае речь идет о попытках спасти разваливающуюся Австро-Венгерскую монархию и канализировать имперские устремления османов в новом направлении — на восток.

В научной литературе приводится любопытный факт: известный политический деятель Германской империи фон Мольтке, в молодости работавший военным советником в Османской империи, рекомендовал перевести столицу империи из Стамбула в Конью и даже еще дальше — на восток страны, считая, что таким образом можно добиться «омоложения» империи. Предложение Мольтке — откровенная попытка направить экспансионистские устремления османов на Восток. Немцы таким образом рассчитывали ослабить Россию, столкнув ее с османами. Исследования западных востоковедов использовались политиками и дипломатами, чтобы подвести некую научную базу под такую экспансию.

Идеи пантуранизма нашли поддержку и последователей в Османской империи, но с некоторой поправкой: речь зашла о создании некой империи «Великий Туран», которая бы объединила в первую очередь тюркоязычные народы. Впрочем, когда в 1865 г. Герман Вамбери (Армениус Вамбери) попытался изложить эту идею османским слушателям, он не встретил понимания: «Но надеемся, вы нас не ставите в один ряд с киргизами и бездомными кочевниками Туркестана», отвечали ему в стамбульских салонах [Зареванд, с. 52]. Понимание этой идеи, превратившейся в экспансионистскую доктрину, пришло позже, и пантюркизм занял основное место в идейных изысканиях османов на рубеже XIX–XX вв.

Поиски новой идейной основы, которая бы позволила влить свежую струю в сохранение деградирующей империи, и привели к идее пантюркизма. Наряду с имперскими теориями «османизма» и «панисламизма», которые так и не смогли объединить распадающуюся империю, в общественной и культурной жизни Турции появилось и стало укрепляться течение «тюркизма». Адепты новой идеи предприняли попытку объединить подданных Порты, оперевшись не на общеимперские концепции, а на чисто турецкую часть населения. Логика новых просветителей понятна: опираться на славян и других христианских подданных стало невозможно. Христиане, с их собственным национальным сознанием, не видели своего будущего в рамках империи, для которой они

1 Pan-Turanism // Encyclopaedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Chicago, Toronto. 1956. Vol. 17. P. 193.

становились все более чуждой частью. С развитием и укреплением национального самосознания как славянских народов, так и греков, восстававших против своего ущемленного положения в империи, которое постоянно сказывалось в повседневной жизни, высокомерное отношение властей к христианам сменилось откровенной враждебностью. Например, в судах империи христианин не мог выиграть дела в суде, поскольку шариатские суды всегда решали вопрос в пользу мусульманина. Христиане обязаны были платить специальный налог, который формально освобождал их от службы в армии, а фактически ущемлял в гражданских правах. Попытки протеста, восстания против произвола чиновников и ущемления прав подавлялись самым жестоким образом.

Не оправдали себя и старания опереться на идеи панисламизма. Арабские подданные империи постоянно восставали против произвола османов. Эти восстания подавлялись с неизменной жестокостью. Между тем империя могла пасть еще в начале XIX в. в результате действий египетского правителя Мухаммеда Али, когда только вмешательство великих держав позволило сохранить целостность имперских владений. Конечно, империя опиралась и на отдельные национальные группы, в частности арнаутов, как там называли албанцев. Подразделения арнаутов славились своей жестокостью и использовались для подавления восстаний славян. В конце XIX в. такой опорой стали и черкесы — так называли в империи практически всех мухаджиров, эмигрировавших из кавказских владений Российской империи.

Турецкий национализм — тюркизм — изначально носил шовинистический характер. Но в то же время в нем было и некое подобие национализма «угнетенной нации», как в силу все большего подчинения Османской империи диктату западных держав, так и из-за пренебрежения интересами «простого» турка со стороны официальных властей. Именно потому в защиту этих интересов все активнее стала выступать национальная интеллигенция. В конце XIX в. в Османской империи появляется литература, восхваляющая уже не османский, а национальный турецкий дух. Например, в письме к русскому переводчику В.Ф. Минорскому известный турецкий поэт Мехмед Эмин писал: «Моим желанием было написать стихи для всех моих соотечественников, в жилах которых течет та же кровь, что и у меня, которые говорят тем же языком, что и я; подумать о тех, о ком никто не думал столько веков, пожалеть тех, кого никто не жалеет, дать хоть что-нибудь тем, кто ничего не получил» [Гордлевский, с. 104].

В то же время рассуждения турецких интеллектуалов о бедственном положении простых турок часто переходили в проповедь великодержавных амбиций. Таким образом, тюркизм, появившийся как некое философское осознание своей национальной принадлежности в империи и мире, уже содержал зародыши пантюркизма. Отметим, что термины «турок» и «тюрок» в турецком языке обозначаются словом «тюрк» и турецкий национализм изначально был симбиозом национализма угнетенной нации и великодержавного шовинизма османов, ведь турецкий султан был и халифом всех мусульман — лидером всего «исламского мира» в представлении как османистов, так и тюркистов.

В произведениях ранних националистов (например, у Тевфика Фикрета) можно встретить и плач по поводу несчастной судьбы турецкого крестьянства, и проповедь

турецкой исключительности. Как писал Мехмед Эмин: «Красивейшее лицо для нас безобразно, нам любо турецкое лицо. И лучшее сердце для нас нехорошо: нам нужно турецкое сердце... Наш народ был ребенком: “мы — турки!” — он вырос. Мы — турки, и бежим на врагов с обнаженным мечом. Какой турок позволит набросить себе на шею веревку или аркан? Какой турок позволит построить при мечети колокольню? Наш народ не будет рабом. Кто перенесет такой (ужасный) день? Мы — турки; вздуваясь, как Кызыл-Ырмак, мы разливаемся по земле» [Там же].

Национализм получил широкое отражение во всех сферах культурной жизни империи. Такие организации, как общество «Национальное обучение и воспитание» («Милли талим ве тербие»), например, ставили своей задачей просвещение турецкого народа и пробуждение его национального самосознания [Петросян, с. 274]. Младотурки продолжили борьбу «новых османов» за приближение турецкого литературного языка к народному, за его тюркизацию [Там же, с. 275]. Впрочем, эта борьба (националистическая по сути, но непоследовательная по характеру) только предвосхитила развернутую кампанию по тюркизации турецкого языка, которая успешно проводилась в период республики.

Сторонники просветительского течения в рядах турецких интеллектуалов отражали надежды на эволюционные изменения правящего режима. Младотурки, с одной стороны, стремились «просветить» монарха, с другой — народ.

Попытка реализации пантюркистской доктрины

После победы младотурецкой революции 1908 г., которую поддержали национальные меньшинства, в том числе армянские организации, национализм младотурок постепенно начал приобретать пантюркистский характер.

По определению советского исследователя Д.Е. Еремеева, «Пантюркизм — национал-шовинистическая буржуазная идеология»¹, или «агрессивная, расистская доктрина, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран (отсюда применяемое иногда к пантюркизму название пантуранизм)»². В то же время необходимо различать течения и варианты самого пантюркизма. Пантюркистское мировоззрение, или система взглядов на место самих турок в мире в целом и в тюркском мире в частности — это одно. А пантюркизм как агрессивная расистская доктрина, которая, будучи продуктом пантюркистского мировоззрения, получила законченный вид в качестве политической программы экспансионистских представителей турецкого национализма — это другое.

1 Еремеев Д.Е. Пантюркизм / БСЭ, 3-е изд. — М., 1975. Т.19. С. 445.

2 Еремеев Д.Е. Пантюркизм // Советская историческая энциклопедия. М. 1967. Т.10. С. 796. Основываясь на так называемой «урало-алтайской теории», пантюркисты считали родственными языки уральской и алтайской семей и предлагали объединить эти народы в единое государство. Пантуранистские клубы существовали в Венгрии, приверженцы этой теории были в Финляндии и Османской империи.

Пантюркизм возник как политическое движение национальной интеллигенции в Османской империи (и в дореволюционной России), а его сторонники, проповедовавшие языковую, религиозную и культурную общность тюркоязычных народов, выдвинули амбициозную цель создать тюркское квазигосударство, «Великий Туран», в состав которого должны были войти все тюркские народы.

По мнению марксистов, возникновение пантюркизма связано с развитием капиталистических отношений в Османской империи, положившим начало формированию турецкой нации, и процессом развития капиталистических отношений на тюркоязычных окраинах России. При этом «научной базой» возникновения пантюркистских идей послужили работы западных ученых, зачастую отражавших внешнеполитические устремления своих держав, заинтересованных в ориентации турецкой экспансии на Восток и, соответственно, ослаблении позиций России¹.

Вместе с тем в самой Османской империи деятельность интеллектуальной верхушки османского общества объективно способствовала просвещению народа, по крайней мере, в последующем. Именно тогда зарождалась современная турецкая литература на основе появления и оформления литературного турецкого языка. В то же время тюркизм довольно рано получил пантюркистский оттенок из-за необоснованного стремления носителей этой идеи представлять интересы «всех турок» («тюрков») за пределами империи.

Следует отметить распространение за рубежом младотурецкой прессы, оппозиционной правящему в Константинополе режиму. В общей сложности, по подсчетам советского исследователя А.Д. Желтякова, с 1879 по 1907 г. за пределами Турции выходило около 120 оппозиционных эмигрантских газет и журналов [Желтяков, с. 240]. В основном эта свободная младотурецкая пресса выражала взгляды, сходные с позицией «новых османов», но ряд изданий уже тогда публиковали работы «тюркистов» — сторонников пантюркистской доктрины.

Новые идеологические течения отражали рост самосознания турок как представителей турецкой, а не османской нации. В итоге младотурецкая революция 1908 г., а затем и последовавшие за ней балканские войны привели к развитию турецкого буржуазного национализма.

Свою роль сыграло разочарование результатами революции со стороны многочисленных народов империи, которые надеялись на ослабление национального гнета, получение равных прав, демократизацию внутренней жизни, проведение широких социально-экономических преобразований. Младотурки, возглавившие революционное движение, пытались воскресить идеи «новых османов» и на этой основе сплотить многонациональное население империи. На словах декларировались равные права для всех народов (миллетов) страны.

1 Подробнее об этом см.: Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914). — Баку: изд. АН Азерб.ССР, 1966. С. 50.

Однако процессы развала империи остановить не удалось. Балканские войны 1912–1913 гг. привели к окончательному отпадению от Османской империи балканских государств, а внутри страны — к крушению доктрины «османизма». Именно на смену этой доктрине и пришла идея пантюркизма, получившая распространение благодаря активной пропаганде как местных пантюркистов, так и эмигрантов из царской России. Эмигранты активно выступали в прессе и националистических организациях империи¹, а позже и в республиканской Турции.

Высланные в 1907 г. с территории Российской империи так называемые панисламисты (Третье охранное отделение к сторонникам пантюркизма применяло именно этот термин) приняли самое активное участие в пантюркистской пропаганде, призывая «освободить российских турок» от власти монархической православной власти. Непомерные амбиции выходцев из России, стремление говорить от имени «всех турок» Российской империи дали повод турецким и западноевропейским ученым утверждать, что родиной пантюркизма была Россия [Hostler, p. 137; Sertel, s. 54]. Авторы послереволюционного периода, использовавшие зарубежные источники и литературу (А. Аршаруни и Х. Габидуллин [См. Аршаруни, Габидуллин, с. 13], Г. Касымов [См. Касымов]), также придерживались этой точки зрения. Весомый вклад тюркских эмигрантов из России в пропаганду пантюркизма несомненен, а их усилия до сих пор получают самую высокую оценку со стороны турецких пантюркистов. Например, видными пропагандистами и теоретиками пантюркизма были Юсуф Акчура (Акчурин) — создатель известного в свое время журнала «Тюрк Юрду» («Турецкая родина») [Türk ve Dünya... s.29], Гаяз Исхаков, Исмаил Гаспринский (Гаспаралы)² и др. Активная деятельность эмигрантов из России и привела к утверждениям о российском происхождении пантюркизма. Признавая роль российских пантюркистов в пропаганде пантюркизма в Турции, советский исследователь Э.Ю. Гасанова пишет: «На наш взгляд, правильнее искать корни шовинистических, агрессивных пантечений в буржуазном национализме любой нации на местной почве, в двойственной природе национальной буржуазии. Что же касается роли внешних факторов, то особенно пагубно сказались на турецком национализме в силу сложившихся исторических условий западноевропейские расистские пантечения» [Гасанова, с. 55].

Для нас важно то, что пантюркистская доктрина, получившая широкое распространение в Османской империи, сыграла немаловажную роль во вступлении Турции в Первую мировую войну. Пантюркисты возлагали надежды на помощь Германии в ре-

1 Подробнее о деятельности пантюркистов — выходцев из царской России см.: Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914). Баку. 1966. С. 115–139.

2 Крымскотатарский просветитель И.Б. Гаспринский был тонким наблюдателем духовной жизни мусульман России. Отмечая после зарубежных путешествий наличие «племенного самомнения» у европейцев и единоверных турок, он указал на его отсутствие в своем отечестве: мусульмане не тяготеют «отношением русского общества» [Матвеев Российский универсализм и этничность... С. 41]. В брошюре И.Б. Гаспринского 1881 г. впервые указано на наличие феномена «русского мусульманства» [Матвеев Российская универсалистская традиция... С.37].

ализации своей экспансии на Восток. Однако осуществлению идеи «Великого Турана» мешал «армянский клин», отделявший Османскую империю от остального тюркского мира. 1915-й считается годом начала геноцида армян в Османской империи, хотя массовая резня армян проводилась и ранее, например в 90-х годах XIX в. Но именно в 1915 г. пантюркистские лидеры организовали массовую резню армянского населения как в Западной, так и в Восточной Армении¹ под руководством государственных структур и по разработанному плану.

По приказу младотурецкого «триумvirата» была организована кампания «переселения» армян в бесплодные пустыни Сирии, на деле являвшаяся прикрытием для уничтожения мирного армянского населения. Часть армян была уничтожена в Западной Армении, часть — по пути в «места переселения». Курдская полурегулярная конница «Хамидие», отряды, сформированные из уголовников, и подразделения жандармерии, якобы «охранявшие» колонны эмигрантов, довершили начатое. В результате геноцида было уничтожено до полутора миллионов армян.

Турецкий исследователь Танер Акчам [Акчам, с. 7] справедливо, на наш взгляд, пишет, что геноцид армян в конце XIX — начале XX вв. стал возможен не из-за прихоти отдельных чиновников, а был закономерным следствием процесса развития и падения Османской империи. Этот процесс повлиял на формирование турецкого национального самосознания, турецкого национального «Я», которое и трансформировалось в воинствующий национализм.

После поражения Османской империи в Первой мировой войне и падения младотурецкого правительства, под давлением мирового общественного мнения в 1919 г. в Стамбуле и некоторых других городах были организованы судебные процессы над бывшими руководителями Комитета «Единение и прогресс», виновными в планировании и осуществлении геноцида армян, греков, айсоров (ассирийцев), йезидов и других немусульманских народов империи. «Главное, что вытекает из начатого следствия, — гласил обвинительный акт, — состоит в том, что преступления, совершенные с момента высылки армян в разные места и в разные периоды, не являются изолированными или локальными действиями. Они были заранее обдуманы и осуществлены по распоряжению центрального органа, состоявшего из вышеуказанных лиц (Талаат, Энвер, Джемаль, Ибрагим Шюкри и др. — *В. Н-Р.*), либо согласно секретным приказам, либо устным инструкциям» [Геноцид армян... С. 559].

Как писал бывший премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, «во время мировой войны греки Малой Азии тоже тяжело пострадали от жестокостей турок, — сотни тысяч греков были хладнокровно вырезаны в годы войны и еще больше было

1 Экспансионистские планы сторонников пантюркистской доктрины простирались далеко за пределы Малой Азии, охватывая Крым, Поволжье, Азербайджан, Среднюю Азию и ряд других районов, а территория Армении образовала как бы клин, рассекающий «Великий Туран» на две части, и являлась невольным препятствием на пути пантюркистской экспансии младотурок.

согнано с насиженных мест» [Там же, с. 581]. Вывод очевиден: пантюркистская верхушка Османской империи пошла на тяжчайшие преступления. По мнению многих авторов, в соответствии с турецко-германским договором предусматривалась «помощь Германии в расширении турецкой территории за счет России таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение с мусульманским населением» (т.е. завоевание русской Армении) [Готлиб, с. 51].

Пантюркизм в Турецкой республике

После победы кемалистской революции 1918–1923 гг. важнейшим течением в Турции стал тюркизм, а позже «национализм» (миллиетчилик). Формально республиканские власти отказались от пантюркизма и панисламизма. Основатель Турецкой республики Мустафа Кемаль (Ататюрк) в речи «О правах и обязанностях Совета комиссаров», произнесенной 1 декабря 1921 г., сказал: «Я так понимаю панисламизм: наша нация и представляющее ее правительство, естественно, желают благополучия и счастья всем нашим единоверцам, где бы они ни жили. Мы желаем, чтобы общины, созданные в разных странах нашими единоверцами, жили самостоятельно и независимо... Но управлять и руководить всем мусульманским обществом из единого центра, как империей, как одной большой империей — это фантазия! Это противоречит науке, знанию, логике!». Основание для такого нового подхода по Кемалю выглядит вполне логично: «Господа! Учтите научную истину и постоянно помните, что есть предел могущества, за который не может перейти политический организм, так же имеются естественные границы для нормального развития человека» [Ататюрк, с. 187].

Однако, хотя после победы кемалистской революции пантюркистское движение было запрещено, как и пантюркистская и панисламистская пропаганда, фактически оба течения не исчезли. Вместе с другими эмигрантами после поражения белого движения в России в Турецкую республику прибывали пантюркисты и панисламисты. Националистическая эмиграция призывала «освободить поработанные большевизмом» тюркские народы. Так, эмигранты Гаяз Исхаков (поэт Айяз Исхаки) и Эмин-бек Расульзаде (создатель Азербайджанской республики) выступали в турецкой печати за «единство тюрко-татарских народов». Они предлагали разделить Россию на отдельные «республики наций»: Азербайджан, Крым, Туркестан, Волжско-Уральский штат. «Остальные республики не нужны», — писал Исхаков в 1929 г. в статье «О будущем России», — они являются «болячками сепаратизма отдельных племен, раздуваемого красными урусами Москвы» [Касымов, с. 50].

Несмотря на «Договор о дружбе и братстве» между Россией (РСФСР) и Турцией от 16 марта 1921 г., в котором говорилось о недопустимости создания враждебных для сторон-участников договора движений, официальные турецкие власти не пресекали деятельности антисоветских деятелей. Это вполне естественно, ведь провозглашенные Кемалем Ататюрком принципы развития турецкой нации (так называемые «шесть стрел» Ататюрка) включали принцип «национализма», который трактовался настолько

широко, что позволял обозначать словом «турки» как все народы тюркской языковой группы, так и отдельных их представителей¹.

После смерти Ататюрка (в 1938 г.) перед Второй мировой войной правящие круги Турции пошли на фактический союз с гитлеровской Германией. Курс Кемалю Ататюрку, который официально старался отмежеваться от пантюркизма и панисламизма, был окончательно отброшен, и тюркизм, который первоначально трактовался как путь возрождения турецкой нации, стал все больше приобретать пантюркистский оттенок. Пантюркисты стали регулярно издавать свои концептуальные тексты, а в турецкой прессе постоянно публиковались статьи пантюркистского содержания.

Новый премьер-министр Ш. Сараджоглу откровенно поощрял пропаганду пантюркизма, а после нападения на СССР гитлеровские круги, как показано во многих, в том числе западных, исследованиях, «использовали пантюркистские устремления для формирования военных подразделений из советских военнопленных тюркских национальностей» [Landau, p. 193]. «Турецкие эмиссары разъезжали по немецким лагерям для советских военнопленных и пытались склонить тюркоязычных советских граждан к предательским действиям против своей родины» [Новичев, с. 192]. Уже осенью 1942 г. Турция сосредоточила на кавказской границе с СССР около полумиллиона солдат [Миллер, с. 206], а премьер-министр Турции Сараджоглу в беседе с послом Германии Францем фон Папеном 27 августа 1942 г. заявил, что, как турок, он страстно желает уничтожения России. «Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие; оно является также вековой мечтой турецкого народа» [Документы... С. 98]. Как пояснил Сараджоглу, «русская проблема может быть решена Германией, только если будет убита, по крайней мере, половина всех живущих в России русских, если впредь будут раз и навсегда изъяты из-под русского влияния русифицированные области, населенные национальными меньшинствами...» [Там же]. Турецкий премьер рассчитывал, что Германия позволит расширить турецкие территории за счет Советского Союза. Однако поражение гитлеровской Германии под Сталинградом остудило пыл турецких правителей.

В период войны пропагандой пантюркизма занимались многие газеты и журналы [См.: Кондакчян, с. 173]. Так, в июле 1941 г. журнал «Бозкурт» («Серый волк») опубликовал статью «Тюркизм идет». К статье была приложена и карта «Великой Турции» (как это знакомо по современным событиям и таким же картам, одну из которых подарил Эрдогану лидер Партии националистического движения Девлет Бахчели). В состав этого образования были включены Крым, Закавказье, Северный Кавказ, Поволжье, Средняя Азия и часть Сибири [Там же]. Такие же публикации можно было встретить и в других СМИ. Турок готовили к вступлению в войну во имя претворения в жизнь «национального идеала», т.е. создания «Великого Турана».

1 В турецком языке слово «тюрк» имеет значение: турок, тюрк; турецкий, тюркский (в словосочетаниях). (См.: Турецко-русский словарь. М. 1977. С. 876). Неясность этих значений позволяет пантюркистам легко смешивать национально-турецкие интересы, понятия с пантюркистскими устремлениями.

Как сообщал в Берлин германский посол фон Папен, «турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой своих соотечественников, находящихся по ту сторону турецко-русской границы, и особенно судьбой азербайджанских турок. В этих кругах, по-видимому, склонны возвратиться к событиям 1918 г. и хотят присоединить к себе эту область, особенно ценнейшие бакинские месторождения нефти» [Документы... С. 34].

Подготовка шла и по линии консолидации наиболее последовательных сторонников «национального идеала». В стране были созданы тайные общества пантюркистов. А.З.-В. Тоган¹ и А. Карадаглы создали тайное общество «Гювен». В 1940 г. было создано тайное общество «Бозкурт» («Серый волк»), активным участником которого был тогда еще лейтенант турецкой армии Альпарслан Тюркеш, впоследствии создавший Партию националистического движения. В настоящее время эта партия входит в правительственный блок во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом.

В мае 1944 г., когда стало неизбежным поражение Германии, турецкое правительство приняло меры против пантюркистов. Были арестованы Н. Атсыз, А. Тюркеш, А.З.-В. Тоган и ряд других лиц. В правительственном сообщении о том, что в Турции «раскрыта тайная организация пантюркистов», отмечалось: «На основании обнаруженных при обыске документов, секретных кодов, шифров, лозунгов, корреспонденций и программ следственные группы пришли к выводу, что расистско-пантюркистская деятельность опасна, ибо противоречит конституции, и несет уголовно-преступный характер». В результате суда над 25 пантюркистами обвиняемые в большинстве своем получили небольшие сроки наказания, а затем, после подачи кассации в Высший военный суд и нового слушания дела в военном трибунале второй инстанции в 1946–1947 гг., полностью оправданы.

Интересно и другое. Начальник штаба турецкой армии маршал Февзи Чакмак был обвинен в том, что по своей инициативе собрал на Кавказе полумиллионную армию. И был отправлен в отставку...

Литература

- Акчам Т. Турецкое национальное Я и Армянский Вопрос. М. 1995.
Аршаруни, А., Габидуллин, Х. Очерки пантюркизма и панисламизма в России. М. 1931.
Ататюрк К. Избранные речи и выступления. М. 1966.
Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914). Баку. 1966.
Геноцид армян в Османской империи. // Сборник документов и материалов. / Под ред. Нерсисяна М.Г. Ереван. 1982.

1 А.З. Тоган, Ахмед Зеки-Велиди Тоган — Зеки Валидов — первый глава кабинета министров советской Башкирии в 1918 г. Порвал с советской властью, бежал к Дутову, а после поражения белого движения переехал в Турцию.

- Гордлевский Вл.* Очерки по новой османской литературе. М.: Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М. 1912. (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков; Вып. 39).
- Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М. 1960.
- Документы министерства иностранных дел Германии. // Выпуск 11. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.). М. 1946. Документ № 27.
- Желтяков А.Д.* Печать в общественно–политической и культурной жизни Турции (1729–1908 гг.). М. 1972.
- Зареванд.* Турция и пантуранизм. Париж. 1930.
- «Зачинатель, опередивший продолжателей» // ugra-news.ru. 28.05.2020. – URL: ugra-news.ru/article/eshche_kopat_i_kopat/ (дата обращения: 28.03.2022 г.).
- Касымов Г.* Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань. 1931.
- Кондакчян Р.П.* Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван. 1978. С. 173.
- Матвеев В.А.* Российская универсалистская традиция и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.): историография, источники, методология. Ростов н/Д. 2012.
- Матвеев В.А.* Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ростов н/Д. 2008.
- Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л. 1948.
- Новичев А.Д.* Турция. Краткая история. М. 1965.
- Петросян Ю.А.* Младотурецкое движение. М. 1971.
- Hostler Ch. W.* Turkism and the Soviets: Colonel USAF. London. 1957.
- Landau J.M.* Radical Politics in Modern Turkey. Leyden. 1974.
- Sertel S.* Tevfik Fikret (ideolojisi ve felsefesi). Sofya. 1957.
- Türk ve Dünya Meshurları Ansiklopedisi.* Istanbul. 1962.

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-74-93

УДК 93/94(438) (477)

Антон Крутиков

Польско-украинский договор 1920 г.

Аннотация. Статья посвящена истории договора, заключенного 21 апреля 1920 г. в Варшаве между правительствами Второй Речи Посполитой и новообразованной Украинской Народной Республикой. В обстановке безвластия и хаоса Гражданской войны в России договор с украинским правительством С. Петлюры оказался важным шагом польского руководства по реализации обширного плана «буферизации» Восточной Европы. Появление новообразованного украинского государства должно было стать ключевым элементом «пояса безопасности» Польской Республики на востоке. Провал «киевской авантюры» Ю. Пилсудского весной 1920 г. выявил уязвимости Польши на стратегически важном для нее украинском направлении и привел к развитию польского «прометеизма» в межвоенное двадцатилетие.

Ключевые слова: Польша, Украина, Варшавский договор 1920 г., «пакт Пилсудского — Петлюры», советско-польская война, УНР, Юзеф Пилсудский, Симон Петлюра.

Польско-украинский договор от 21 апреля 1920 г. — соглашение между правительствами Второй Речи Посполитой и Украинской Народной Республики (УНР), заключенное в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг., нечасто оказывается в фокусе внимания российских историков. Традиционно этот документ всегда находился в тени другого трактата — Рижского договора 1921 г., который сделал юридически ничтожными условия предыдущего соглашения. Между тем в современной польской и особенно украинской историографии можно встретить многочисленные интерпретации событий 1920 г., причем содержащие немало полярных оценок.

Современный политический контекст актуализирует историческую память о «пакте Пилсудского — Петлюры», ведь столетие спустя идеи и решения его авторов имеют немало приверженцев. Перманентный политический кризис, в который погрузилась Украина после распада Советского Союза, располагал к поиску внешнего партнера, глубоко вовлеченного в украинскую проблематику и заинтересованного в продвижении идеи отдельной украинской нации. Исторический опыт Польши, накопленный за несколько столетий последовательных попыток по-своему разрешить «украинский вопрос» (именовавшийся часто «русинским», что не отменяло стремления придать ему политическое значение), не оставлял сомнений в том, кто из европейских соседей Украины станет главным претендентом на роль такого партнера.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzel1000@gmail.com.

Среди политических элит и интеллектуалов как сегодняшней Украины, так и Польши широко распространены представления о «золотом веке» в жизни «обоих народов» (известный польский писатель и историк-публицист Павел Ясеница назвал одну из своих книг (1967) «Речь Посполитая обоих народов»). Этот «золотой век» оказался неразрывно связан с ценностями Ягеллонской идеи, которые имели определяющее влияние на развитие политических взглядов руководителей Второй Речи Посполитой с момента возрождения польского государства в ноябре 1918 г. до его крушения в сентябре 1939 г. Украинская проблема в этот период рассматривалась в тесной связи с вопросом о восточной границе возрожденной Польши, став органичной частью политики польского «прометеизма».

Как выяснилось позднее, настойчивая «обращенность» польского государства на восток имела и более важное измерение. Новая граница, установленная Рижским договором 1921 г., включила в состав Польши территории западных губерний бывшей Российской империи, поставив перед польской элитой сложную задачу по интеграции многомиллионного украинского (и белорусского) населения. В польской национальной политике того времени боролись две противоположные тенденции: сторонники «инкорпорации», представленные национальными демократами, не желали мириться с торжеством сторонников курса Юзефа Пилсудского и его концепции «федерализма». Это предопределило двойственность и непоследовательность действий польского государства в политике на востоке. Истоки этой двойственности следует искать в событиях после ноября 1918 г., когда в ходе «борьбы за границы» возрожденная Польша впервые столкнулась с задачей практического решения украинской проблемы.

В годы Гражданской войны 1918–1920 гг. военно-политическая обстановка на Украине характеризовалась сложностью, стратегической непредсказуемостью, стремительностью происходивших изменений и обширным списком внутренних и внешних акторов. По сути, противостояние выразилось в ряде острых конфликтов в борьбе за власть и изменение национально-государственного устройства украинских земель с участием различных политических, национальных и социальных групп и многих иностранных держав. Хорошо известны амбиции Германии и Австро-Венгрии, для которых Брестский мир 3 марта 1918 г. означал доступ не только к украинской территории, но и к продовольственным и экономическим ресурсам Украины, что виделось залогом будущей победы Центральных держав над силами Антанты. Однако поражение на Западном фронте и германская революция в ноябре 1918 г. оставили эти планы нереализованными.

После окончания Первой мировой войны и германской оккупации Украины, повлекшего за собой падение прогерманского режима гетмана П.П. Скоропадского, определилось несколько наиболее заметных и влиятельных акторов украинских событий. Среди них были большевики, отстаивавшие идею советской украинской республики, белые армии А.И. Деникина и войска Речи Посполитой, восстановленной в ноябре 1918 г. под руководством «начальника государства» Юзефа Пилсудского. Активными участниками противоборства за будущее Украины выступали и украинские национали-

сты, объединенные вокруг проекта Украинской Народной Республики. Высший орган УНР — Директория, провозглашенная в ноябре 1918 г., состояла в основном из сторонников радикальных социалистических идей, но с ярко выраженной «национальной программой». Этот самопровозглашенный орган не пользовался широкой поддержкой населения Украины, хотя и претендовал на роль выразителя интересов «угнетенных классов», в первую очередь украинского крестьянства. Ставка делалась на «национализацию» и радикализацию многомиллионных крестьянских масс, с перспективой активного вовлечения их в водоворот Гражданской войны. Лидером Директории с февраля 1919 г. стал «главный атаман» (главнокомандующий) войск УНР Симон Петлюра, украинский революционер, пришедший к власти благодаря своей роли в создании украинских национальных частей в 1917–1918 гг.

Ожесточенность борьбы, усиленная стратегической важностью украинских земель с точки зрения их географии, природных, экономических и людских ресурсов, привела к тому, что ни одна из сторон военно-политического противостояния долгое время не могла добиться убедительных успехов. Власть в Киеве за годы Гражданской войны сменилась не менее 15–20 раз, а это, в свою очередь, привело к социально-психологической усталости общества от происходивших перманентных политических перемен. Стратегии выживания, которые в данный период доминировали, не позволяли говорить о безусловной поддержке той или иной политической силы, претендовавшей на роль «всеукраинской власти». В итоге, трижды изгнанные из Киева большевики смогли утвердиться там лишь к концу 1919 г., выдворив из города войска сначала петлюровцев, а затем и белых.

До этого момента польский фактор не играл существенной роли в развитии конфликта, однако на рубеже 1919–1920 гг. ситуация кардинально изменилась. Разгром Деникина и поражение Петлюры на правом берегу Днепра вывели на первый план давние польские амбиции и планы реставрации исторического пространства Польши «в границах 1772 года». Как показали последующие события, эта непродуманная попытка ревизии прошлого и военно-политического реванша в условиях Гражданской войны оказалась безуспешной и привела к трагическим последствиям.

В 1920 г. неудачная «украинская авантюра» даже поставила под сомнение само существование польского государства, едва не приведя его на край гибели. Лишь «чудо на Висле» и, как утверждает современная польская историография, гений национального лидера Ю. Пилсудского и его французских военных советников спасли тогда Польшу от разгрома. Современный польский националистический нарратив неотделим от исторической памяти о Варшавской битве 13–25 августа 1920 г. и неразрывно связанной с ней фигуры первого маршала Польши. Не следует забывать, что начальным актом той грандиозной военной драмы стал именно стратегический польско-украинский союз, заключенный Ю. Пилсудским и С. Петлюрой весной 1920 г.

Неоднозначное восприятие «пакта Пилсудского — Петлюры» прослеживается в разноречивых оценках этого соглашения как современниками, так и потомками. И сегодня

в научных (и околонучных) польских и украинских кругах немало апологетов этой страницы истории, рассказывающих о братском союзе «свободных со свободными», но столь же часто этот союз трактуют в темных тонах — как проявление империализма со стороны Польши и капитуляции со стороны Украины [Bruski, *Ukraina w koncepcjach...* s. 17].

Классическая польская оценка появилась еще в 1960-е годы. Ее сформулировал историк-эмигрант, профессор Йельского университета Петр Вандыч: «Как и большинство международных соглашений, оно [соглашение между поляками и С. Петлюрой. — *Ред.*] стало результатом совпадения интересов. Более слабая сторона платила уступками за полученную помощь и поддержку» [Wandycz, s. 20].

Историк времен ПНР, биограф Юзефа Пилсудского Анджей Гарлицкий выразился более категорично. По его мнению, лидер польского государства не искал реального союзника в лице правительства УНР, поскольку оно было слабым и полностью зависимым от него, украинцы были необходимы только как «проводники» его внешней политики [Garlicki, s. 225].

К сходным выводам приходит и постсоветская украинская историография, подчеркивая обоюдную заинтересованность сторон в заключении политического союза и в то же время его неравноправный характер [Михайлова, с. 232].

Символично, что в последние годы этот подход подвергся ревизии. Одним из наиболее известных современных специалистов по украино-польским отношениям периода 1918–1921 гг. является Ян Яцек Брусский, научный сотрудник Ягеллонского университета в Кракове, автор нескольких важных работ, затрагивающих тему Варшавского договора 1920 г. Выступая в 2017 г. на научной конференции в Кракове, посвященной 150-летию Ю. Пилсудского, Брусский высказал оригинальную мысль, будто польский лидер «хотел создания сильной и независимой Украины» [Bruski, *Kwestia ukraińska...*]. «Пилсудский, — утверждает краковский историк, — желал создания на Днестре независимой и сильной Украины. Не с той целью, чтобы руководить украинцами, а для того, чтобы Украинская республика могла дать самостоятельный отпор России. Такая республика представляла бы собой ключевой элемент буферной зоны, пояса безопасности Польши на востоке» [Bruski, *Kwestia ukraińska...*].

Однако столь спорное утверждение даже в нынешней польской историографии принимается с рядом оговорок. Многократно замечено, что восточная политика первого польского маршала была максимально прагматичной. Одним из приоритетов в 1918–1921 гг. Варшаве виделось продвижение на восток, так как именно здесь можно было найти не только новых союзников в борьбе с большевиками, но и, как признает сам Брусский, новые территории [Bruski, *Ukraina w koncepcjach...* s. 20].

Идеализировать взгляды Ю. Пилсудского на восточных соседей оснований нет. Отношения с УНР в 1918–1921 гг. отнюдь не были в его представлении симметричными отношениями равных партнеров. Украинской стороне всегда отводилась в них вспомо-

гательная роль. Вторая Речь Посполитая ожидала от украинцев уступок, в первую очередь территориальных. В связи с этим сомнительными выглядят попытки современной исторической науки, в том числе польской, представить союз 1920 г. начальным этапом реализации «гигантского плана» маршала Ю. Пилсудского по кардинальному политическому переустройству Восточной Европы.

Украинский вопрос оказался в центре внимания властей получившей независимость Польши уже в ноябре 1918 г. Сразу после концентрации в своих руках военной и политической власти «начальник государства» Юзеф Пилсудский попытался определить свое отношение к кровавому конфликту, разразившемуся в Восточной Галиции (где польские войска к 21 ноября полностью взяли под контроль Львов, вынудив правительство самопровозглашенной Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) бежать в Тернополь). Антиукраинские настроения были тогда весьма распространены среди части польских политиков и генералитета. Например, по мнению генерала Юзефа Галлера, одного из ключевых военных руководителей Второй Речи Посполитой, церемониться с населением Галиции не следовало, ибо «все украинцы являются большевиками или чем-то вроде этого» [История Украинской ССР...]. Вопреки этим настроениям, Пилсудский охарактеризовал события в Галиции как ненужную и даже (по свидетельству его близкого соратника Леона Василевского) «идиотскую войну» [Raport, s. 588]. Такая оценка была обусловлена глубокой убежденностью Пилсудского в том, что Польша должна прийти к взаимопониманию с украинским национальным движением и признать новую государственность в виде УНР, формирующуюся на Днестре. По его мнению, «источник русинского вопроса» находился вовсе не во Львове, а в Киеве [Suleja, s. 116].

Это не означало, что Пилсудский преуменьшал значимость Восточной Галиции для Польши (как пытались представить его оппоненты) или готовился пойти на значительные уступки украинцам вопреки польским интересам. Уже в конце ноября 1918 г. будущий маршал громко заявил, что сделает все возможное, чтобы «сохранить эту землю и ее героическую столицу (Львов. — А.К.) за Польской Республикой» [Piłsudski, s. 30]. Вопрос о будущем Галиции рассматривался им отдельно от судьбы «большой» Украины, с учетом понятного стремления Варшавы поддержать в регионе польское меньшинство. Базовым условием, своего рода программой-минимум было сохранение за Польшей Львова и нефтяного бассейна в Восточной Галиции (Борислав). По стратегическим соображениям Пилсудский выступал за демаркацию, которая оставила бы железнодорожную линию Дрогобыч–Львов–Ковель в руках поляков. Польское предложение о разделе Восточной Галиции выглядело несправедливым и неравноправным, но оставалось в силе в последующие месяцы. Оно было категорически отвергнуто политическими лидерами галичан.

Позиция Ю. Пилсудского изменилась после вооруженного захвата в июле 1919 г. всей Восточной Галиции польскими войсками. 17 июля 1919 г. войска ЗУНР (вошедшей к тому времени в состав УНР на правах Западной области Украинской Народной Республики (ЗОУНР), были вынуждены отступить за р. Збруч. Вместе с ними территорию Вос-

точной Галиции оставили и власти ЗУНР. Вопрос об обладании этой территорией для польского правительства был временно решен в свою пользу. Последующие попытки украинской стороны вернуться к обсуждению будущего Восточной Галиции Варшавой категорически отвергались. Впрочем, в мае 1920 г. в инструкции, разработанной для ведения переговоров с Галицким митрополитом Андреем Шептицким, власти Польши подчеркивали, что принадлежность края к польскому государству не исключает «урегулирования его таким образом, чтобы сосуществование обеих наций было более разумным» [Świtalski, s. 48–49]¹.

По мнению Ю. Пилсудского, вопрос «большой» Приднепровской Украины имел гораздо более важное значение, чем судьба Галиции. Глава Второй Речи Посполитой не питал иллюзий относительно прочности создаваемой украинской государственности в форме УНР. Однако он верно оценил фактор вооруженной борьбы за Украину, в ходе которой у него могли появиться потенциальные союзники в противостоянии Советской (как и «белогвардейской») России. Это хорошо видно из инструкций, данных Пилсудским его ближайшим военным соратникам, а также дипломатам, отправленным в декабре 1918 г. в Париж для участия в Версальской мирной конференции [Bruski, *Ukraina w koncesjach...* s. 15]. Пилсудский осознавал и стратегическое значение Украины для большевиков, постепенно готовя почву для будущих военно-политических комбинаций.

Первые дипломатические контакты между представителями Варшавы и УНР имели место еще на рубеже 1918 и 1919 г., но затем были надолго прерваны. Ухудшению отношений способствовал акт слияния двух республик — УНР и ЗУНР 22 января 1919 г. («Акт Злуки»), формально превративший Директорию во главе с Петлюрой в участника польско-украинского противостояния в Галиции.

Польская сторона заняла выжидательную позицию, и в последующие месяцы попытки установить официальные дипломатические контакты с правительством УНР не предпринимались. Причин тому было много, среди них — сложная военно-политическая обстановка на Украине, охваченной Гражданской войной, конфликт в Галиции, неблагоприятная позиция Антанты, а также польское общественное мнение, отвергающее идею возможного польско-украинского союза.

Характерно, что весной-летом 1919 г. не последовало и более развернутых заявлений Пилсудского об отношениях с Украиной. «Начальник государства» хранил молчание, хотя этот вопрос постоянно поднимался в текстах польских публицистов, связанных с его лагерем. Пилсудский был скован позицией держав Антанты, которые тогда делали ставку на силы белых в Гражданской войне в России и требовали от Польши следовать данной линии. Летом 1919 г. успешное наступление войск генерала А.И. Деникина привлекло пристальное внимание как Польши, так и Антанты. Западные союз-

1 Митрополит Украинской греко-католической церкви Андрей Шептицкий выступал ключевой фигурой украинского национального движения в Галиции.

ники Второй Речи Посполитой считали весьма вероятной победу белых и, соответственно, видели будущее политическое устройство России как восстановление единой российской государственности (за исключением Финляндии, Польши и Прибалтики). В этой концепции не было места для поддержки национальных сепаратистских движений, в частности украинского.

Однако это не означало, что украинский вопрос исчез из поля зрения польского руководства. Оно, несомненно, пристально следило за развитием событий на Днестре. Еще в марте 1919 г. в интервью французской газете *Le Petit Parisien* Ю. Пилсудский провел мысль, что безопасность Польши на востоке можно обеспечить за счет Украины. Он заметил, что «нападение [большевиков] на Польшу зависит прежде всего от украинского вопроса. Если украинский вопрос будет решен в их пользу, то они нападут на Польшу» [Wywiad Pilsudskiego z 16 marca 1919, s. 67].

Таким образом, уже в начале 1919 г. украинский вопрос казался польскому руководству ключом к разрешению более широкой «российской проблемы». Но неопределенность исхода Гражданской войны в России заставляла Польшу быть осторожной, копить силы и ждать более благоприятной конъюнктуры. Приоритет отдавался укреплению польской армии и тайной дипломатии, нацеленной на создание почвы для будущих военно-политических союзов. Официальное замораживание отношений с УНР благоприятно воспринималось и польским общественным мнением, позволяя Пилсудскому сохранять популярность и дистанцироваться от всевозможных проектов поддержки Украины.

Опираясь на Антанту, Польша смогла в 1919 г. значительно увеличить свою военную мощь, доведя численность армии с 200 до 600 тыс. чел. В то же время Ю. Пилсудский предпочел уклониться от союза с А. Деникиным, так как последний отстаивал идею «единой и неделимой России», которая была несовместима с проектом «великой Польши в границах 1772 года». Все военные операции поляков на востоке были временно приостановлены, Польша лишь наблюдала за разворачивающейся на Украине и юге России военной драмой.

На протяжении лета 1919 г. Антанта не проявила ни малейшего интереса к поддержке С. Петлюры и его усилий по созданию отдельной украинской республики, что стало большим разочарованием для Ю. Пилсудского. В телеграмме американской миссии на мирных переговорах в Версале госсекретарю США Роберту Лансингу от 23 июня 1919 г. правительство УНР во главе с Петлюрой было охарактеризовано как «бездарное» («worthless») [The Commission to Negotiate Peace... p. 763]. Американские дипломаты требовали приостановить любую военную помощь УНР, в том числе в виде поставок снаряжения, ранее обещанного по линии военного ведомства США [The Secretary of State... p. 789]. Сходную позицию заняли правительства Великобритании и Франции (в последней лишь отдельные политики и депутаты парламента относились более благосклонно к политическим притязаниям украинцев) [Bruski, Petlurowcy, s. 153–155].

Долгожданное для Варшавы изменение конъюнктуры произошло осенью 1919 г. Поражение сил А.И. Деникина повысило значение польского фактора в расчетах западных великих держав и значительно увеличило свободу действий Пилсудского на востоке. Войска УНР под командованием С. Петлюры, отступившие в западную Волинь и Подолию, отчаянно нуждались в союзнике для борьбы с большевиками. УНР в этот момент фактически не контролировала сколько-нибудь значительной территории и оказалась в положении неравноправного партнера, готового на далеко идущие уступки.

Находясь в критическом положении, Директория УНР решила отправить миссию в Варшаву, наделив ее самыми широкими полномочиями. Руководящие принципы для украинской делегации, возглавляемой министром иностранных дел УНР Андреем Ливицким, были определены на совместном заседании руководителей УНР и ЗОУНР 26 сентября 1919 г.¹ Чтобы удовлетворить политические амбиции галичан, в состав миссии были включены три делегата из Галиции, выражавшие интересы диктатора ЗОУНР Евгения Петрушевича. Членам миссии следовало избегать обсуждения вопроса о границе, а если это окажется невозможным, беспрекословно защищать «дело» Восточной Галиции, подчеркивая, что только международная мирная конференция может решить ее судьбу. Эти инструкции оказались совершенно нереалистичными.

Украинская миссия прибыла в Варшаву 8 октября 1919 г. Официальные переговоры начались 28 октября и продолжались в несколько раундов до 2 декабря. Переговоры были трудными из-за категоричной позиции Речи Посполитой по вопросам границы и статуса Восточной Галиции, а также собственности на сельскохозяйственные земли на Украине. Украинская миссия долго не хотела уступать в вопросе о границе, хотя в то же время С. Петлюра оказывал давление на А. Ливицкого, настаивая на том, чтобы тот подписал соглашение в связи с трагическим положением армии УНР.

Со своей стороны, Польская Республика не спешила с официальным признанием независимости УНР из-за позиции, занятой Францией и Великобританией. Антанта поддерживала А. Деникина и его программу восстановления Великой России, чего Пилсудский опасался больше всего. Именно поэтому он заключил негласное перемирие с большевиками летом-осенью 1919 г., ожидая поражения белых. «Начальник государства Польского» также должен был принять во внимание отрицательное отношение большинства фракций в польском Сейме к идее сотрудничества с УНР [Szumiło, s. 44].

Парадоксально, но задача С. Петлюры найти взаимопонимание с Польшей была облегчена «предательством» галичан и переходом Украинской Галицкой армии (УГА) в ноябре 1919 г. на сторону Деникина. 6 ноября на станции Зятковцы Подольской губернии был заключен договор о перемирии и военном союзе между командованием УГА и Вооруженными силами Юга России («ноябрьская катастрофа» в терминологии

1 Андрей Ливицкий, юрист, выпускник Киевского университета Св. Владимира и бывший член Центральной рады в 1919 г., возглавлял министерство иностранных дел УНР.

современной украинской историографии). Согласно тексту договора, УГА в полном составе вместе с тыловыми частями переходила в распоряжение главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А. Деникина.

В сложившейся ситуации подразделения Войска Польского перешли реку Збруч и 8 ноября заняли Каменец-Подольский (против чего безуспешно протестовал Деникин). ЗУНР и УНР фактически вернулись к практике принятия сепаратных политических решений. 2 декабря А. Ливицкий согласился на польские условия и подписал декларацию. Ее содержание оказалось крайне тяжелым для украинской стороны. Помимо отказа от прав на Галицию и положения о том, что польско-украинская граница в ее северной части будет проходить по северо-западной Волыни (ее точная демаркация была отложена на более позднее время), декларация содержала, среди прочего, заявление об особом «правовом положении землевладельцев польской национальности» на Украине, которое должно быть «урегулировано на основе специального соглашения между украинским и польским правительствами» [Там же].

В начале декабря 1919 г. армия и правительство УНР оказались в окрестностях г. Любар на Волыни без возможности дальнейшего отступления. Тогда было решено, что правительство укроется в Польше, а армия отправится в «партизанский рейд» по тылам деникинцев и большевиков. 5 декабря главный атаман С. Петлюра по приглашению Ю. Пилсудского выехал в Варшаву. 11 декабря, после многочасовой беседы с Пилсудским, он официально подтвердил условия соглашения, подписанного А. Ливицким.

Тем временем Красная армия, преследуя разбитые части А. Деникина, в начале 1920 г. заняла почти всю Украину и оттеснила войска белых в Крым. На занятых территориях большевики ввели режим военного коммунизма, на что местное крестьянство ответило восстаниями и мятежами. Стихийно формировались отряды различных атаманов, которые порой контролировали значительные территории [Udowyczenko, s. 122].

По словам начальника польского генштаба, генерала Тадеуша Кутшебы, уже в декабре 1919 г. решение о планировании так называемой Киевской операции было «окончательно назревшим». Осторожный Ю. Пилсудский был готов приступить к его реализации только после окончательного падения А. Деникина. В особой директиве, данной командующему Волынским фронтом генералу Антонию Листовскому, польский генштаб отмечал: «Поскольку официальное создание Украины (как враждебного России самостоятельного государства) выявило бы наше враждебное отношение к Деникину, что для нас невыгодно, то планы эти надлежит скрывать и от Деникина, и от Антанты, и от большевиков и к выполнению их можно приступить только после падения Деникина» [Kutrzeba, s. 51].

Зимние месяцы были использованы Польшей и Советской Россией для интенсивной подготовки к решающей фазе военного противостояния [Kutrzeba, s. 50]. По пропагандистским и, отчасти, внешнеполитическим соображениям для поляков было важно,

чтобы военные действия, предпринятые Варшавой, носили характер совместной польско-украинской кампании [Karpus, s. 20].

Логично встает вопрос о подлинных целях польско-украинского союза и в целом всей восточной политики Варшавы, кульминацией которой стал «поход на Киев» весной 1920 г. Мнения историков и очевидцев на этот счет расходятся. Классической стала точка зрения, объясняющая те события увлеченностью Ю. Пилсудского проектами, исходящими из ассоциируемой с ним идеи «Междуморья» — огромной конфедерации, которая охватывала бы Польшу, Украину, Белоруссию, Прибалтику и, возможно, Финляндию. Известно стремление Пилсудского к возрождению политических традиций Речи Посполитой, органичной частью которых был польский федерализм. Его новое прочтение в начале XX в. вполне могло бы, по мнению некоторых современников, не только укрепить польскую государственность, но и помочь в восстановлении границ, существовавших «до разделов».

Подобный подход имел давнюю идеологическую основу. Еще в 1901 г. Ю. Пилсудский отмечал: «...добровольный федеративный союз Литвы и Украины с Польшей был бы для нас желателен, а что касается Литвы, то мы просто не видим для нее другой формы независимого существования, кроме тесного союза с Польшей, но с Украиной нас бы связывали более свободные отношения» [Grünberg, s. 84]. Реализация этого проекта представлялась, однако, делом отдаленного будущего. Как указывал Пилсудский в меморандуме для японского МИД в 1904 г., украинцы — наряду с православными белорусами — «находятся лишь в начальной стадии развития своего оппозиционного движения и еще не способны бороться за свои права» [Piłsudski, s. 249]. Ситуацию изменила разразившаяся в России революция, когда лидеры украинского и многих других национальных движений получили уникальный исторический шанс реализовать свои планы. Поддержка политического украинства и его национальных амбиций, по мнению будущего лидера межвоенной Польши, вполне отвечала стратегическим интересам Варшавы. В одном из своих поздних высказываний Пилсудский утверждал, что именно такой подход был бы наилучшим продолжением «Ягеллонской идеи».

Подтверждением тому служит свидетельство начальника польского генштаба генерала Т. Кутшебы, согласно которому Пилсудский стремился к «новой организации Восточной Европы» путем раздела Советской России и сведения ее территории в «границы, населенные только коренным русским народом». По мнению Кутшебы, решение о заключении союза с УНР вытекало как из «особых военных условий во время польско-русской войны 1920 г., так и из фундаментальных политических обстоятельств, став началом реализации гигантской идеи маршала, направленной на создание новой политико-стратегической организации Восточной Европы» [Karpus, s. 20–24].

Однако для более объективной оценки свидетельства Т. Кутшебы стоит обратить внимание на время публикации его воспоминаний. Книга «Поход на Киев в 1920 году» была опубликована в 1937 г., через два года после смерти маршала. Это издание являлось своеобразным некрологом Пилсудскому и манифестом его курса, не подразуме-

вающим критических ноток и альтернативных оценок. В нем следует видеть не столько достоверный источник, сколько очередное проявление глорификации маршала, вставшего в польской исторической традиции в один ряд с выдающимися деятелями прошлого (в том числе известными своими успехами на востоке), вроде Стефана Батория или Сигизмунда III.

Ясно, что польские элиты по-разному смотрели на формы возможного взаимодействия с Украиной. Так, хорошо известна позиция национальных демократов во главе с Романом Дмовским, критически воспринимавшим любые попытки создания самостоятельной украинской государственности. Национальные демократы выступали за «справедливое разграничение» на востоке, и их линия на создание сильного национального польского государства была популярна в обществе. В польском Сейме действовала всего одна фракция (социалистов), оказывавшая безусловную поддержку курсу Пилсудского.

Кроме того, не обнаружено ни одного документа 1918–1921 гг., где Пилсудский использовал бы слово «федерация». В своей политике он опирался на совсем другой принцип, который правильнее всего определить как принцип «буферизации» Восточной Европы. Отделение Польши от России обширным буфером в виде новообразованного украинского государства должно было стать ключевым элементом пояса безопасности Польской Республики на востоке. Часть польских историков говорит также о «патернализме» Пилсудского в отношении Украины, которая стала для него своего рода новым проектом, экспериментом, направленным на укрепление польских границ [Bruski, Kwestiaukraińska...].

Пролить свет на подлинные причины польско-украинского союза 1920 г. помогают политические директивы Ю. Пилсудского, а также документы, подготовленные по его поручению в конце 1919 — начале 1920 г. Помимо далеко идущих внешнеполитических планов, выбор конкретных решений в отношении Украины определялся военно-стратегическими соображениями. Пилсудский ясно обозначил этот подход в разговоре со своим доверенным лицом Богуславом Медзиньским: «Большевиков надо бить, и поскорее, пока они не окрепли. Их нужно принудить принять решающий бой и разгромить, чтобы Россия запомнила это надолго. Но для этого необходимо нанести удар в такое большое место, где они не смогли бы уклониться и отступить. [...] Киев, Украина, вот их уязвимый пункт. По двум причинам: во-первых, Москве без Украины будет угрожать голод; во-вторых, если над ними нависнет угроза организации независимой Украины, они не смогут рисковать и будут вынуждены ввязаться с нами в бой» [Szumiło, s. 48].

В документе от 1 марта 1920 г., подготовленном по заданию Пилсудского, геополитические мотивы переплетались с более прагматичными, экономическими: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать украинское национальное движение с целью создания независимого украинского государства и тем самым значительно ослабить Россию, отобрав у нее территории, наиболее богатые зерном

и природными ресурсами. Главная идея создания Украины — создать барьер между Польшей и Россией и подчинить Украину польскому влиянию, обеспечив тем самым экспансию Польши на восток как экономически, создав для себя рынок сбыта, так и политически» [Sąsiedzi wobec wojny... s. 160]. В еще более откровенном документе, подготовленном в мае 1920 г., Пилсудский ясно указывал генералу А. Листовскому, что С. Петлюра и его правительство в польских расчетах «ничего не значат» [Bruski, Ukraina w koncepcjach... s. 18].

Между тем реакция украинских националистических сил на интенсификацию контактов с Варшавой оказалась предсказуемо негативной. В знак протеста против декларации, подписанной 2 декабря 1919 г., галичане покинули украинскую дипломатическую миссию в Польше. Политики ЗУНР и большинство политических эмигрантов из Приднепровской Украины расценили заявление А. Ливицкого как «варшавское предательство». В феврале 1920 г. парламентская конференция украинских социалистов-революционеров (эсеров), созванная в эмиграции Михаилом Грушевским, обратилась к правительству Директории УНР с просьбой как можно скорее заключить военную конвенцию и торговый договор с Советской Россией, а затем, с помощью последней, «вернуть отторгнутые украинские земли и закрепить свое политическое и государственное существование» [Szumiło, s. 49].

После декларации 2 декабря 1919 г. и последовавших за ней конфиденциальных переговоров А. Ливицкого и С. Петлюры с Ю. Пилсудским официальные польско-украинские контакты прекратились более чем на три месяца. Политическая ситуация не была благоприятной ввиду туманных перспектив УНР, не имевшей собственной территории, сильной армии и полноценных государственных структур. Решение о возобновлении диалога было принято на секретном заседании польского правительства 8 марта 1920 г. В тот же день глава польской делегации на переговорах с УНР Август Залеский обратился с соответствующим предложением к Андрею Ливицкому. Переговоры начались 11 марта. Их ход тщательно скрывался даже от комитета по иностранным делам Сейма. Польские территориальные требования по-прежнему казались украинцам неприемлемыми. Продолжался упорный торг вокруг судьбы отдельных районов Волыни [Там же].

Во время переговоров А. Ливицкий посетил Каменец-Подольский для консультаций с Украинским национальным советом. Стремление разделить ответственность при решении крайне болезненного вопроса о границе было вполне объяснимым. Обсуждение затянулось, а тем временем Ю. Пилсудский уже принял принципиальное решение о наступлении на Украину, поэтому в его интересах было заключить соглашение с Петлюрой как можно скорее. Для Петлюры союз с Польшей оставался единственным выходом, он был готов на далеко идущие уступки. Соглашение было подписано после очередной многочасовой беседы между ним и Пилсудским [Pisuliński, s. 218; Szumiło, s. 50].

Секретные польско-украинские переговоры завершились в ночь с 21 на 22 апреля 1920 г. подписанием в Варшаве «Соглашения между Речью Посполитой и Украинской

Народной Республикой». Его подписали заместитель министра иностранных дел Польской Республики Ян Домбский и министр иностранных дел УНР Андрей Ливицкий. Согласно тексту договора, польская сторона официально признавала «Директорию УНР во главе с главным атаманом паном Симоном Петлюрой верховной властью Украинской Народной Республики» [Umowa...].

Намерения сторон заключить военно-политический союз, изложенные в Статье I, объяснялись «признанием права Украины на независимое государственное существование на территории и в границах, которые будут определяться [...] на основании договоров Украинской Народной Республики с соседними государствами» [Там же].

Граница между Польшей и УНР описывалась в Статье II договора следующим образом: «к северу от реки Днестр по реке Збруч, затем по бывшей границе между Австро-Венгрией и Россией до Вышегрудка, от Вышегрудка на север через Кременецкие холмы, а затем по линии восточнее Здолбунова, затем по восточной административной границе Ровенского уезда, далее на север по границе бывшей Минской губернии до пересечения ее рекой Припять, а затем по реке Припять до ее устья» [Там же].

Крайне важная Статья III гласила: «Польское правительство передает Украине территории к востоку от линии границы, указанной в ст. II настоящего Соглашения, — до границ Польши 1772 г. (до разделов), которые Польша уже имеет или приобретет у России военным или дипломатическим путем» [Там же]. Таким образом, «независимое» украинское государство создавалось исключительно на землях Правобережной Украины, будучи ограничено с запада новой линией польско-украинской границы. Украина теряла права на Галицию, Холмщину и западную часть Волыни. Ни о какой украинской государственности к востоку от Днепра Варшавский договор даже не упоминал.

24 апреля была заключена военная конвенция, где отмечалось, что «польская и украинская армии действуют совместно как союзные силы» [Konwencja wojskowa...]. Военные операции должны были проходить под руководством Верховного командования польских вооруженных сил (при этом обе стороны решили назначить офицеров связи при своих командованиях). Украинское правительство должно было организовать на захваченных территориях свою собственную администрацию, как гражданскую, так и военную. В то же время оно обязывалось поставлять необходимые продукты питания для польской армии, действующей на Украине. После окончания военной кампании предполагалось начать эвакуацию польских войск с территории Украины. Верховное командование Войска Польского обязалось поставлять украинской армии оружие, боеприпасы, снаряжение и обмундирование в количестве, необходимом для трех дивизий по польским стандартам [Szumiło, s. 51].

Подписанная в Варшаве военная конвенция предусматривала совместные действия войск УНР и польской армии против большевиков. Все статьи этого соглашения были секретными, так как Ю. Пилсудский готовил свой знаменитый «поход на восток» во-

преки желанию депутатов Сейма и многих польских политиков. Большинство партий в Сейме выступали против «украинской авантюры» — похода на Киев.

17 апреля 1920 г. Ю. Пилсудский в качестве главнокомандующего утвердил план Киевской наступательной операции. 25 апреля польская армия и войска С. Петлюры перешли в наступление по всей линии фронта на Украине. Война велась, согласно польской пропагандистской версии, против «оккупантов, разбойников и грабителей» за «освобождение» Украины. На киевском направлении наступали семь пехотных и одна кавалерийская дивизия, на одесском направлении — три пехотные дивизии. К северу от Киева поляков поддерживали отряды атаманов С. Булах-Балаховича (2 тыс. бойцов) и. Струка (1 тыс.). Войска С. Петлюры действовали на киевском направлении.

26 апреля польские войска заняли Житомир, 27-го — Бердичев и Казатин. На южном участке 6-я польская армия генерала Вацлава Ивашкевича захватила Винницу, Бар и Жмеринку. На северном участке поляки захватили Чернобыль и вышли к р. Днепр у Припяти. В результате польская армия вышла на линию Чернобыль — Казатин — Винница — румынская граница.

Стремительное развитие событий на фронте фактически опережало волю военного руководства Польши — первоначально захват Киева не входил в число первоочередных задач. 6 мая 1920 г. поляки заняли Белую Церковь. В тот же день польские разведчики 3-й армии под командованием генерала Эдварда Рыдз-Смиглы на трамвае въехали в центр Киева, не встретив сопротивления большевиков. Войска красных оставили Киев без боя, отступив на левый берег Днепра. 7 мая поляки и петлюровцы заняли Киев. Польские части форсировали Днепр и захватили небольшой плацдарм на левом берегу, глубиной до 15 км. Таким образом, польская армия захватила почти всю Правобережную Украину.

9 мая с подчеркнутой помпезностью польское командование провело «парад победы» в центре города на Крещатике. Парадом руководил генерал Э. Рыдз-Смиглы, присутствовали командир 6-й стрелковой дивизии армии УНР М. Безручко, представитель польского генштаба полковник Юлиан Стахевич, французский полковник Шарль-Гюстав Ано и японский военный атташе [Kutszeba, s. 110].

Позднее в Киев прибыл лично Ю. Пилсудский, а 23 мая 1920 г. столицу посетил С. Петлюра. Побывав в Софийском соборе, «главный атаман» провел смотр немногочисленных частей УНР. Политическая обстановка, несмотря на формальную передачу гражданской власти в городе украинской стороне, оставалась неопределенной. По городу поползли слухи о скором назначении С. Петлюры гетманом — под польским протекторатом.

Возвращение Ю. Пилсудского из Киева в Варшаву 18 мая 1920 г. обернулось настоящим триумфом для польского премьера. Председатель Сейма Войцех Тромпчиньский приветствовал Пилсудского как «вернувшегося с победой Болеслава Храброго» (поль-

ский король, захвативший Киев в 1018 г. — А.К.), обратившись к нему со следующими словами: «История еще не видела страны, которая создавала бы свою государственность в таких непростых условиях, как у нас. Именно в этот момент Ваш победоносный поход на Киев дал народу ощущение собственной силы, укрепил его веру в свое будущее, умножил его духовное мужество и, прежде всего, создал основу для успешного и прочного мира, которого мы все так сильно желаем» [Wyprawa kijowska].

Однако триумф продлился недолго. Командование Красной армии подготовило план контрнаступления на Украине, и 12 июня 1920 г. Киев был освобожден от польских войск. В дальнейшем польские войска и петлюровцы на Правобережье потерпели поражение, начался их отход на запад. Летом 1920 г. драматические события советско-польской войны в очередной раз изменили соотношение сил. Лишь победа в Варшавской битве позволила Польше избежать окончательного разгрома и сохранить свою государственность, но о планах поддержки УНР пришлось забыть надолго. Рижский договор, подписанный 18 марта 1921 г., перечеркнул надежды С. Петлюры и его сторонников на польскую помощь, а официальная Варшава признала существование на территории Украины совсем другого государства — СССР.

Предыдущее соглашение с петлюровской УНР оказалось перечеркнуто, что дало повод польскому политику Тадеушу Голувко говорить о Рижском мире как о «зраде» (предательстве) в отношении украинского союзника. Однако многие политические деятели самой УНР, такие как М. Грушевский, И. Мазепа и В. Винниченко, не говоря уже о политиках из Галиции, не только не поддерживали «пакт Пилсудского — Петлюры» (Варшавский договор 1920 г.), но и резко осудили его. Один из ключевых военных руководителей УНР, генерал-хорунжий Юрий Тютюнник (в 1923 г. вернувшийся в советскую Украину), в своих воспоминаниях отмечал: «Для политически активных украинских граждан так называемая польско-украинская концепция или украинское полонофильство было громом среди ясного неба и остается загадкой поныне. Напрасный труд искать идеологические основания или обоснования этого полонофильства среди немногочисленной украинской публицистики до того самого момента, когда украинские граждане не оказались перед фактом союза: Петлюра — Пилсудский» [Тютюнник, с. 9].

Трезвые оценки Варшавского договора с УНР в польской политической мысли появились еще в межвоенное двадцатилетие. Известна позиция Р. Дмовского, лидера национальных демократов и одного из главных оппонентов Юзефа Пилсудского: «В сложившемся положении украинский вопрос не считался решенным ни украинцами, ни кем-то иным, помогавшим им по тем или иным причинам. Брожение на его почве не прекращалось, и не были остановлены попытки, направленные на изоляцию украинских земель как от Советской России, так и от Польши. Со стороны Польши эти усилия вызвали даже знаменитый поход на Киев в 1920 г., повод и политические цели которого и до сих пор невозможно адекватно объяснить. Он ничего принципиально не изменил в состоянии украинских проблем, с тем лишь только отличием, что Рижский мир, который наступил после него, установил границу Советской Украины на Западе,

отодвигая Польшу со значительной части территории, которую она фактически занимала» [Dmowski, Kwestja Ukraińska, s. 223].

Политики из лагеря «пилсудчиков», напротив, оправдывали идею превентивного удара на Украине весной 1920 г. и благосклонно отзывались о попытках польского руководства поддержать украинскую государственность. Современный польский националистический нарратив с легкостью подхватил эту идею, сетуя на «предательство» Антанты, не пожелавшей признать УНР, и недостаточную поддержку С. Петлюры среди украинского крестьянства. Более того, польская историография часто проводит параллель между событиями 1939 и 1920 гг., говоря о «первом предательстве» западных союзников в отношении Польши в годы советско-польского вооруженного противостояния. Нередко высказываются альтернативные предположения, чем могла завершиться предпринятая Пилсудским киевская операция в случае более благоприятной конъюнктуры.

Однако даже такой поклонник польско-украинского союза, как Я. Брусский, настаивает: ни благосклонная позиция Антанты в отношении независимости Украины, ни прямая военная поддержка Петлюры, хотя бы частично сопоставимая с помощью, оказанной Деникину в 1919 г., не гарантировали успеха «киевской авантюры». Все попытки интерпретировать упущенные возможности как нереализованный «уникальный исторический шанс» относятся исключительно к сфере спекуляций [Bruski, Polsko-ukraiński sojusz... s. 235].

Несмотря на обширную историографию вопроса об украино-польском союзе, в современной Польше нет единства в оценках Варшавского договора 1920 г. Общим является лишь одно: уделяя сравнительно мало внимания роли, которую этот договор сыграл в судьбе восточных соседей, польская официальная риторика признает важность соглашения с УНР в деле противостояния большевизму в борьбе за «нашу и вашу свободу». Польское государство давно стремится официально закрепить значимость событий 1920 г., включив их в каноническую версию новейшей истории страны.

В ноябре 2020 г. в местечке Skierniewice в 60 км от Варшавы был открыт необычный памятник. В этом совершенно не примечательном с исторической точки зрения месте появился монумент «Накануне Варшавской битвы», призванный увековечить память о союзниках Польши в критический для ее судьбы момент лета 1920 г. Эклектичная композиция состоит из четырех фигур: первый маршал Польши Юзеф Пилсудский, глава Директории УНР Симон Петлюра, премьер-министр Венгрии Пал Телеки и французский военный советник при польском генеральном штабе, будущий президент Франции Шарль де Голль.

Попытка включить противоречивую фигуру украинского «союзника» в один ряд со столь известными историческими персонажами сама по себе говорит о многом. Здесь можно увидеть не только дань политической конъюнктуре и аллюзию с современными военно-политическими вызовами, но и стремление «исправить» мнимые «ошибки прошлого», символически поддержать Украину и одновременно обозначить собственные амбиции, подчеркнув якобы упущенный столетие назад «исторический шанс».

В период 1921–1926 гг. восточная политика Варшавы была двойственной и колебалась между «прометеизмом» и «реализмом», что нашло отражение в отказе от поддержки политических деятелей украинской ориентации. Недавний союзник Ю. Пилсудского С. Петлюра пользовался гостеприимством польского правительства недолго и уже в 1923 г. был вынужден покинуть страну. Советское правительство не желало мириться с действующим в Варшаве «белогвардейским подпольем», с чем польская сторона была вынуждена считаться. Тем не менее инциденты в дипломатических отношениях с Москвой происходили с известной регулярностью, напряжение в регионе сохранялось на протяжении всего межвоенного двадцатилетия. Установленная Рижским договором восточная граница Польши рассматривалась как временный и неустойчивый компромисс: и Польша, и СССР готовились в любой момент приступить к ее пересмотру. В итоге излишняя обращенность Второй Речи Посполитой на восток в 1920–1930-е годы, по мнению многих современных экспертов, стала наиболее слабым местом этого государства.

Не решив украинской проблемы, Польша получила новую — проблему восточной границы, странную и опасную конфигурацию которой вполне справедливо подвергал критике Р. Дмовский. Однако более прагматичная позиция польских национальных демократов не смогла переломить официальный вектор межвоенной дипломатии Польши. Как отмечает директор по вопросам стратегии Варшавского предпринимательского института (Warsaw Enterprise Institute) Анджей Талага, «Восток был центральным аспектом нашей внешней политики в межвоенное двадцатилетие. МИД, разведка и генеральный штаб армии, консерваторы, талантливые публицисты и часть сторонников курса Пилсудского видели там будущее и мощь Польской Республики. Из этих мечтаний ничего не вышло: не Польша разбила Советский Союз, а наоборот» [Andrzej Talaga].

Сегодня очевидно, что для достижения успеха на стратегически важном для Варшавы украинском направлении полякам не просто не хватило времени — ошибки межвоенной польской национальной политики не позволили добиться здесь сколь-нибудь значимых результатов. Разрешение территориального спора между Москвой и Варшавой произошло почти два десятилетия спустя после триумфального похода войск Пилсудского на Киев и завершилось не в пользу Польской Республики. С началом Второй мировой войны Польша в очередной раз исчезла с европейской карты, повторив судьбу Первой Речи Посполитой в конце XVIII столетия. Как и тогда, ее украинские подданные в лучшем случае оказывались сторонними зрителями этого неизбежного и драматичного исторического процесса. В первые дни немецкого вторжения символическим обращением в пустоту прозвучал призыв лидера Украинского клуба в польском Сейме Василия Мудрого (2 сентября 1939 г.), ставший последней попыткой убедить соотечественников поддержать польскую государственность¹. В многонациональном польском обществе того времени попросту не нашлось сил, способных предотвратить ее крушение.

1 Василий Мудрый, украинский общественный и политический деятель, журналист, вице-председатель Сейма. Выступал за легальные методы защиты украинских интересов в Польше и сотрудничество с польскими властями.

Можно с уверенностью утверждать, что цели обеих сторон польско-украинского союза в 1920 г. так и не были достигнуты. Большевизм в итоге не был разгромлен, а союзное Польше украинское государство не появилось на европейской карте. Вторая Речь Посполитая, вопреки первоначальным планам, получила весьма сложную конфигурацию восточной границы, что противоречило ее национальным интересам, и столкнулась с необходимостью реинтеграции обширных и разнообразных в этническом отношении территорий. Провал политики Пилсудского на востоке в 1918–1921 гг. во многом привел к развитию польского «прометеизма» в межвоенное двадцатилетие, когда на смену примитивной военной силе пришли более изощренные гибридные практики.

Литература

- Борисенок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М. 2018.
- Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Туманин В.Е.* Юзеф Пилсудский и вопрос совместного похода с А.И. Деникиным на Москву. 1919 год. // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2020. Т. 8. № 2.
- Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М. 2014.
- История Украинской ССР, в десяти томах / Гл. редкол.: Ю.Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др. Т. 6. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине (1917–1920). К. 1984. — URL: militera.lib.ru/common/h_ukrainskoy-ssr10/index.html (дата обращения: 05.05.2022).
- Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М. 2008.
- Матвеев Г.Ф.* Юзеф Пилсудский и Польская государственность (1892–1921) // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 / Редкол.: О.А. Яновский (отв. ред.) и др. Мн. 2010. С. 131–158.
- Михайлова О.* Листи Андрія Лівичького про польсько-українські переговори у Варшаві (кінець 1919 — квітень 1920 років) // Студії з історії Української революції 1917–1921 років: на пошану Руслана Яковича Пирога. Збірник наукових праць, гол. редкол. В.Ф. Верстюк. Київ. 2011.
- Ольховский С.В.* Украинское парламентское представительство в 1922–1939 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (43). 2014. С. 176–187.
- Пам'ятник Симону Петлюрі у Польщі вшановує народи, які воювали із більшовицькою Росією // Радіо свобода. 12.11.2020. — URL: radiosvoboda.org/amp/30943922.html (дата обращения: 05.05.2022. В рунете доступ к сайту закрыт).
- Тютюнник Ю.* З поляками проти Вкраїни. Харків. Державне видавництво України. 1924.
- Andrzej Talaga* // Warsaw Enterprise Institute. — URL: wei.org.pl/author/andrzejtalaga/ (date of access: 05.05.2022).
- Bruski J.* Petlurowscy. Centrum Państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924). Kraków. 2000.
- Bruski J.* Polsko-ukraiński sojusz 1920 r.: realna szansa czy złudzenie? (Parę uwag o kontekście międzynarodowym) // Революція, державність, нація: Україна на шляху самоствердження (1917–1921 рр.). Київ–Чернігів. 2017. С. 222–233.

- Bruski J.* Ukraina w koncepcjach Józefa Piłsudskiego w latach 1918-1921 // *Czasopismo Zakładu Narodowego Imienia Ossolińskich*. No. 31. 2020. S. 11–25.
- Bruski J.* Kwestia ukraińska w myśli Józefa Piłsudskiego // Kraków: 20 IV wykład: “Kwestia ukraińska w myśli Józefa Piłsudskiego”. — URL: dzieje.pl/dzieje-sie/spotkanie-z-historia-kwestia-ukrainska-w-mysli-jozefa-pilsudskiego (date of access: 05.05.2022).
- Bruski J.* Międzynarodowy kontekst Sojuszu Piłsudski-Petlura 1920 roku // *Od umowy warszawskiej do traktatu w Rydze. Międzynarodowy kontekst relacji polsko-ukraińskich w latach 1920–1921. Studium Europy Wschodniej UW*. — URL: m.youtube.com/watch?v=bHVPcTAzsk4 (date of access: 05.05.2022).
- Dmowski R.* Zagadnienie rządu, Obóz Wielkiej Polski. Warszawa. 1927.
- Dmowski R.* Kwestja ukraińska // *Dmowski R. Wybór pism Romana Dmowskiego: Przypisy do “Polityki polskiej i odbudowania państwa”. Kościół, naród i państwo. Świat powojenny i Polska*. N.Y. 1988. S. 207-240.
- Garboś M.R.* Revolution and the Defence of Civilization: Polish Visions of Nationhood, Property and Territory in Right-Bank Ukraine (1917–22) // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 96. №. 3 (July 2018). Pp. 469–506.
- Garlicki A.* Józef Piłsudski, 1867–1935. Warszawa. 1990.
- Grünberg K.* Polskie koncepcje federalistyczne 1864–1918. Warszawa. 1971.
- Jasienica P.* Rzeczpospolita Obojga Narodów. Warszawa. 2018.
- Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń 1999.
- Konwencja wojskowa między Rzeczpospolitą Polską a Ukraińską Republiką Ludową, 24 kwiecień, 1920. Warszawa.
- Kutrzeba T.* Wyprawa kijowska w 1920 roku. Warszawa. 1937. — URL: wbc.poznan.pl/dlibra/publication/119056/edition/129773/content (date of access: 05.05.2022).
- Matiasz I.* Początki instytucjonalnej historii ukraińsko-polskich stosunków dyplomatycznych // *Ukraina i Polska: Drogi relacji międzypaństwowych. Zbiór artykułów naukowych z okazji 100-lecia nawiązania polsko-ukraińskich stosunków dyplomatycznych / red. nauk. I. Matiasz; oprac. W. Sobijański; tłum. z ukr. G. Pandel. Kijów. 2019. S. 14–35.*
- Odezwa Naczelnego Wodza Józefa Piłsudskiego do mieszkańców Ukrainy 26.04.1920. // *Monitor Polski*. №97. 28.08.1920.
- Odezwa Symona Petlury do narodu Ukrainy 26.04.1920. // *Monitor Polski*. №97. 28.08.1920.
- Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Red. L. Wasilewski. T. 2. Warszawa. 1937. S. 249–258.
- Pisuliński J.* Nie tylko Petlura. Kwestia ukraińska w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918–1923. Wrocław. 2004.
- Raport L.* Wasilewskiego nr 1 z Paryża, 3 kwietnia 1919 // *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne*. 1919: styczeń–maj. Red. S. Dębski. Warszawa. 2016. Dok. 255. S. 588.
- Suleja W.* Piłsudski a Petlura // *Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego następstwa / Red. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. Toruń. 1997. S. 113–129.*
- Szajdak S.* Polsko-ukraiński sojusz polityczno-wojskowy w 1920 roku. Warszawa. 2005.
- Szumilo M.* Stosunki Ukraińskiej Republiki Ludowej z Polską (styczeń 1919 — kwiecień 1920) // *Ukraina i Polska: Drogi relacji międzypaństwowych. Zbiór artykułów naukowych z okazji 100-lecia nawiązania polsko-ukraińskich stosunków dyplomatycznych / red. nauk. I. Matiasz; oprac. W. Sobijański; tłum. z ukr. G. Pandel. Kijów. 2019. S. 36–52.*

- Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. Oprac. J. Cisek. Londyn. 1990.
- Świtalski K. Diariusz 1919–1935. Do druku przygotowali A. Garlicki, R. Świętek. Warszawa. 1992.
- The Commission to Negotiate Peace to the Acting Secretary of State. June, 23, 1919 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington. Government Printing Office. 1937. P. 763.
- The Secretary of State to the Ambassador in France (Wallace). December 23, 1919 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington. Government Printing Office. 1937. P. 789.
- Udowyczenko O. Ukrajina u wigni za derżawnist'. Istorija, orhanizacija i bojowi syły 1917–1921. Winnipeg. 1954.
- Ukraine and Poland in Documents 1918–1922 /Ed. T. Hunczak. N.Y. 1983.
- Umowa między rządem Rzeczypospolitej Polskiej a rządem Ukraińskiej Republiki Ludowej, 21 kwietnia 1920, Warszawa.
- Wandycz P. Z zagadnień współpracy polsko-ukraińskiej w latach 1919–20 // Zeszyty historyczne. 1967. Z. 12. S. 3–24.
- Wyprawa kijowska // Dzeje.pl. 26.10.2016. — URL: dzeje.pl/aktualnosci/wyprawa-kijowska (date of access: 05.05.2022).
- Wywiad Pilsudskiego z 16 marca 1919 // Pisma zbiorowe. Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. T. 5. Warszawa. 1937. S. 67.
- Żyła M. Współpraca wojskowa Polski z Ukraińską Republiką Ludową w okresie wojny z Rosją Radziecką // Zeszyty Naukowe AON. No. 3 (76). S. 144–154.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-95-109

УДК 930 (85); 316.7; 94

Яков ШЕМЯКИН

Формы диалога в процессе межкультурного взаимодействия. Россия, Латинская Америка и Запад в сравнительно-историческом ракурсе

Аннотация. Отталкиваясь от концепции М.М. Бахтина, автор статьи определяет диалогическое общение как основу человеческой экзистенции. Обосновывается мысль об обусловленности понимания диалога основными чертами цивилизационного типа. Существенное различие великих «классических» цивилизаций Востока и Запада и «пограничных» цивилизаций, крупнейшими из которых являются Россия и Латинская Америка, детерминировано принципиально различными способами построения диалога, а именно — разными подходами к решению проблемы «другого». В статье сопоставляются «исключающие» дискурсы, характерные для «классических» цивилизаций, и «включающие» дискурсы цивилизационного «пограничья».

Ключевые слова: диалог; монолог; «классическая» цивилизация; «пограничная» цивилизация; «исключающий» дискурс; «включающий» дискурс.

Духовный климат на планете характеризуется в последние годы, в одной стороны, теснейшим переплетением, с другой — резким обострением столкновения двух противоположно направленных процессов, качественно различных по своей онтологии. Речь идет о глобализации (т.е. углублении и расширении системы взаимосвязей, охватывающей весь «мир людей» и проявляющейся во всех сферах деятельности homo sapiens) и усиленной акцентировке своеобразия конкретных человеческих общностей различного характера, уровня и масштаба (культурных, религиозных, этнических, национальных, территориальных, цивилизационных), — иными словами, их идентичности. Второй процесс очень точно охарактеризован О. Пасом как «мятеж исключений», которые отнюдь себя таковыми не считают, более того, видят себя как единственную подлинную реальность [Paz, p. 100–101].

В подобной ситуации более чем актуальной становится проблема достижения взаимопонимания между представителями различных цивилизаций, религий, народов, что предполагает обращение к теме диалога на новой основе, на базе переосмысления исторического опыта, особенно опыта XX в.

Сведения об авторе: ШЕМЯКИН Яков Георгиевич — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук, shemyakin3@gmail.com.

Проблема «радикального перевода»

Принцип диалога общепризнан на всех уровнях, вплоть до уровня ООН [«Альянс цивилизаций»]. Тем не менее ни в том, что касается попыток реализовать его на практике, ни в том, что касается стремления разрешить связанные с этой темой мировоззренческие коллизии, прогресса в последние годы явно не наблюдается. Скорее наоборот. Первопричина всех сложностей — проблема «радикального перевода» (У.О. Куайн): понимания текста культуры, созданного носителями иной традиции, базирующейся на качественно ином, чем у данного социокультурного субъекта, понимании мира и жизни [Куайн, с. 43]. Особенно важно, что в условиях повсеместного роста «силы общения» (Ф. де Соссюр), т.е. интенсивности взаимодействия представителей различных языков и культур на современном этапе глобализации, проблема «радикального перевода» трансформируется в глобальную по масштабам проблему культурной эквивалентности смыслов диалога [Следзевский, с. 138]. «Одни и те же, общие для всех культур общечеловеческие понятия (добро, истина, красота, любовь и т.д.) могут получать совершенно разные интерпретации у представителей разных цивилизаций, отличающихся качественно различными подходами к решению ключевых вопросов человеческой экзистенции» [Шемякин Культурный трансфер как взаимодействие... с. 146]. В этом случае так называемое предпосылочное знание, т.е. знание, коренящееся в массиве «культурного бессознательного», которое человек получает в силу самого факта своей принадлежности к той или иной традиции, в процессе социализации может превратиться (и при определенных условиях действительно превращается) в препятствие для диалога [Шемякин Парадокс...].

Чтобы в полной мере осознать значение охарактеризованной трансформации, следует обратиться к тому пониманию специфики гуманитарного знания, которое сформулировал М.М. Бахтин. Согласно Бахтину, «критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» [Бахтин Собр. соч., т. 5, с. 7]. И это прямо обусловлено тем, что «предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие», то есть человек и его мир во всем их многообразии. «Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [Бахтин Собр. соч., т.5, с. 8]. В термин «глубина» Бахтин вкладывает вполне определенный смысл: это основа, на которой разворачивается процесс творения человеком его собственного мира. И данная основа есть не что иное, как диалогическое общение, рассматриваемое как аналог жизненного процесса в «мире людей». «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответственствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [Бахтин Эстетика... с. 366].

Итак, диалог охватывает все сферы жизни человека, который проявляет себя в нем как целостное существо, в единстве интеллектуальной и эмоционально-чувственной сторон своей природы.

Теперь о второй базовой составляющей исходной метафоры Бахтина: о термине «проникновение». Нет никаких сомнений, что речь идет о проникновении в «другого»,

то есть иного участника диалога. «Проникновение в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места), обеспечивающее избыток познания» — такова, пожалуй, сама краткая формула «диалога по Бахтину» [Бахтин Собр. соч., т.5, с. 8].

Проникновение в «другого» в процессе диалога может осуществляться различными способами. Приведу в качестве иллюстрации один пример. Формулируя понятие «радикального перевода», упомянутый выше У.О. Куайн первоначально имел в виду вполне определенную ситуацию: попытку начать диалогическое общение между ученым, представителем западной культуры, и неким неизвестным дотопле племенем, обнаруживающим все признаки первобытности. Как отмечает Куайн, ученый будет стремиться понять язык этого племени «при помощи интуитивного суждения, опирающегося на особенности поведения аборигена: его оглядывающие движения, его внезапное чувство узнавания и т. п.» [Куайн, с. 47–48]. Иными словами, чтобы найти путь к пониманию чрезвычайно далекой культуры, он попытается в первую очередь расшифровать «язык тела». В подобной ситуации, по крайней мере на начальных этапах диалога, ключевое значение приобретает невербальное общение. Как вполне резонно отмечал Дж. Стайнер [Стайнер, с. 445], ситуации, подобные описанной Куайном, вовсе не редки. Очевидно, что в любом диалоге (именно потому, что человек участвует в нем «весь и всю жизнь») следует различать вербальную и невербальную составляющие. И невербальная составляющая может быть весьма значимой.

Дж. Стайнер описал процесс проникновения одной культуры в другую в ходе их взаимодействия как «герменевтический ход», включающий четыре шага [Стайнер, с. 379–523]. Первый шаг, исходная предпосылка начала всего процесса, — создание ситуации априорного доверия к «другому», «к еще неопробованной и неочерченной “инаковости”». [Стайнер, с. 374] Подобное априорное доверие не может не основываться на изначальном эмоциональном принятии «другого» до (и, вероятно, вне) вербального общения с ним.

Соотношение вербальной и невербальной составляющих диалога отличается в разных цивилизационных типах: великих «классических» цивилизациях Востока и Запада (субэкуменах, в терминологии Г.С. Померанца) и цивилизациях «пограничного» типа. Исторически к последним относились эллинистическая цивилизация и Византия, в настоящее время главные представители цивилизационного «пограничья» — Россия-Евразия, Латинская Америка, Балканская культурно-историческая общность. (Вплоть до 1960-х годов к числу «пограничных» относилась и Иберийская культурно-историческая общность. И хотя затем в ее эволюции возобладала постепенная интеграция в Западную субэкумену, она до сих пор сохраняет определенные черты «пограничности».)

Главное, что разделяет эти цивилизационные типы, — качественно различное соотношение исходных структурообразующих принципов единства и многообразия: доминанта единства, пронизывающая собой все огромное многообразие человеческих миров в субэкуменах, и доминанта многообразия (при сохранении единства *sui generis*) в цивилизационном «пограничье». Это исходное различие обусловлено принципиаль-

мого феномена диалога. В основу свойственной западным интеллектуалам интерпретации данного феномена положена платоновская концепция диалога.

«При всей ее кардинальной значимости для истории человеческой мысли (как известно, Сократ и Платон были первопроходцами в деле философской разработки проблематики диалога), интерпретация данного понятия Платоном имеет очень существенные ограничения, связанные прежде всего с жестким утверждением приоритета принципа единства (в т.ч. единого, «единственно верного» понимания той или иной проблемы) над принципом многообразия» [Шемякин Универсальное и локальное... с. 464]. Такой подход стал объектом критики М.М. Бахтина, который отметил, что в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее значит быть причастным ее бытию. Но все иерархические взаимоотношения между познающими людьми, создаваемые различной степенью их причастности идее, в конце концов погашаются в полноте самой идеи» [Бахтин Эстетика... с. 197]. Резко критическую оценку платоновского понимания диалога дал С.С. Аверинцев: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недIALOGИЧНОСТЬ греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога — это диалоги Платона, а их главный герой, самый неприменный персонаж и самый яркий образ — Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недIALOGИЧЕСКОГО человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими как вещами, сам ничем не движимый» [Аверинцев, с. 215].

Высказывания Бахтина и Аверинцева позволяют увидеть истоки мощной тенденции монологизации диалога [Шемякин Программа «Альянса цивилизаций»... с. 59–65], которая отчетливо проявилась в западном цивилизационном сознании. Его представители склонны трактовать позитивное развитие диалога «как постепенное приближение незападных цивилизационных традиций к западному социокультурному стандарту плюрализма, т.е. добровольное принятие соответствующего западным представлениям «единственно правильного» понимания диалога» [Шемякин Универсальное и локальное... с. 460]. В случае принятия подобной трактовки представителями незападных традиций имеет место «механический мимесис» [Тойнби, с. 304], то есть механическое копирование западного культурного опыта, которое исключает подлинное, творческое усвоение этого опыта.

Тенденция к актуализации и постоянному воспроизводству диалогической основы социальности пробивает себе дорогу вопреки разрушающей диалогические формы общения контртенденции, воплощенной в монологе. В трактовке Бахтина, диалог и монолог — альтернативные по сути своей пути развертывания межлического общения. «Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) другой всецело остается только объ-

ектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы, монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овещает всю действительность. Монолог претендует быть последним словом» [Бахтин Эстетика... с. 336]. «Монологизм в высшем смысле» есть «отрицание равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно)» [Бахтин Эстетика... с. 327–328].

Бахтин всячески подчеркивает, что межчеловеческое общение имеет диалогическую основу, поэтому различия между диалогом и монологом относительны. «Речь по своей природе диалогична», также как и язык. «Существенные различия» диалогической и монологической речи существуют «в пределах (и на основе) общей диалогичности языка» [Бахтин Собр. соч., т.5, с. 209, 212–213]. Тем не менее из всего хода мысли Бахтина следует, что при господстве монолога как отдельные человеческие сознания, так и отдельные культуры замыкаются в себе, связь между ними нарушается либо вообще рвется. Следовательно, в рамках монолога диалогическая основа человеческой, в том числе цивилизационной реальности превращается в собственную противоположность. Именно монолог лежит в основе одного из трех основных типов межцивилизационного (межкультурного) взаимодействия — противостояния культур, который противоположен по своему характеру симбиотическому и синтетическому типам подобного взаимодействия [Шемякин Европа и Латинская Америка... с 87–97, 154–162, 176–190, 324–325].

Из осознания того факта, что преодоление монологических тенденций в настоящее время превратилось в настоятельную потребность развития человечества, исходили и исходят все те, кто выдвигает на первый план идеал диалога цивилизаций. Тем не менее очевидно, что в мире продолжают действовать мощные силы, воспроизводящие тенденцию к превращению диалога в собственную противоположность. В связи с этим правомерно задать вопрос: можно ли в современном мире выделить основную силу «монологизации» диалога?

Разумеется, любая логика противостояния культур, какой бы традиции ни придерживались ее носители, действует в этом направлении. В последние десятилетия в фокусе внимания мирового сообщества чаще всего находился исламский фундаментализм. Однако, при всей его бесспорной опасности и агрессивности, не он являлся и является основной силой монологизации в современном мире. Результаты цивилизационных исследований приводят, на наш взгляд, к выводу: главным фактором монологизации диалога были на протяжении последних веков мировой истории и остаются по сей день определенные тенденции в рамках западной цивилизации, имеющие очень глубокую основу.

С точки зрения цивилизационного содержания современный этап глобализации — это не что иное, как процесс утверждения повсюду в мире комплекса ценностей модернизации, первоначально сформировавшегося в лоне «фаустовской» цивилизации

Запада. В качестве базовой ценности такого рода выступает рациональность. Речь идет о рациональности вполне определенного вида, обусловившей главные черты Запада эпохи модернизации. М. Вебер называл ее «формальной рациональностью» и дал ей исчерпывающую характеристику [Вебер]. Автор этих строк неоднократно обращался к данной теме [См., например: Шемякин Культура в контексте ... с. 77–82], пытаясь обобщить как собственные выводы, так и, разумеется, результаты работ представителей «веберовского ренессанса» последних десятилетий XX в. и сопоставить их с реальным историческим опытом XVI–XX вв. В результате этой работы мною были выделены три главных признака «формальной рациональности», которые имеет смысл повторить, чтобы не нарушать цельность изложения.

1) Убеждение в том, что любую вещь (явление, процесс) можно полностью исчерпать ее количественной характеристикой. Только те параметры, которые поддаются измерению, имеют значение для оценки; никакие качественные определения роли не играют. Проще говоря, все можно сосчитать. Итак, первый признак «формальной рациональности» — убеждение во всеобщей калькулируемости.

2) Раз все можно сосчитать, следовательно, все можно познать. Нет ничего непознаваемого в принципе, ничего, что не могло бы быть освещено светом разума. Есть только еще не познанное. Не может быть никаких тайн, человеку недоступных: говоря словами М. Вебера, мир «расколдован» [Вебер, с. 713–714].

3) Из убеждения во всеобщей калькулируемости и всеобщей познаваемости мира непосредственно следует, что этот мир управляем. Познав его законы и все рассчитав, человек способен поставить под свой полный контроль и доступную ему часть вселенной, и собственную природу. Отсюда неизбежно вытекает вывод о том, что и самого человека можно (опираясь на совокупные данные различных наук) полностью запрограммировать.

Разумеется, духовный космос «фаустовской» цивилизации отнюдь не сводится к «формальной рациональности»: в ней всегда имелись и альтернативные данному типу рациональности течения. Однако главные черты исторического лица Запада эпохи модернизации определила все же именно «формальная рациональность». Она выросла на почве вполне определенной интеллектуальной традиции. Ее непосредственной основой (а в значительной мере и ее коррелятом в сфере научного и философского дискурса) стала формальная логика Аристотеля и шире — аристотелианская культура рассудочных дефиниций. Со свойственными этой культуре жесткой категоризацией действительности, стремлением классифицировать все в соответствии с формально-логическими критериями, а то, что не удастся охватить сетью подобной классификации, — исключить из сферы познания как нечто недостойное исследовательского интереса. Для аристотелианского дискурса достойным объектом познания являются лишь чистые формы, а все те сферы и явления реальности, в которых невозможно обнаружить подобные формы, вызывают характерную эмоцию презрения / неуважения, блокирующую исследовательский интерес [Шемякина, с. 110]. Оценка тех или иных явлений в духе аристотелианской парадигмы подчиняется в первую очередь закону «исключенного третьего»: данный феномен — либо то, либо другое, и третьего не дано. Основополагающее значение имеет, конечно же, запрет на противоречие в соот-

ветствии с законом тождества: только непротиворечивые суждения могут быть истинными, следовательно, те противоречия, которые мы наблюдаем в действительности, не должны находить свое отражение в нашем дискурсе.

Следует еще раз подчеркнуть, что интеллектуальная традиция Запада отнюдь не сводилась к аристотелианской парадигме. По мере интенсификации контактов с другими культурами постепенно возникало стремление преодолеть ограниченность формальной логики. Венцом этих усилий стало создание Г.В.Ф. Гегелем нового типа логики — диалектической, в основе которой лежало признание того, что «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности» [Гегель, с. 65], что именно оно играет ключевую роль в мироздании вообще и в жизни людей в частности. Однако попытки разработать систему объяснения реальности на основе применения принципов диалектики столкнулись с чрезвычайно большими сложностями, потребовали перехода научной и философской мысли на качественно новый уровень. На практике, прежде всего при столкновении с «незападным» миром, западный рационализм XVI–XIX вв. во многом определялся именно аристотелианской парадигмой восприятия.

Стремление к преодолению ограниченности формально-логической основы научного дискурса резко усилилось в XX в., в условиях кризиса «фаустовской» цивилизации, проявившегося прежде всего в феномене потери западным духом смысла существования [Шемякин В. Поисках смысла... с. 245–429]. Поиски выхода из кризиса побудили западных мыслителей в том числе к активной разработке проблем логики. Начиная примерно с середины XX в. на общем фоне западной мысли можно выделить ряд авторов (наиболее яркие примеры здесь — Э. Холенштайн и И. Нойманн), успешно реализовавших свое стремление к уходу от жесткости и однозначности аристотелианского дискурса, особенно при оценке иных, неевропейских культур и цивилизаций [см.: Шемякин Россия в западном... с. 133–144; 2009, с. 9–14, 17–19]. Тем не менее аристотелианская парадигма сохранила в значительной мере свое влияние вплоть до сегодняшнего дня.

Следует особо отметить, что формируемая аристотелианским дискурсом логика восприятия опиралась на определенную черту «осевого» христианского сознания, а именно — на тенденцию утверждать свой собственный опыт Откровения в качестве единственно истинного и связанную с этим нетерпимость по отношению ко всему, что от этого опыта отличается (иным религиозным воззрением, чуждому образу жизни). В этом проявила себя, как отмечал, в частности, Ш.Н. Айзенштадт, оборотная сторона великого духовного порыва «осевого времени» [Айзенштадт, с. 65–66]. Важнейшее общечеловеческое завоевание «осевой» эпохи — идея автономности и свободы духа, «вскормившая собой все великие цивилизации «послеосевого» прошлого, — эта идея, в той или иной мере проецируясь на реальную жизнь общества, на жизнь социальных институтов со всей их текучкой и прозой (борьба за власть в конкретных группах и в обществе в целом, отождествление собственных притязаний с ортодоксией, а притязаний оппонентов с гетеродоксией), порождала ту нетерпимость, которая была в той или иной мере характерна для всего духовного склада «осевых» обществ...» [Рашковский,

с. 80]. «Осевое время» породило колоссальное духовное напряжение между мирским и сакральным измерениями бытия и, в силу этого, мучительное переживание разрыва между «сущим» и «должным», которое во многих случаях выливалось в стремление переделать не только самих себя, но и весь мир в соответствии с собственными представлениями о «должном».

Нетерпимость оказалась наиболее характерна для «авраамических» религий — христианства, ислама и иудаизма. Симптоматично, что именно в западном цивилизационном контексте наиболее полное развитие получил подробно исследованный М. Вебером процесс рационализации мировых религий [Вебер, с. 44–344]. Претензия на монопольное владение богооткровенной истиной и претензия на интеллектуальное превосходство в духе аристотелианской парадигмы взаимно обуславливали, поддерживали и усиливали друг друга. Это породило духовную гордыню особого рода, приведшую к тому, что на протяжении ряда веков Запад в целом оставался глух к «голосам» иных человеческих миров. И хотя во второй половине XX — начале XXI в. с ростом самокритики «фаустовской» цивилизации ситуация, казалось бы, стала меняться, никак нельзя сказать, что «цивилизационный монолог» Запада остался в прошлом. Будучи во многом преодолен в научном дискурсе, он продолжает проявляться на уровне конкретной политики и официальной идеологии ведущих держав Запада, прежде всего США.

Диалог в цивилизационном «пограничье»: разновидности и особенности»

Принципиально отличное от западного понимание диалога, свойственное цивилизационному «пограничью», наиболее четко и ясно выразил, по моему мнению, М.М. Бахтин. К ранее приведенным его высказываниям хотелось бы добавить и другие, также отражающие главные черты бахтинской «диалогичности».

«Активное согласие — несогласие (если оно не предрешено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения» [Бахтин Эстетика... с. 366]. Подлинный диалог — это всегда напряженный творческий спор, как правило, очень далекий от идиллии взаимного согласия по всем вопросам. Подобный диалог возможен лишь в том случае, если каждый из его участников сохраняет собственную идентичность.

Согласно Бахтину, «во всем, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, для «другого») — от тела до слова — происходит напряженное взаимодействие «я» и «другого»: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, непризнание... и т.п.» [Бахтин Собр. соч., т. 5, с. 353].

Как уже отмечалось выше, в диалоге проявляется вся парадоксальность человеческой экзистенции: чтобы диалог стал возможен, человек должен одновременно слиться с «другим» и остаться самим собой. При этом Бахтин подчеркивал, что отождествление

с «другим» не означает растворения в нем, отказа от собственной индивидуальности [Бахтин Собр. соч., т. 5, с. 89]. По Бахтину, «чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом (вместо двух участников стал бы один — обеднение бытия)...» [Бахтин Человек в мире слова, с. 30–31].

Это касается как межличностных отношений, так и сферы взаимодействия различных культур: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры... Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего.

Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает... Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше)... Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин Эстетика... с. 353–354].

Помимо бахтинского, в российском цивилизационном «пограничье» возник еще один тип диалога, анализ которого представляет в нашем случае особый интерес. Он до недавних пор не был предметом теоретического осмысления, хотя его уже давно выделил С. Бочаров при анализе творчества Л.Н. Толстого. Речь шла об одной сцене из романа «Война и мир». В ходе спора Андрея Болконского и Пьера Безухова в Богучарово столкнулись противоположные мировоззренческие позиции, в результате чего в словесной форме общения обнаружился тупик, который тем не менее был преодолен. Вот как С. Бочаров интерпретирует восприятие А. Болконского:

«Самый факт высказывания, и с таким увлечением, своих мыслей другому, соприкосновение и контакт с другими, отличными мыслями, с другим человеческим настроем и душой — это уже выводит из тупика, ибо это — общение, какое, на логический взгляд Болконского, невозможно, бессмысленно, это волнение жизни, ее борьба, ее драматизм, ее полнота.

До Толстого в литературе такого диалога не было. В романах Тургенева, например, совсем не так построены разговоры Рудина с Лежневым и Пигасовым, Лаврецкого с Паншиным и Михалевичем, Базарова с Павлом Петровичем. Там тоже споры, словесные поединки, но столкновение высказываемых взглядов непосредственно выражает столкновение характеров, люди представлены теми речами, которые говорят. У Тол-

стого в Богучарово идет острый спор, однако в то же самое время совершается душевное сближение спорящих людей, то, что идет между ними, не совпадает с речами и точками зрения. Во внутреннем этом соединении, в прикосновении князя Андрея, его оживляющем, к горячей одушевленности Пьера — самое глубокое существо разговора, подлинная связь собеседников, во время спора неясная им самим: Пьер мрачнеет, слушая князя Андрея, и думает о том, как его друг заблуждается и как несчастлив.

Но когда Пьер возобновляет разговор:

«— Вы не должны так думать.

— Про что я думаю? — спросил князь с удивлением».

Он забыл о предмете спора, потому что в эту минуту живет не тем, что выражали его слова». [Бочаров, с. 54–55]

Как мне уже приходилось отмечать [Шемякин Культурный трансфер как взаимодействие... с. 150–153], перед нами особый тип диалога, коренным образом отличный от платоновского, иной и по сравнению с бахтинским, основой которого (хотя в нем и действует, по Бахтину, «человек весь и всю жизнь») [Бахтин Эстетика... с. 337]) является все же содержательное словесное общение. «Диалог, в котором то, что остается за пределами вербальной сферы (сам *факт* общения, невозможный без взаимной эмпатии и априорного признания за каждым из его участников права на сохранение собственного лица) важнее того, что непосредственно высказывается участниками диалога» [Шемякин Культурный трансфер как взаимодействие... с. 151].

Приведенный пример свидетельствует о том, что невербальный способ коммуникации может приобретать в определенных ситуациях ключевое значение. Впрочем, необходимо сделать оговорку: в данном случае предпосылкой невербального общения является именно общение словесное, которое образует первый, поверхностный слой диалогической ткани.

Пожалуй, наиболее убедительные подтверждения мысли о значимости невербальной составляющей диалогического общения в цивилизационном «пограничье» можно обнаружить в Латинской Америке. «Так, в эпоху конкисты слова первоначально в наибольшей степени выражали специфику столкнувшихся миров, свойственные участникам взаимодействия представления о мире, человеке, сакральной сфере, будучи вербальным выражением символов, в которых отличия этих миров проявлялись в наибольшей мере. В подобной ситуации словесное общение являлось не столько средством коммуникации, сколько создавало барьер непонимания между людьми. Напротив, невербальное общение позволяло смягчить остроту столкновения качественно различных символов в результате создания ситуации общения, сам факт наличия которого, как и в случае с беседой Андрея Болконского и Пьера Безухова, намечал путь выхода из тупика столкновения монологов традиций, основанных на совершенно различном, в значительном числе случаев противоположном подходе к ключевым экзистенциальным проблемам.

Разумеется, невербальное общение может носить совершенно различный характер. Ярким примером его значения является процесс метисации в Латинской Америке — в ходе межрасового и межкультурного общения «язык тела», по всей видимости, играл большую роль, нежели слова. [Шемякин Культурный трансфер и диалог... с. 120–121].

О. Пас считал, что в основе культуросозидающей деятельности лежит способ «творческой аналогии», которая «созидает по принципу единства или соответствия противоположностей...», что предполагает поиск того, что их объединяет на самом глубоком уровне человеческой экзистенции [Пас, с. 145]. О. Пас приводит два примера подобной «творческой аналогии»: «поэтическая метафора и эротическое объятие» [Пас, с. 147]. Как убедительно показал А.Ф. Кофман, результатом применения способа «творческой аналогии» многими испанскими конкистадорами (эротическая конкиста не сводилась к насилию!) стало появление совершенно новой категории населения — метисов, в которых смешалась испанская и индейская кровь. Самой яркой иллюстрацией может служить может служить завоеватель Мексики Э. Кортес, с его пятью детьми метисами. Хотелось бы повторить уже приводившиеся в предыдущей статье [Шемякин Культурный трансфер и диалог... с. 121] слова А.Ф. Кофмана: «Разговор о метисном потомстве Кортеса имеет полное право фигурировать под рубрикой «созидательная деятельность» — так созидалась будущая метисная мексиканская нация, и Кортес, можно сказать, личным примером стимулировал этот процесс.

Важно, впрочем, не столько сам факт смешения кровей — куда важнее отношение нашего героя к своим внебрачным детям и индейским «женам»... Кортес не только их признает, но и демонстрирует отеческое к ним отношение... Когда Кортес, а вслед за ним и другие испанцы признавали метиса своим ребенком, они совершали, по сути, глубоко символический культурный акт, означавший, с одной стороны, признание собственной принадлежности Новому Свету, а с другой — признание человеческой полноценности индейцев. То был первый шаг на пути сотворения будущей латиноамериканской культуры» [Кофман, с. 208].

Процесс метисации пробивал себе дорогу вопреки идентификационным стратегиям власти предрержащих [Сеза, с. 108–175, 225–295].

Важнейшей сферой, в рамках которой возникала первичная коммуникация между участниками межцивилизационного взаимодействия в Новом Свете, явилось их общее участие в религиозных ритуалах, организуемых католическими монахами с использованием опыта автохтонных культур [Morandé, p. 149].

Характеризуя соотношение различных составляющих в процессе генезиса латиноамериканской культуры, В.Б. Земсков отмечал: «Все «языческое», концептуально-символическое, сущностное, автохтонное было подавлено, но продолжало жить в сознании крещеных и искало компромисса с новыми образами, символами, концептами по сходству или подобию, а миссионеры совершенно сознательно использовали местную мифологию для растолкования новых догматов. И уж вовсе не изгонялись, особен-

но в XVI в., местный декоративизм, атрибутика, без которых практически невозможно было «разыграть» любой христианский праздник» [Земсков, с. 557].

Именно праздник как первичная форма культуры стал главной средой, в которой зарождалось «культурное бессознательное» новой, формирующейся общности. «Это означает, что латиноамериканец начал формироваться в ходе христианизации как новый тип прежде всего через праздник, т. е. как *Homo Feriatus*» [Земсков, с. 557]. Для первых встреч представителей столкнувшихся в Западном полушарии после путешествия Колумба миров «характерны атмосфера и элементы праздника, более того, карнавальности: травестия (переодевание, обмен одеждой, украшениями ритуального характера), взаимное угощение, т. е. элементы пиршества, участие музыки, танца, пения, повышенная жестуальность (при совершенно незначительной или отсутствующей словесно-выразительной функции из-за взаимонепонимания), эмоциональность и эротизм» [Земсков, с. 558].

Ключевая роль праздника сохранялась на всем протяжении истории латиноамериканской культуры вплоть до сегодняшнего дня [Iberica Americans, 2002]. Он выполнял функцию «цивилизационно-строительной машины» [Земсков, с. 566]. Это оказалось возможно потому, что «в празднике рушатся, казалось бы, доходящие до небес стены, разделяющие различные этнокультурные и этнорелигиозные миры» [Праздник... с. 81].

Центральное место в системе латиноамериканских праздников занимает, несомненно, карнавал. В.Б. Земсков справедливо подчеркивал глубокие отличия латиноамериканского карнавала от европейского: «Европейский карнавал очень «разговорчив», здесь большую роль играет Слово; всякая словесная ритуальная формула может быть развернута в речевой, песенный, мелодический «дискурс», в «говорение» (достаточно вспомнить, например, классический европейский карнавал в «Гаргантюа и Пантагрюэле» и его анализ М.М. Бахтиным). Ничего подобного нет в карнавале латиноамериканском. Здесь ключевая роль принадлежит Ритму, Жесту, Пантомиме, Моторике, Танцевальному ходу. Речевые формулы... как правило, лишены рационального смысла и являются ритмической звуковой поддержкой Движения, направляемого ударными инструментами... слабость вербального аспекта латиноамериканского карнавала — это отражение и воплощение в специфической карнавальной форме исходного отсутствия «общего слова», феномена взаимопонимания и изначального преобладания жестуальности, пантомимы, движения, ритмики» [Земсков, с. 562–563]. И тем не менее именно в процессе этого Движения рождается новое Слово: «Есть в карнавале минуты, паузы «космического молчания», когда вообще без всякого звукового сопровождения работает в заданном ритме, трудится, творя себя, и многоногое и многорукое тело. Но это одновременно и момент соприкосновения с запредельным, с областью взыскуемого Духа. Когда после «космического прободения» снова взрываются музыка, ритмика и младенческое речевое оформление, Слово как бы раздается снова, выплавляется из магмы звуковой какофонии, т. е. это одновременно и творение почвы для Логоса» [Земсков, с. 562–563].

В данном случае речь идет, разумеется, о латиноамериканском Логосе, о характерном для латиноамериканской цивилизации типе рациональности, качественно отличном от «формальной рациональности» западного происхождения и характера [Подробнее об этом см.: Шемякин Вера и рацио... с. 78–92; Шемякин Культура в контексте... с. 77–83]. Данное отличие наиболее ярко проявилось в свойственном латиноамериканскому «пограничью» способе формирования «диалогической ткани» человеческого существования.

Литература

- «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М. 2010.
- Аверинцев С.С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М. 1971.
- Айзенштадт Ш.Н. Международные контакты: культурно-цивилизационное измерение // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 10.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М. 1997.
- Бахтин М.М. Человек в мире слова. М. 1995.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986.
- Боливар С. Избранные произведения. 1812–1830. М. 1983.
- Бочаров С. «Война и мир» Л.Н. Толстого // Три шедевра русской классики. М. 1971.
- Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М. 1971.
- Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М., СПб. 2014.
- Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб. 2017.
- Куайн У.О. Слово и объект. М. 2000.
- Лас О. Поэзия. Критика. Эротика. М. 1996.
- Праздник как феномен ибероамериканской культуры. Круглый стол // Латинская Америка. 1997. № 12.
- Рашковский Е.Б. Ш.Н. Айзенштадт. Противоречия конвергирующего мира // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 10.
- Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М. 1984.
- Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М. 2010. С. 136–174.
- Стайнер Дж. После вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М. 2020.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. 1991.
- Шемякин Я.Г. В поисках смысла: из истории философии и религии. М. 2003.
- Шемякин Я.Г. Вера и рацио в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92.
- Шемякин Я.Г. Динамика восприятия образа России в западном цивилизационном сознании // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 9–14.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.

- Шемякин Я.Г.* Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт // Ибероамерика: Культурная идентичность в эпоху глобализации. М. 2019. С. 34–66.
- Шемякин Я.Г.* Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М. 2019. С. 67–128.
- Шемякин Я.Г.* Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях» // Перспективы. Электронный журнал. №4–2020/1–2021. С. 110–127. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/594/4_01_2021_10_110_127.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
- Шемякин Я.Г.* Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // Цивилизации. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций. М. 2021. С. 137–184.
- Шемякин Я.Г.* Парадокс как когнитивная основа цивилизационного исследования. К вопросу о роли предпосылочного знания // Общественные науки и современность. 2020. № 4.
- Шемякин Я.Г.* Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М. 2010. С. 43–65.
- Шемякин Я.Г.* Россия в западном цивилизационном сознании (специфика образов пограничных цивилизаций) // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 133–143.
- Шемякин Я.Г.* Универсальное и локальное измерение человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М. 2017. С. 441–466.
- Шемякина О.Д.* Эмоциональные преграды во взаимопонимании культурных общностей (заметки историка о межгрупповой враждебности) // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 104–114.
- Iberica Americans.* Праздник в ибероамериканской культуре. М. 2002.
- Morande P.* Cultura y modernización en América Latina. Santiago de Chile. 1984.
- Paz O.* One Earth, Four or Five Worlds. San Diego. New York. London. 1986.

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-110-119

УДК 316.7; 94(5)

Алла Верченко

Традиции и современность в поведенческих стереотипах китайцев (на примере китайских народных праздников)

Аннотация. Народные праздники — это живая история нации, в которой соединяется повседневная социальная жизнь и духовная культура. История народных праздников в Китае уходит корнями в глубь пяти тысячелетней цивилизации. Привязанности китайцев к традиционным праздникам не помешали ни смены династий, ни войны, ни радикальная «культурная революция», ни западные веяния и глобализация. Вместе с тем многое в традиционном смысле китайских народных праздников и, соответственно, поведенческих характеристиках изменилось. Среди повлиявших на это факторов — индустриализация, ослабившая экономическую основу древних традиций; демократизация, пошатнувшая их политическую основу; возросшая мобильность, нарушившая пространственную основу; индивидуализация, подрывающая культурную основу; глобализация, ослабившая внимание к традиционному знанию. Меняется отношение к праздникам, упрощаются их содержание и обряды. Духовный компонент уступает место материальному, растет коммерциализация. Но в силу народной памяти, а также благодаря поддержке со стороны государства традиционные праздники и в новой реальности продолжают оставаться важной частью жизни общества.

Ключевые слова: китайские народные праздники, Чуньцзе, сыновья почтительность, традиции, китайская культура.

Китай — страна с пятью тысячелетиями цивилизации — вместил в себе старое и новое, древность и современность. И все это соединилось в традиции отмечать народные праздники, корнями уходящей в незапамятные времена. Привязанности населения к традиционным праздникам не помешали ни смена династий, ни войны, ни всевозможные гонения и разные кампании, ни радикальная «культурная революция», ни западные веяния и глобализация. Даже иноземная маньчжурская династия Цин (1644–1912), установив свои порядки, систему народных праздников в основном оставила минскую¹. Позже в Китайской Республике (1912–1949), а затем и в КНР календарь праздников неоднократно изменялся.

¹ Династия Мин (1368–1644) — династия, представителями которой были этнические китайцы (ханьцы).

Сведения об авторе: ВЕРЧЕНКО Алла Леонидовна — старший научный сотрудник Центра современной истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН, veilan@yahoo.com.

Сегодня официальные власти на самом высоком уровне демонстрируют рост внимания к национальной культуре и народным праздникам. Центральные и местные администрации поддерживают и финансируют приуроченные к ним массовые мероприятия, выставки, ярмарки и фестивали, поощряют внедрение в них культурно-образовательного элемента с упором на китайскую национальную самобытность. Например, народный праздник Чунъян с 1989 г. отмечается и как День пожилых людей. Китай живет по Григорианскому стилю, но практически во всех календарях под европейскими числами стоят даты китайского традиционного календаря и названия народных праздников.

Принятый Политическим административным советом (правительством) КНР 23 декабря 1949 г., вскоре после образования КНР, документ под названием «Порядок проведения общенациональных праздников и памятных дат» устанавливал семь праздников, из которых народным был только один — Китайский новый год Чуньцзе (три выходных дня). Новый год по Григорианскому календарю (1 января) также был нерабочим днем. Китайские русисты иногда проводят аналогию с российскими Новым и Старым новым годом, хотя происхождение тех и других не имеет ничего общего. Остальными праздничными днями были такие дни, как День труда 1 мая, Государственный праздник 1 октября, 8 марта (для женщин), День молодежи 4 мая, День детей 1 июня [Цюаньго]. В документ трижды вносились поправки в сторону увеличения выходных дней по случаю традиционных народных праздников. Теперь в Китае отдыхают в Китайский новый год Чуньцзе, Праздник лодок-драконов Дуанью, Праздник середины осени Чжунцю и День поминовения усопших Цинмин (единственный праздник, имеющий установленную дату). Всего в законе обозначено 11 праздничных дней (при династии Мин, к примеру, их было 18) [Юй Хуэйгэ, с. 89].

Народные праздники — это живая история нации, в которой соединяется повседневная социальная жизнь и духовная культура. Китайские традиционные праздники олицетворяют установившуюся с древности гармоничную связь человека и природы. Китайская цивилизация в основе своей является сельскохозяйственной, и цикл общественной и производственной деятельности всегда соотносился с лунным календарем. С ним связан повторяющийся ежегодно ритм народных праздников. Конечно, в современном обществе в условиях прогрессирующей урбанизации многие, отмечая традиционные праздники, не задумываются об этой связи. О ней напоминает традиционный календарь — живой словарь времен года. Народные праздники — это коллективная память китайской нации.

В старину праздники были обставлены четкими ритуалами и правилами, которые сегодня часто забываются. Имевшие глубокий смысл в земледельческом обществе, ныне они утратили свою социальную основу. Даже в сельской местности «экологическая среда» традиционных фестивалей стала весьма хрупкой. Ускоряется темп общественной жизни, меняется шкала ценностей. Исчезло трепетное отношение к праздникам, которые раньше имели большое значение для семьи. Теперь китайцы имеют гораздо больше выходных дней, и отдых в дни народных праздников не носит былой торжественности и ритуальности, он стал просто дополнительным свободным временем. Тра-

диционные праздники в условиях новой общественно-политической реальности утратили былое значение, заложенный предками смысл и ярко выраженную религиозную и обрядовую суть, но традиция отмечать их по-прежнему жива.

Китайский институт социологических опросов в 2016 г. провел исследование среди 2 тыс. человек в 12 крупных городах, в т. ч. в Пекине, Гуанчжоу, Нанкине, Шанхае. Результаты показали, что самым важным традиционным праздником респонденты считают Китайский новый год, или Праздник весны — Чуньцзе. Тем не менее многие жалуются, что под влиянием индустриальной цивилизации и современной западной культуры пропадает ощущение национального характера праздника [Чэнь Цзецзюнь, с. 38].

На характер проведения традиционных праздников, в первую очередь Чуньцзе, также влияют изменения внутренних социальных условий. Сегодняшняя семейная структура имеет отличную от прошлого черту — поколения отделены друг от друга, находятся часто в разных районах страны. Редко под одной крышей живет 3–4 поколения, что было привычным явлением для старого Китая. Охвативший китайских молодых людей индивидуализм и стремление к полной самостоятельности снижают их энтузиазм по поводу коллективного празднования. Растет разрыв между представителями разных поколений. Привычным стало жертвовать частью духовной жизни в интересах бизнеса и карьеры, материального благополучия, которые выходят на первый план и ставятся выше традиции. Часто даже в сельской местности невозможно собрать всех членов семьи в Новый год. Деревенская молодежь работает далеко от родных мест и считает поездку домой лишними тратами. При невысоком уровне доходов дети не могут купить билеты и достойные подарки родителям, а без подарков вернуться домой нельзя. Молодые родители подолгу не видят своих детей, оставленных в деревне, что ведет к ослаблению семейных связей, которые высоко ценились в традиционном обществе. Отсутствие кровной общности во время фестиваля делает невозможным проведение традиционных обрядов в их изначальном смысле. В последние годы пандемия добавила сложностей с передвижением, и воссоединение на Чуньцзе стало еще сложнее. Например, дорога из-за границы в Китай с учетом карантинных мер занимает почти месяц. Внутреннее передвижение сопряжено с оформлением маршрутных карт и «зеленых» кодов.

В корне изменилась материальная составляющая народных праздников. Не надо ждать праздника, чтобы из укромных мест и сундуков достать сэкономленные продукты, припрятанные деликатесы. Праздничный стол не кажется настолько желанным, как раньше, когда стремление подготовить его и достойно встретить праздник заставляло людей усердно работать в течение всего года. Материальное благосостояние китайцев в последние годы значительно повысилось, и они могут себе позволить то, что в былые годы было доступно лишь в праздники. В 2021 г., в год 100-летия КПК, Китай заявил о победе в основном над бедностью и построении общества среднего достатка. Постоянно растут реальные располагаемые доходы на душу населения: в 2016 г. — 21966 ю., в 2018 г. — 28228 ю., в 2021 г. — 35128 ю.

Значительное влияние на традиции оказала коммерциализация. Реклама атакует потребителей задолго до наступления праздников, в первую очередь по линии еды, которая стала чуть ли не самым главным компонентом праздников, превращающихся в кулинарное буйство. Китайцы, как представляется, больше не переживают в праздники благоговение и чувство святости, они окружены успокаивающей атмосферой маркетинговой культуры и кулинарного разнообразия. Рекламщики обращаются к китайской нумерологии и предсказаниям самых авторитетных гадателей, дают блюдам многообещающие названия, чтобы привлечь потребителей. Смысл праздников теряется, а бизнес делает все, чтобы вызвать волну потребления в магазинах, на вечеринках, в туризме. Фестивали стали экономическим явлением, а их темой стало потребление. Супермаркеты переполнены праздничными товарами из разных провинций на разный вкус. Если раньше в праздничные дни еду не готовили, потому что боялись навлечь неприятности (по-китайски «жарить» звучит как «ссориться»), то теперь к плите не подходят вообще, потому что многие семьи отправляются в ресторан или заказывают блюда домой. Раньше хозяйки делали цзунцзы¹ и выставляли их перед воротами, чтобы продемонстрировать свое умение, а теперь покупают их в супермаркете, придирчиво выбирая начинку и производителя. В современном обществе все легко заказать и получить дома. Специальность курьера-доставщика — одна из самых востребованных. Китайцы очень ценят удобство, поэтому они готовы тратить деньги, чтобы получить услугу и не напрягаться самим.

«Предновогодний ужин», знак воссоединения — самый главный атрибут Чуньцзе, — переместился из семьи в общественное пространство. В ресторанах задолго до праздника большинство мест забронированы, кухня работает с большим напряжением, готовит наборы на заказ и рассылает их по адресам. Некоторые китайские социологи считают, что коммерциализированный «предновогодний ужин» без «домашней еды» ведет к тому, что люди уже не могут оценить заключенное в нем счастье [Чэнь Цзецзюнь, с. 40].

На «красных» предновогодних базарах представлены вырезки из бумаги с символом года и иероглифами «счастье», «долголетие», «богатство», парные надписи с пожеланиями, фонарики и прочая атрибутика Нового года. В больших магазинах эти товары, изготовленные типографским способом, выставлены на самых видных местах и поражают разнообразием. Самые взыскательные покупатели заказывают надписи у каллиграфа. Стоит отметить, что в Китае — в отличие от нашей страны — не пользуются популярностью фигурки и статуэтки с изображением символов года. Китайцы предпочитают философские изречения, древние мудрости и пожелания счастья, долголетия, благополучия. Даже в современных многоэтажных домах по обе стороны от входной двери красуются парные надписи; третью, горизонтальную, обычно располагают над дверью. В 2022 г. они были связаны с тигром: «В год тигра рождают-

1 Цзунцзы — традиционное блюдо праздника Середины лета Дуаньбу из клейкого риса с разными добавками. Все это заворачивают в бамбуковые или тростниковые листья в форме треугольника или прямоугольника и готовят на пару.

ся тигры — весенний ветерок приветствует весну»; «Тигр прыгнул в Китай и оживил промышленность — идет весна, все будут счастливы». Горизонтальная надпись несет общий смысл: «Счастье входит в дом», «Счастье для всех», «Исполнения желаний», «Успеха во всех делах» и др.

Упрощается обрядовая сторона праздников. В первый день нового года раньше посещали родственников и друзей, и это было важным способом коммуникации, выражением уважения друг к другу. Если хозяин отсутствовал, гость оставлял визитную карточку: в начале прошлого века она была размером с сегодняшней лист А4 — масштабный знак уважения! Визит не оставался без внимания — хозяин отправлял слугу, чтобы обговорить дату встречи. Сегодня этот ритуал упрощен: можно послать картинку, видео, смайлик или эмодзи, не тратя время на пожелания. Предлагаемые высокими китайскими технологиями варианты заменяют поздравительные слова. Впрочем, открытки, хотя и становятся менее популярными, находят своих покупателей, как и календари с обязательным изображением символа года.

Не ушла из жизни традиция дарить на Новый год подарки, хотя и она испытала влияние модернизации и цифровизации. Младшее поколение в торжественной обстановке в красивой одежде раньше преподносило красные конверты с деньгами старшим членам семьи. Это было первое проявление сыновьего почтения «сяо» в новом году. Дети тоже получали красные конверты, их дарили взрослые. В 2015 г. популярный китайский мессенджер WeChat запустил акцию «красный конверт», которая в корне изменила символическое значение «новогодних денег». Желанные и красивые красные конверты, передаваемые из рук в руки членами семьи, превратились в банковскую транзакцию. Китайцы, подверженные рекламе и всему новому, активно включились в кампанию. За 8 дней услугой воспользовались 8 млн пользователей, а получателями конвертов стали более 40 млн чел., в среднем каждый получил по 4–5 переводов. Пик активности пришелся на канун Нового года, когда в течение одной минуты отправлялось по 25 тыс. конвертов. Средняя сумма подарка была 100 юаней (около 1,3 тыс. руб.). Самым большим переводом была сумма в 190 тыс. юаней (около 2,3 млн руб.). Кампания оказала влияние даже на Alipay. Джек Ма назвал акцию «атакой типа Перл-Харбора». По мере роста благосостояния народа конверты становятся все толще, расходы и бремя семей увеличиваются, но люди не в силах отказаться от установленного предыдущими поколениями обычая.

В Китае по-прежнему сохраняется значительная часть населения, которая получает скромные доходы и выражает недовольство сложившейся в последние годы «праздничной экономикой», когда сфера услуг получает огромные прибыли за счет роста цен на товары, транспорт, гостиницы — в ущерб потребителям. Чтобы облегчить праздничное бремя, правительство в некоторых случаях вводит льготы, в том числе бесплатный проезд на скоростных автомобильных дорогах, снижение цен на входные билеты в музеи и парки. Китайское руководство уделяет повышенное внимание проблеме социального неравенства и ставит целью «создание более справедливого общества».

Неотъемлемую часть любого праздника составляет еда. Употребляя установленную для того или иного праздника еду и совершая определенные действия, китайцы подсознательно сохраняют традиции и демонстрируют уважение к своей культуре. Во время Чуньцзе на севере едят пельмени, в районах южнее Янцзы традиционным считается няньгао — блюдо из рисовой муки клейких сортов. В дни Фестиваля фонарей полагается есть круглые шарики юаньсяо как символ единства и счастья. Они славятся тем, что изготавливаются без швов. Их делают из рисовой муки, внутрь кладут традиционные начинки: орехи, красные финики, бобы. В Праздник середины осени по-прежнему едят «лунные пряники». В Шанхае, например, за неделю их съедают больше 10 тыс. тонн. Рынок реагирует на изменение требований потребителей. Пряники становятся менее жирными (в старину использовали свиной жир), более разнообразными по форме и начинкам. Ручное изготовление пряников уступило место фабричному производству. В Поднебесной не стихает ажиотаж на приобретение подарочных наборов с магическими цифрами на ценнике или на самом товаре типа 9, 99, 999, сулящих полное благополучие. В праздник Середины осени принято есть фрукты круглой формы (символ Луны). К ним относятся апельсины, гранаты, но больше всего — помело, цитрусовый плод, который созревает как раз в это время года. Цзунцзы связаны с днем двойной пятерки (5-й день 5-го месяца). Молодежь не утруждает себя запоминанием названия Дуанью и упрощенно называет этот праздник Днем цзунцзы, не ассоциируя его с названием дня по лунному календарю, не задумываясь о его содержании.

Утрачены многие идеи народных праздников, однако часть старого смысла все же осталась. Чуньцзе символизирует переход во времени от старого к новому, к тому же это радость семейного единения, демонстрация взаимной поддержки, надежды на лучшее будущее; в Цинмин и Чунъян люди задумываются о своих корнях, семейных ценностях и родственных связях, выражают сыновью почтительность «сяо», проявляют уважение к своим предкам; Дуанью связан с воспоминаниями о поэте-патриоте Цюй Юане, защищавшем интересы своего княжества. Сегодня чувство патриотизма и оправданной гордости за страну превалирует у большей части китайцев. Глядя на луну в день осеннего полнолуния, никто, конечно, не верит, что там в волшебном дворце живет богиня Чан Э и трехлапая жаба, что заяц толчет в ступке волшебные снадобья, а Лунный старец готовит красную нить, чтобы связать ею очередную пару новобрачных. Однако китайцы абсолютно убеждены, что в середине осени луна самая большая и яркая и ею надо любоваться в философском молчании. Персонажи древних мифов и сказаний популярны в современном мире, они дали названия многим торговым маркам. Запущенные в Китае искусственные спутники названы «Чан Э», а отправленный в 2013 г. на Луну аппарат — «Нефритовый заяц».

Созерцание в представлении китайцев — это наслаждение природой, повод ощутить свою связь с ней, подспудно подтвердить единство человека и неба. Это абсолютная константа китайского характера. Обряды праздников следуют природным циклам: люди весной наслаждаются зацветающими еще в холода сливами и магнолиями, гуляют по молодой траве и украшают дом ветками ивы, летом — любят пионами, которые считаются национальным цветком, осенью — красными листьями, разноцвет-

ными азалиями и оранжевой хурмой, особенно красиво выглядящей на ветвях после опадания листьев. Городские парки и зоны отдыха переполнены гуляющими не только в праздничные, но и в выходные дни. Неподвижная гладь озера, стремительные потоки водопада или ручья, нагромождение камней причудливой формы, сочетание возвышенных и равнинных участков с пагодами, павильонами и беседками с поэтически-философскими названиями — все это располагает китайцев к расслаблению, покою и отдыху. Неизменной остается традиция семейных прогулок родителей с детьми и старшими членами семьи.

Почтительное уважение к старшим по-прежнему присуще большинству китайцев. Понятие «сяо» (сыновья почтительность, сыновье благочестие) с древности регулировало семейные отношения в Китае, а значит, и отношения с властью, так как император считался отцом всех китайцев. Г.В.Ф. Гегель в свое время отметил, что китайцы «сознают себя принадлежащими к своему семейству и в то же время сынами государства» [Гегель, с. 115]. Пройдя испытание столетиями, революциями и войнами, экономическими трансформациями и политическими кампаниями, «сяо» сегодня не исчезло. Без него невозможно анализировать характер и поведенческие стереотипы китайцев. От древнего обычая во время Цинмин доставать из могилы кости предков и омыwać их в знак уважения и памяти китайцы давно отказались. Но о бережном отношении китайцев к предшествующим поколениям говорит включение этого праздника поминовения усопших в число общегосударственных памятных дат. Это одновременно печальный и жизнеутверждающий праздник. Он проходит 4–5 апреля по всей стране по единому сценарию: родственники собираются, чтобы навести порядок на могиле предков, продемонстрировав уважение к умершим, зажигают благовония и жгут ритуальные деньги, отгоняют злых духов хлопучками. Если в 1950–60-е годы на могилы приносили самые простые продукты (пампушки, яйца), то теперь можно увидеть упаковки продуктов западных фирм и живые цветы в венках и букетах, которые заменили единственно приемлемые раньше искусственные цветы. В день Цинмин торжественная церемония символического жертвоприношения с участием государственных и партийных руководителей регулярно проводится на могиле Желтого императора в провинции Шэньси в знак уважения китайской нации к своему предку. Захоронение в 1961 г. было включено в число охраняемых государством объектов культуры и называется «первым захоронением в Поднебесной». В последнее время в Цинмин стали проводить патриотические мероприятия у памятников национальным героям [Чжунго миньсу, с. 211] и советским воинам, погибшим в Китае. Прогресс вторгается даже в самые сокровенные стороны жизни китайцев. Появились компании, которые предлагают услуги по посещению в Цинмин могилы и выполнению всех требуемых формальностей, если родственники находятся далеко и не могут приехать лично.

Сегодня «сяо» живет на генетическом уровне, где-то в подсознании китайцев. Многие не употребляют это понятие как таковое, но живут с ним и исповедуют его. Воспитанием уважения к старшим и формированием нравственных ориентиров молодежи, кроме семьи, занимается также государство, в том числе в дни народных праздников. На приуроченных к ним ярмарках продаются картинки (подобие нашего лубка), ил-

люстрирующие сыновье почтение, с такими названиями: «Сдерживать тигра, чтобы спасти отца», «Ду Юн продал себя, чтобы спасти мачеху», «Кормить свекровь грудью», «24 примера сыновьей почтительности» [Лемешко, с. 275] и др. Такие же картинки вывешиваются на стендах с подробным описанием сюжета и героев. Социальная реклама на тему сыновьей почтительности размещается на плакатах, растяжках, стенах домов, ограждениях строительных площадок. Семейный пиетет живет в обществе, хотя и претерпел кардинальные изменения. Беспрекословное повиновение и подчинение главе рода или семьи, считавшиеся первой обязанностью китайца, остались в прошлом, но люди сохранили внутреннее уважение к старшим. Это проявляется во взаимоотношениях в повседневной жизни. Готовность помочь и проявить сочувствие к пожилым у китайцев совершенно искренняя. На всю жизнь остается уважение к «лаоши» — учителю: школьному, университетскому, наставнику на работе. Не случайно школьники в день начала занятий посещают храмы Конфуция — первого учителя для китайцев, выражают ему свое уважение. Близкими, как правило, остаются отношения между родителями и взрослыми детьми, живущими в другом месте. Уехавшие из деревни в город дети помогают родителям. Что касается коллективного «сяо», то оно проявляется в чувстве патриотизма, национализма в хорошем смысле этого слова, в гордости за свою страну, в доверии к власти. Последнее ярко проявилось по время пандемии, когда население беспрекословно выполняло карантинные мероприятия, подчас очень жесткие, что обеспечило успех в борьбе с коронавирусом.

Китайские обществоведы считают, что «сяо» устойчиво, но находится в стадии трансформации и обновления, которые должны быть направлены на установление качественной сыновьей почтительности, что подразумевает учет реальности, ориентирование на потребности родителей, проявление внимания к ним в пределах своих возможностей [Тянь Бэйхай, с. 101–111].

В 2006 г. государство обратило внимание общества еще на один праздник, в который вспоминают предков: день Чунъян был включен в список государственного нематериального наследия. Этот день напоминает, что старшие — это корни семьи, достояние общества, богатство страны. Это напоминание для тех, что надолго остаются детьми и не желают воспринимать родителей и старших как объект, нуждающийся в заботе. Такие «большие дети» эгоцентричны, они не признают правил поведения в обществе, им не хватает чувства ответственности.

О долге нерадивых детей перед родителями вынуждено было напомнить государство. В 2012 г. в закон «О защите прав и интересов пожилых лиц»¹ была внесена поправка о том, что члены семьи, которые живут отдельно от пожилых родителей, должны регулярно их навещать или справляться об их здоровье, а работодатели обязаны предоставлять для этого отпуск [Чжунхуа]. Слово регулярно вызвало бурные дискуссии в сообществе юристов, так как никакого уточнения относительно частоты посещений в юридическом документе, требующем точности формулировок, не содержится. Пред-

1 Закон вступил в силу с 1 января 2013 г.

ставляется, что смысл поправки в том, чтобы обязать безответственных детей (а такие появились в китайском обществе) хоть как-то заботиться о родителях. В разъяснениях к Закону на местах встречаются положения о том, что работодатели имеют право контролировать посещение родителей и в случае недобросовестного выполнения сыновьего долга могут воздействовать на работника.

Большую воспитательную работу проводит государство в лице органов министерств образования и культуры, местных органов, организаций КПК, через СМИ. В 2014 г. в городском уезде Цюньлай (г. Чэнду, пров. Сычуань) появился первый в Китае Музей современной культуры сыновьего почтения, на церемонию открытия которого приехали 7 «образцовых сыновей» из разных частей страны. Музей построен на добровольные взносы и, по замыслу создателей, должен влиять на посетителей, чтобы они проявляли больше почтения к родственникам, уважали пожилых, проявляли доброту, были благодарны обществу [Дандай]. В 2014 г. в Китае вышли 12 короткометражных фильмов, объединенных идеей внимания к старшему поколению. В их основе — антология Го Цзюйцзина, жившего в эпоху Юань (1271–1368), создавшего 24 рассказа о сыновьей почтительности. Таким образом кинематографисты попытались привлечь внимание общества к проблеме пожилых людей.

На изменение традиционного смысла китайских народных праздников и, соответственно, поведенческих характеристик населения повлияли разные факторы, в том числе индустриализация, ослабившая экономическую основу этого смысла, демократизация, ослабившая его политическую основу, возросшая мобильность, нарушившая пространственную основу, углубляющаяся индивидуализация, подорвавшая культурную основу, глобализация, ослабившая внимание к традиционному знанию.

История существования КНР показала, что население сохраняет приверженность многим обычаям и национальной специфике, и это несколько не мешает модернизации, успех которой в Китае не в последнюю очередь зависит от степени соответствия ее принципов традиционной системе ценностей. Многовековые традиции способствовали формированию нации ответственных, трудолюбивых, целеустремленных, преданных своему делу патриотов, работающих на благо своей страны. Растет благосостояние народа, повышается его культурный уровень, в сознании китайцев сохраняется верность традициям. Доставшиеся от предыдущих поколений нормы в условиях глобализации демонстрируют живучесть и сопротивление внешнему влиянию, претерпевают изменения и приспосабливаются к новой ситуации, но не утрачивают своего значения для народа, оставаясь той нитью, которая не дает разорвать связь поколений. Уменьшение влияния традиционной культуры является неизбежным явлением в обществе в эпоху глобализации. Старшее поколение китайцев, более эмоциональное и чувствительное, сильно переживает из-за отмирания старых обычаев и традиций народных праздников. Однако подобная тенденция существует во всем мире, и Китай скорее в какой-то мере показывает пример поддержки традиций народных праздников на государственном уровне и их вписывания в канву жизни современного китайского гражданина в нынешних реалиях.

Литература

- Верченко А.Л. Китайские народные праздники. М. 2002.
- Верченко А.Л. Китайский Новый год в исторической ретроспективе // ПДВ. М. 2015. С. 145–153.
- Гегель Г.В.Ф. Китай // Сочинения в 14 т. Т. 8. Философия истории. М.-Л. 1934.
- Исаева Л.И. Страна уехала на праздник. (Очерки по истории возникновения китайских народных праздников и их описание). ИДВ РАН. М. 2017.
- Лемешко Ю.Г. Картины-серии «24 примера сыновней почитательности» в контексте современности // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых (с международным участием). Владивосток. 2012.
- Ба бай вань юху чуныце цян вэйсинь хунбао чжифубао даньгэ цзуй да хунбао ши цзю вань [Десять тысяч пользователей штурмуют красные конверты Вэйсинь, самый большой красный конверт — 190 тыс.]. — URL: finance.people.com.cn/n/2014/0210/c1004-24309231.html (дата обращения: 25.02.2022). (на кит.яз).
- Дандай сяодао вэньхуа боугуань цзай чэнду кайгуань [В Чэнду открылся Музей современной культуры сыновнего почтения. — URL: cul.qq.com/a/20141103/045920.htm (дата обращения: 19.02.2022). (на кит.яз.).
- Тянь Бэйхай, Ма Яньжу. Чжунго чуаньтун сяодао дэ бяньцянью юй чжуньсин ци синь сяодао дэ цзяньгоу [Изменения китайской традиционной сыновней почитательности и построение новой сыновней почитательности в переходный период] // Учеба и практика. 2019. № 10. С. 101–111.
- Цюаньго няньцзе цзи цзинянь жи фанцзя баньфа [Порядок проведения общенациональных праздников и памятных дат]. — URL: gov.cn/zhengce/2020-12/25/content_5574202.htm (дата обращения: 20.01.2022). (на кит.яз.).
- Чжунго миньсу гайлунь [Введение в китайскую фольклористику]. Пекин. 2009.
- Чжунго цзежи [Праздники в Китае]. Пекин. 2005.
- Чжунхуа жэньминь гунхэго лаонянь жэнь цюаньли баочжан фа [Закон о защите прав и интересов пожилых лиц]. — URL: gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (дата обращения: 02.02.2022) (на кит. яз.).
- Чэнь Цзецзюнь. Шэхуэй сюэ шицзюа ся чжунго чуаньтун цзежи вэньхуа бяньцянью — и миньнань чуныце сису вэй ли [Изменения в культуре китайских традиционных праздников под углом зрения социологии: на примере обычаев Праздника Весны в южной части провинции Фуцзянь] // Вестник Гуансийского национального педагогического университета. 2016. № 2.
- Я Сэ, Чэнь Яньцзюнь. Чжунхуа миньсу чжиши цюань чжидао [Полное собрание китайских народных обычаев]. Пекин. 2010.

Authors

Anton KRUTIKOV — Historian, External Expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; bialyorzal1000@gmail.com.

Viktor NADEIN-RAEVSKIY — Director of the Institute of Political and Social Research of the Black Sea — Caspian Region; Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations (MEMO) RAS; PhD in Philosophy; nrvictor@mail.ru.

Yakov SHEMYAKIN — Chief Researcher, Institute of Latin America (ILA), RAS; Doctor of History; shemyakinx3@gmail.com.

Vadim TRUKHACHEV — Associate Professor, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.

Alla VERCHENKO — Senior Researcher, Center for Contemporary China's History and Its Relations with Russia, Institute of Far Eastern Studies, RAS, veilan@yahoo.com.

Ladislav ZEMÁNEK — Doctor of Philosophy, Charles University (Prague), Analyst of the China-CEE Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); zemanek.ml@gmail.com.

Abstracts and Keywords

Viktor NADEIN-RAEVSKIY

HISTORY OF PAN-TURKISM AND ITS CONTEMPORARY SUPPORTERS PART 1. KEY MILESTONES IN THE HISTORY OF PAN-TURKISM

Abstract. *The events in Kazakhstan in January 2022 have driven attention not only to the Islamists of the “Kazakh Jamaat”, but also to pan-Turkists in other countries and regions. To understand motivations of such actors, it is necessary to trace the history of two pan movements, pan-Turkism and Pan-Turanianism, from ancient roots to modern projections. Pan-Turkism emerged on the basis of the ideas of pan-Turanianism, which were designed to save the Ottoman Empire through eastward expansion into Turkic-speaking countries and regions. This led to Turkey’s entry into World War I and the Ottoman Empire collapse. During the Second World War, one could see in republican Turkey efforts to revive hopes for creating a “Great Turan”.*

Keywords: *pan-Turkism, pan-Turanianism (pan-Turanism), Ottoman Empire, Armenian genocide, Turkism, Turkey, Turkic peoples, Kazakhstan, Wild Arman, Erdogan, TURKSOY, Organization of Turkic States.*

Anton KRUTIKOV

THE 1920 POLISH-UKRAINIAN TREATY

Abstract: *The article dwells on the history of the treaty concluded on April 21, 1920 in Warsaw between the governments of Republic of Poland and the newly formed Ukrainian National Republic. Amid the anarchy and chaos of the Civil War in Russia, an agreement with Symon Petliura’s Ukrainian government was considered by the Polish leadership as an important step in implementing an extensive plan to “buffer” Eastern Europe. The emergence of a newly formed Ukrainian state was to be a key element in the Polish Republic’s “security belt” to the east. The failure of J. Pilsudski’s “Kiev offensive” in the spring of 1920 revealed Poland’s vulnerabilities in the strategically important Ukrainian borderlands and led to the development of the policy of Polish “Prometheism” in the interwar period.*

Keywords: *Poland, Ukraine, Treaty of Warsaw (1920), Polish-Ukrainian Alliance, Petliura-Pilsudski agreement, Soviet-Polish war, UPR (UNR).*

Anton KRUTIKOV**PHILOSOPHER N.O. LOSSKY AND HIS REFLECTIONS ON THE RUSSIAN NATION, UKRAINIAN AND BELARUSIAN NATIONALISM**

Abstract. *Emphasizing the Russian people's capacity for the highest forms of spiritual experience, and the universality and universalism of Russian culture, the philosopher N.O. Lossky, who was exiled from Russia in 1922, concluded that the "great Russian nation" had deep spiritual roots. The scholar substantiated the idea of the historical unity of Russians, Ukrainians and Belarusians, contrasting it with the practice of cultural and political separatism. Owing to common historical work, the three branches of the Russian nation, according to Lossky, created "a great power with a world culture". Considering the nation from the standpoint of the philosophy of personalism as a "personality of the highest order", N.O. Lossky argued for the indivisibility of the Russian cultural and historical tradition.*

Keywords: *N.O. Lossky, Russian Revolution, nationalism, Russian philosophy, Russian nation, USSR, Ukraine, Belarus, Ukrainian nationalism, Belorussian nationalism, Belarusian nationalism.*

Yakov SHEMYAKIN**FORMS OF DIALOGUE IN THE PROCESS OF INTER-CIVILIZATION INTERACTION: RUSSIA, LATIN AMERICA, AND THE WEST IN COMPARATIVE AND HISTORICAL PERSPECTIVE**

Abstract. *Proceeding from M.M. Bakhtin's concept, the author defines dialogical communication as the basis of human existence. The article substantiates the idea that the understanding of dialogue is conditioned by the main characteristics civilizations of the East and West and frontier civilizations, the largest of which are Russia and Latin America, is determined by principally different ways of building dialogue, namely, by differing approaches to dealing with the problem of the Other. The author compares exclusionary discourses, typical of "classical" civilizations, with inclusive discourses of the frontier civilizations.*

Keywords: *dialogue, monologue, classical civilization, frontier civilization, exclusionary discourse, inclusive discourse.*

Vadim TRUKHACHEV**RUSSIA, ORBAN AND OTHER INTRICACIES OF HUNGARIAN POLITICS**

Abstract. *Hungarian politics is characterized by a particular focus on the personality of the head of government. On the eve of the parliamentary elections of 2022 a motley coalition of six opposition parties opposed Viktor Orban and the ruling coalition. One of the main issues on which Hungarian parties have taken different positions for decades is the attitude towards Russia. Other topics of serious disagreement include democracy, traditional and non-traditional values, the Roma problem and migration policy, relations with the European Union and NATO, and the situation of Hungarians in neighboring countries, especially in Ukraine.*

Keywords: *Hungary, Orban, elections 2022, European Union, Russia, Ukraine, LGBT.*

Alla VERCHENKO**CHANGES IN TRADITIONAL BEHAVIOR PATTERNS OF THE MODERN CHINESE (BASED ON THE CASE OF CHINESE NATIONAL HOLIDAYS)**

Abstract. *Folk festivals are the living history of a nation combining everyday social life and spiritual culture. The history of folk festivals in China is rooted in the depths of five thousand years of civilization. The commitment of the Chinese to traditional holidays have endured through changing dynasties, wars, the radical “cultural revolution”, withstood westernization and globalization. However, traditional meaning of Chinese folk holidays and behavioral patterns have changed. Industrialization, democratization, increased mobility, individualization and globalization have gradually eroded the economic, political and cultural foundation of ancient traditions; detached rituals from the local context, weakened the focus on traditional knowledge. The content of holidays and ceremonies are being simplified. The spiritual component is giving way to the material one as commercialization is growing. But due to people's memory and to the support of the state, traditional holidays continue to be an important aspect of society life in the new environment.*

Keywords: *China, behavior patterns, Chinese folk holidays, Chunjie, traditions, Chinese culture.*

Ladislav ZEMÁNEK

RUSSIA'S COMPREHENSIVE SOVEREIGNTY: A CONSERVATIVE STATE PARADIGM

Abstract: *The article analyses the current Russian concept of sovereignty in light of the fundamental normative documents of the Russian Federation. Sovereignty as a key category of Russia's state paradigm is viewed from a historical perspective, taking into consideration the specific development of Russian civilization, as well as the existing international context. The principle of sovereignty spills over to new areas, not being limited to the domain of international relations, and thus acquiring a comprehensive character. The analysis shows that the present reinterpretation of sovereignty within the framework of Russia's dominant paradigm has conservative features domestically, and, at the same time, progressive features in terms of foreign policy, which is aimed at the democratization of the global order.*

Keywords: *Russia, sovereignty, national security, state, modernization, the West, liberalism, conservatism, Vladimir Putin.*

Ladislav ZEMÁNEK

RUSSOPHOBIA AND THE TRANSFORMATION OF THE CZECH LIBERAL DEMOCRACY IN RELATION TO THE UKRAINIAN CRISIS

Abstract. *The article inquires into the transformation of Czech domestic politics in connection with the military operation in Ukraine and the related anti-Russian campaign conducted by the Western liberal democracies. The study focuses on the restriction of fundamental rights and freedoms, the introduction of censorship measures, the criminalization of the „dis-sent“, active state counter-propaganda, as well as discrimination against the Russian and Belarusian citizens and subjects in various spheres of the public life in the Czech Republic. The analysis reveals the contradictory character of the Czech state policy that undermines the very foundations of the rule of law with the participation of the interest groups supported from abroad. The transformation of the existing model towards „liberal authoritarianism“ is studied within the framework of the securitisation process, an integral part of which is the radical de-Russification of Czech society.*

Keywords: *Czech Republic, liberal democracy, liberal authoritarianism, securitisation, Rus-sophobia, military operation, censorship, discrimination, disinformation.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

№1 (28)

2022

E-journal «Perspectives and prospects»

№1 (28)

2022

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7(495)789 80 87